

АНГЛИЙСКИЙ ЯЩУР ПЕРЕСЕК ЛА-МАНШ. ПАНИКА В ЕВРОПЕ

ЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

3 / 4688 / МАРТ 2001 / ISSN 0131-0097

В ЭТОМ НОМЕРЕ

ЛЕОНИД

ЯКУБОВИЧ

ВЗЛЕТЕЛ

НА ВОЗДУХ

НАС ЖДЕТ

ТЕЛЕФОННАЯ

КАТАСТРОФА

ПОСЛЕДНЯЯ

ЛЮБОВЬ

ЗИНОВИЯ

ГЕРДТА

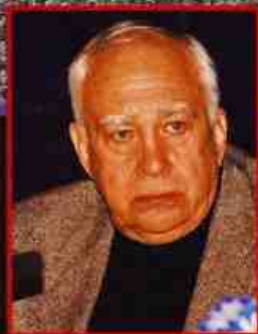
ОБВАЛ

В НЕМ УЦЕЛЕЕТ ТОЛЬКО РОССИЯ

поставщик высококачественных нефтепродуктов на российский рынок и в страны ближнего зарубежья. По вопросам поставок обращаться: тел. (095) 777-31-49, факс (095) 777-31-50

Я воспринимаю примус исключительно с эстетической точки зрения. Посмотрите на него — латунный широкий низ, куда заливали бензин, устойчивая подставка-тренога... Нет, что бы ни говорили, но этот добротный источник тепловой энергии определенно красив, его хочется долго рассматривать. У нас примусы выпускала оборонная промышленность. Именно оборонная, а не конверсионная, когда заводы стали менять профиль деятельности, штампуя кастрюли и сковородки. И это правильно, примус — это предмет, который не терпит кустарщины, и только люди, знающие толк в военном деле, могли

так грамотно решить, казалось бы, такую обычную бытовую штуку. Конечно, свой век примус уже отжил. Свою незаметную, но незаменимую роль в жизни целого поколения в годы Великой Отечественной войны и послевоенного времени, когда люди жили в бараках и об отдельной квартире с газовой плитой могли только мечтать, уже отыграл. Пусть он хранится в вашем музее. А молодое поколение узнает о его существовании только из книжек и фильмов. Помните, у Булгакова в «Мастере и Маргарите» кот Бегемот говорит: «Сижу, никого не трогаю, примус починяю...»

Вадим Юсов, кинооператор

В ПОМЕРЕ

10 НЕ ПРЯЧЬТЕ ВАШИ ДОЛЛАРЫ ПО БАНКАМ И УГЛАМ!

**АЛЕКСАНДР НИКОНОВ СПРОСИЛ
У ЭКОНОМИСТА МИХАИЛА ЛЕОНТЬЕВА,
ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С ДЕНЕЖКАМИ
ИЗ КУБЫШКИ, ПОКА КРИЗИС
ИХ НЕ СЪЕЛ**

Во время кризиса пострадают все.
Так что предотвращать его будут все. Всеми силами.
И Америка не сможет не пойти навстречу
финансовому сообществу,
которое не может согласиться с крахом мировой
финансовой системы.
Доллар давно уже не принадлежит только Штатам.

19 ЗА ЧТО МЫ НЕ ЛЮБИМ ДРУГ ДРУГА?

**ЧТО ДУМАЮТ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ
УЧЕНЫЕ**

Ненависть сплачивает общество
гораздо крепче любви,
кого бы ни принимались ненавидеть.
Неприязненные чувства часто бывают стадными.
Это только любовь редка и избирательна.
Ненависть же растекается как византийский огонь.

27 НЕТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

**ВСТРЕЧА С ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ
СПЕЦИАЛИСТОВ**

ПО СВЯЗИ ЛЕОНИДОМ МАЕВСКИМ

Когда у вас отключают свет, тепло, газ или воду,
вы наверняка бросаетесь к телефону,
чтобы сообщить о случившемся.
Теперь представьте, и по телефону нельзя позвонить.
Не исключено, что скоро так и будет.
Но введение повременной оплаты как-то не радует.
Хотя абонентская плата покрывает
лишь две трети издержек на обслуживание одного
телефонного номера.

30 ОН БЫЛ ЗДЕСЬ ВСЕГДА

**МАРГАРИТА РЮРИКОВА
ОБ ИСТОРИИ ЛЮБВИ
ЗИНОВИЯ ГЕРДТА
И ТАТЬЯНЫ ПРАВДИНОЙ**

Он приехал с аэродрома домой, где
был накрыт стол и сидели гости.

Когда гости ушли,
Гердт сказал жене: «Я полюбил
другую женщину».

Я ухожу».

Он, конечно, думал,
что всаживает кинжал
в спину женщины, но ушел,
все оставив ей,
и кинжал был вынут
почти безболезненно.

Все оказалось
не так страшно.

ОГОНЁК
НАСТРОЕНИЕ НЕДЕЛИ

Дети совершенно не умеют глобально
и стратегически мыслить. Они никак не могут
понять, что традиция бумажных корабликов
устарела, что Россия давно уже не морская
держава, что грядущая весна — вовсе
не повод для радости, а только кошмарное
время паводков и грязи, что вообще куда-то
что-то запускать сейчас, в наше трудное
время, — чистое безумие.
А они все сидят возле этих ручьев
и пускают, пускают, пускают.

Слушайте «Настроение недели» на Радио-1 — «Доброе радио» — в 13.30

сибнефть

поставщик высококачественных нефтепродуктов на российский рынок и в страны ближнего зарубежья. По вопросам поставок обращаться: тел. (095) 777-31-49, факс (095) 777-31-50

ОГОНЁК ПАНОРАМА

ф у т у р о л о г и я

ЭКОЛОГИ ВСЕХ НАКРОЮТ

Будет или не будет всемирная экологическая катастрофа, пока неизвестно, но на всякий случай американские экологи построили восемь огромных биосфер под названием «Сады для жизни». Системы полностью закрыты и автономны. Пока что в нью-здемах будут жить лишь растения. Потом туда подселят разных млекопитающих, а если что неладное случится, туда подселится и цари природы, homo sapiens. Изготовители спасательных куполов надеются, что такие сады захотят себе завести все страны мира, так что обвинение экологов не грозит.

ЖИВОЙ УГОЛОК

И ЭТО ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР?

Некогда райский уголок земли — танзанийский заповедник Нгоронгоро в кратере древнего вулкана — медленно, но верно превращается в одно большое кладбище животных. Там свирепствует таинственная болезнь с романтическим названием «лихорадка восточного побережья». За минувший год она погубила 300 буйволов, 70 зебр, 200 антилоп-гну и трех бегемотов. Несчастья обитателей заповедника продолжаются. На днях восемь африканских львов пали жертвами теперь уже полчищ мух-кровососов. Смотрители заповедника в полном отчаянии.

ВОСПОКОВЕЩЕНИЕ

СКАНДАЛ В ЧАЙНА-ТАУНЕ

В Китае вспыхнул скандал. В провинции Цзянси загорелось и почти сразу взорвалось здание начальной школы, погибли 42 человека, большинство из них — школьники до 10 лет. Судетели взрыва и спасатели утверждают, что под прикрытием учебного заведения воем работала фабрика по производству фейерверков, на которой бесплатно дети и трудились вместо учебы. Китайские официальные лица, естественно, все отрицают, но если слухи подтвердятся — у Запада появится неплохой повод поразмышлять, что за дракона пригрел он на своей капиталистической груди.

ВОПРОС НЕДЕЛИ

СОМНЕВАЙТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА

Казалось бы, на детский вопрос «Есть ли жизнь на Марсе?» — может быть лишь два ответа: «да» или «нет». Ошибаетесь. Недавно вопрос этот был задан респондентам социологической службой «Глас Рунета», на что были получены три ответа. 32% заявили твердо «да», 33% — «нет». А целых 35% ответили неопределенным «не знаю». А ведь это и есть, наверное, самый правильный ответ.

Есть ли жизнь на Марсе?

ЯЩУР ПРОТИВ НЕССИ

Жертвой эпидемии ящура в Великобритании пала международная экспедиция по поиску Несси — легендарного чудовища, возможно, обитающего в шотландском озере Лох-Несс. Из-за ограничений на передвижение в связи с эпидемией команда исследователей не смогла прибыть к месту работы. Главное, чтобы ящер Несси не заразился ящуром.

ДУРЬ НА ВЕСАХ

Комиссия по приговорам США рекомендовала увеличить наказание за распространение экстази более чем в 15 раз. Поскольку у комиссии появились новые данные сравнительно воздействия различных наркотических средств. Теперь один грамм экстази приравнивается к 500 граммам марихуаны (раньше соотношение было 1:35). А грамм героина — к килограмму марихуаны. Интересно, существует ли подобная шкала для кофе, сигарет и других наркотиков вроде телевизора? Его можно было бы, например, приравнять к килограмму марихуаны. А может, к двум.

БОЛЬШОЙ БРАТ НА ОРБИТЕ

США решили окончательно утвердить свое положение как Большого брата всего остального мира. Поэтому Национальная разведывательная служба, заведующая и космической разведкой, приступила к созданию проекта глобального шпионажа за всеми. Проектом займутся пять тысяч инженеров и программистов. На все про все уйдет около 20 лет и 25 миллиардов долларов. Зато над Землей зависнут около двадцати спутников-шпионов, каждый стоимостью миллиард долларов и весом 15 тонн. Ни союзники, ни прочие страны мира пока на проект этот никак не среагировали. Размышляют. Но, собственно говоря, кого интересуют их реакция?

КЛАД ДЛЯ БИБЛИОФИЛОВ

Сиднейский университет провел довольно печальную акцию. На местной площадке для крикета состоялась церемония захоронения 10 тысяч книг из университетской библиотеки. Закопанными оказались не только дешевые брошюры, но и редкие старинные экземпляры, потому что их просто негде и не на что содержать. Оказывается, у австралийских учебных заведений те же проблемы, что и у наших.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Бедным англичанам не везет с крупными строительными проектами. Многострадальный Купол тысячелетия, увы, не оправдал возложенных на него финансовых ожиданий и готовится к сносу. Но лондонцы сдаваться не собираются и намерены строить теперь «самое большое здание в Европе». Это будет небоскреб на южном берегу Темзы высотой более 300 метров с огромным офисным комплексом в 27 этажей, 15-этажным отелем, частными апартаментами, барами, ресторанами, концертными залами и смотровой площадкой на последнем этаже. Под проект уже готова идеологическая платформа. Мэр Лондона Кен Ливингстон заявил, что небоскреб — лучший вариант поддержания должного облика современного мегаполиса.

АВГИЕВЫ КОНЮШНИ ВИЛАЛБЫ

Синдром Плюшкина, как выяснилось, имеет интернациональный характер. Испанский Плюшкин — Антонио Вилалба хранил в своей резиденции 140 тонн мусора. Сам хозяин ютился на заднем дворе своего особняка в небольшом сарае, куда пробирался через узенький туннель в мусоре. Мадридские власти долго это терпели, но наконец направили к испанцу сотрудников городских служб в противогазах и с бульдозерами. Те очищали дом две недели и вывезли 30 грузовиков бытовых отходов. Пока сам Антонио живет в другом месте и объяснять, зачем он насобирав столько запасов, не собирается.

Международная конференция «ИНВЕСТИЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ И ПИЩЕВОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ»

Лондон 23–27 апреля
2001 года

Российский рынок продовольствия —
в центре внимания ЕС
Организатор конференции —
лидер российского рынка информации —
агентство «Интерфакс»

Участники конференции — руководители отраслевых министерств РФ
и стран — членов ЕС, губернаторы российских регионов,
представители отраслевых союзов России, международных финансовых
организаций, крупнейшие экспортеры и инвесторы

- В ходе обсуждения стратегии и перспектив сотрудничества РФ и ЕС высокопоставленные делегаты из России и стран Западной Европы определят тенденции развития российского продовольственного рынка, его конъюнктуру и охарактеризуют позитивные изменения инвестиционного климата в России
- Участники конференции обсудят проблемы таможенного регулирования и налогового законодательства в сфере организации и ведения бизнеса в России. Темой разговора станут и вопросы контроля качества экспортируемой продукции
- Организаторы конференции предоставят участникам возможность общения с представителями отрасли и ключевыми игроками на российском рынке продовольствия
- «Interfax Conferences LTD» подготовил серию конференций, первая из которых — «Инвестиции в сельском хозяйстве и пищевой отрасли». Она позволит участникам получить необходимую информацию, поможет в освоении и развитии рынка

За дополнительной информацией и по вопросам участия обращайтесь:

Interfax Conferences LTD
109 Baker street
London W1U 6RP
Tel. (44) (0) 207 486 8282
Fax (44) (0) 207 486 1826
e-mail: borka.skrba@interfax.co.uk

Интерфакс Конференции ЛТД
03006, Москва,
ул. 1-я Тверская-Ямская, д.2
Тел. (095) 250 00 24
Факс (095) 251 12 10
e-mail: conference@interfax.ru

люди и звери

Дарья ЛААНЕ

лапы вверх,

**Лет 20 назад
Запад объявил
себя
безъящурной
зоной и даже
прививки
парнокопытным
перестал
делать. Вот тут
и началось...**

Не успела Европа прийти в себя от «коровьего бешенства», как на нее обрушилась новая напасть, и тоже, надо же такому случиться, парнокопытная. По-русски она называется ящур. Слово, согласитесь, неприятное на слух, злое, еще какое-то. Но по-английски напасть звучит еще хлеще: foot-and-mouth — копытом в пасть в вольном переводе.

По-английски — потому что началось все опять в Англии, которая в последние месяцы превратилась вообще в черт знает что. То в Букингемском дворце медную крышу среди драки гвардейца под дверьми королевской опочивальни найдут, то мыши на кухне дворца заведутся. А в довершение всего Англия стала прямо-таки рассадником разной заразы — в конце прошлого года коровы там с ума посходили, а потом и вовсе настоящее свинство началось.

21 февраля на Британских островах была впервые зарегистрирована вспышка заболевания ящуром среди свиней. Тут же все вспомнили о страшной эпидемии ящура 1967 года, когда было забито и сожжено полмиллиона животных, убытки английских фермеров составили тогда два миллиарда фунтов стерлингов. Было бы больше, но тогда народ еще не был напуган «коровьим бешенством».

На этот раз расправы над свиньями, а заодно овцами и буренками, всего лишь заподозренными в ящуре, приняли масштабы настоящего парнокопытного геноцида. За две недели в Британии было забито 160 тысяч животных, ветеринары не справлялись, расстрельные команды находились на грани нервного срыва, в дело вступили регулярные войска Ее Величества, включая элитные подразделения спецназа. На знаменитых английских пустошах, распространяя чудовищный смрад, горели гекатомбы из скотских трупов. Вокруг, навеяв воспоминания об узлосовской «Войне миров», бродили жуткие фигуры в резиновых комбинезонах и противогазах с автоматами на шее и огнеметами наперевес. Но все было напрасно.

13 марта вторжение ящура началось на континент. В деревне Барош-Гондуен департамента Майен заболели ящуром шесть коров. Они и еще сто тринадцать ни в чем не виновных их сородичей из деревенского стада были убиты без суда и следствия.

В тот же день, 13 марта, во французском зоопарке сдох леопард 1992 года рождения. Родился он здесь же, во Франции, но жрал исключительно английскую говядину. Вскрытие леопарда показало, что он заразился «коровьим бешенством». Однако уже никто во Франции не разбирался, от какой разновидности

парнокопытной смерти скончался хищник. От страха перед раздвоенным копытом, лезущим прямо в рот, двуногие обитатели Франции начали убивать всех подряд.

Первыми их жертвами пали двадцать тысяч овец, импортированных во Францию из Великобритании. А потом по всей стране запылали костры, невиданные здесь со времен Жанны д'Арк. Тридцать тысяч французских парнокопытных были приговорены к смерти в тот же день, 13 марта, приговор приведен в исполнение незамедлительно. Высшая судебная инстанция — Ветеринарный комитет Евросоюза в Брюсселе — утвердил приговор задним числом и заодно, на будущее, ввел судопроизводство по ускоренной процедуре. «Тройки» на местах (в составе представителя муниципальной администрации, ветврача и представителя силового ведомства) получили право выносить заподозренным в ящуре парнокопытным приговоры без права обжалования и приводить их в исполнение незамедлительно.

Всемирная организация здравоохранения одобрила решение Брюссельского трибунала, распространив официальное коммюнике, где указывалось, что опасность распространения ящура среди скота представляет собой «глобальную угрозу». Моментально последовало заявление правительства Армении, которое вы-

парнокопытные!

звалось спасти человечество с помощью своего универсального лекарства арменикум. Министр сельского хозяйства Армении Завен Геворкян заявил, что с помощью секретного армянского лекарства против СПИДа еще прошлой весной удалось вылечить всех армянских парнокопытных от ящура. То есть, если верить министру, произошло это еще до того, как арменикумом начали лечить людей, больных СПИДом.

Ветеринарная служба России, не имеющая в своем арсенале столь сильного средства против ящура, как в Армении, тем не менее заявила о своей решимости скалой стать на пути вторжения парнокопытной смерти в нашу страну. Стадо нарушивших нашу южную границу антилоп дзеренов, предположительно зараженных ящуром, уже зафиксировано с воздуха, и отряды спецподразделений ведут его преследование.

Шотландские пресвитериане обвинили в пандемии ящура английскую королеву Елизавету II, которая навлекла гнев Божий на свою страну и весь мир своей попыткой стовориться с католиками вообще и папой римским в частности в октябре прошлого года.

Европа вдруг вспомнила о межгосударственных границах. А рупор прогрессивной экономической мысли газета The Financial Times сообщила, что эпидемия ящура заставила ев-

ропейский экономический саммит во Франкфурте-на-Майне отсрочить снижение ставки Европейского центрбанка и оставить ее на прежнем уровне в 4,75% годовых, что существенно превышает привычные для Европы темпы инфляции и приведет к существенному падению темпов экономического роста в зоне евро.

13 случаев заболевания скота ящуром зарегистрировано в палестинских районах на западном берегу реки Иордан, что, как заявил министр сельского хозяйства Палестинской национальной автономии Хикмат Зейд, стало следствием израильской блокады палестинских районов на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа и в очередной раз продемонстрировало расистскую суть сионизма.

Словом, «коровье бешенство», уже в буквальном смысле, охватило весь мир. Осталось только на минутку остановиться и взглянуть, что же случилось.

А случился ящур. Если кто не знает, то это вирусное заболевание скота и людей наподобие гриппа. Лекарства от него нет, и скотина от ящура, как правило, дохнет, но для человека, как выражаются врачи, прогноз благоприятен. Три дня температуры, высыпания на слизистых и между пальцами рук и ног. Потом все проходит. Умереть от ящура, конечно, можно, но трудно — очень себя не любить надо. Тогда

в чем же дело? А дело в скоте, в огромных убытках, которые несет сельское хозяйство западных стран, и так уже давно не самокупаемое, а дотируемое правительствами. Лет 20 назад на Западе решили, что они победили ящур окончательно и бесповоротно, объявили себя безъящурной зоной и даже прививки парнокопытным перестали делать. Но забыли при этом об одной мелкой детали — о том, что никаким запретом живую природу не отменишь ни целиком, ни в частности.

Ну нельзя отменить декретом природный резервуар вирусов ящура — парнокопытных диких животных, точно так же, как нельзя отменить природный резервуар гриппа — пекинских уток и обычных кур. Можно только перебить диких парнокопытных на Земле, всех до одного, тогда ящура действительно не станет. Точно таким же способом можно раз и навсегда вылечить грипп — уничтожить всех птиц на планете. Вот и получается, что болели ящуром всегда и будут болеть точно так же, как гриппом. И симптомы болезни будут все те же: температура и высыпания на слизистых. Если, конечно, устойчиво не добавится еще один, сильно осложняющий течение заболевания, — падение ставок на мировых фондовых биржах, инфляция и поголовное сумасшествие в мировом масштабе.

Вообще говоря, наш журнал начал писать о грядущем обрушении доллара еще пару лет назад. Сейчас об этом не говорит только ленивый. Михаил Леонтьев к ленивым не относится. Поэтому тоже стал говорить. Но помимо отсутствия лени Миша выгодно отличается от прочих трудолюбивых сограждан еще и склонностью к глобальному мышлению плюс экономическим образованием. Его мнение о планетарной экономической ситуации предельно коротко можно выразить так: кирдык уж близок.

Не прячьте
ваши доллары
по банкам и углам!

ВСЕ РАВНО НЕ ПОМОЖЕТ:
КОГДА ПУЗЫРЬ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
ЛОПНЕТ,
ЗАБРЫЗГАЕТ
ВСЕХ

Нечеловеческий пузырь!

— Миша, что случилось? Мы, простые россияне, с тревогой и возмущением следим за падением курса NASDAQ на Нью-Йоркской фондовой бирже. Мы печенкой чувствуем — неладящие дела на Уолл-стрит. Что вообще происходит на этой планете в последнее время?

— Планетарный кризис... Ситуация действительно не очень хорошая, что отмечают многие известные экономисты. Америка сдувается. Только не надо думать, что в ожидании падения доллара европейцы с евро и японцы с иеной сидят и довольно потирают руки. Нет! Потому что под угрозой находится вся мировая финансовая система. Значит, будут предприняты общемировые совместные действия, чтобы... нет, не избежать кризиса, это невозможно, кризис неизбежен... но как-то смирившись с ним, задержать, превратить обрушение в мягкую посадку. То есть избежать катастрофы. Или хотя бы оттянуть ее.

Сейчас события в Америке развиваются по самому катастрофическому варианту — идет неуправляемое инерционное движение. И если продолжать то, что делают ныне Федеральная резервная система США (аналог нашего Центробанка) и правительство США, крах обеспечен. Забавно, что эти гады сами ведут себя ровно противоположным образом по отношению к тому, что они всегда навязывали развивающимся странам в аналогичных обстоятельствах. Они всегда всем навязывали финансовую стабилизацию — повышение ставок до того уровня, который вообще останавливает производство. То есть загоняли своими советами страны в депрессию, обзывая это стабильностью: «Смотрите, пациент перестал дергаться!» Да, блин, он умер!

А в своей стране США ведут себя по-другому. Они сейчас ведут себя, будто находятся не в условиях глобального кризиса, а в условиях частичного мегаконъюнктурного кризиса. В США понижают ставки рефинансирования в условиях нарастающей реальной инфляции. Надеются, что производители кинут на дешевые деньги, станут их покупать, развивать производство... То есть взнуздывают промышленность. Колот допинг! Авось проскочим! Это правильная политика для краткосрочных колебаний экономики. Но когда ты в системном планетарном кризисе, такая политика загоняет ситуацию в тупик.

— А из-за чего вообще возник этот глобальный кризис? И чем он грозит нам, бесхитростным русским людям?

— Компьютерная революция вызвала колоссальный 25-летний непрерывный бум в американской экономике. И вот ему настает закономерный конец. В позапрошлый понедельник стоимость акций американских компаний упала на 500 миллиардов долларов. А я помню неделю в начале 2000 года, когда стоимость американских компаний, то есть национального богатства США, возросла на два триллиона. За неделю! При этом реально ничего создано не было! Достаточно было наблюдать этот рост, чтобы понять: падение будет столь же стремительным. Потому что из ничего ничего не получается.

— Но ведь раньше тоже были технологические революции и кризисы — и все обходилось без планетарных потрясений.

— Эта технологическая революция была качественно иная, нежели все предыдущие, — телефоны, телеграфы, паровозы... В чем отличие? Она начала развиваться дикими темпами! В результате старая, базовая, экономика и новая, компьютерная, экономика оказались организмами с двумя разными группами крови. Между ними невозможен перелив. Почему? По двум причинам — технологической и финансово-экономической.

Сначала о технологической составляющей... Скорость развития новой революции такова, что ее невозможно внедрить в традиционный производственный процесс: пока ты внедряешь, все уже морально устаревает.

Вторая причина состоит в том, что профессиональные финансовые игроки даже в самых развитых странах ничем принципиально не отличаются от вкладчиков МММ. То есть обычную пирамиду они, конечно, просекают. Но когда им навешали технологической лапши, они почему-то точно такую же схему уже не просекли, поверили в ее реальность.

Суть в том, что за все время развития новой, компьютерной, экономики реальная экономика США не сделала ни одного шага вперед. Наоборот! Все это развитие было не просто абсолютно избыточным, бумажным — оно оттягивало капиталы из реального сектора. В результате сейчас реальная экономика США по эффективности уступает экономикам других, динамично развивающихся промышленных стран — Юго-Восточной Азии, некоторых стран Южной Америки.

— Погоди, но то, что из развитых стран вымывается производство в страны Азии, известно.

— Оно не вымывается. Просто идет специализация. Высокотехнологичное производство остается. Конечно, частично промышленность вывозится из развитых стран в малоразвитые. И очень хорошо — за счет этого отстающие страны развиваются. Да, у азиатов дешевая рабочая сила, но это временное преимущество, которое с развитием азиатских стран сойдет. Но это отдельная тема...

— Ладно, вернемся к новой экономике, акции которой упали. Но ведь всегда акции на фондовых биржах то падают, то поднимаются. Что же в этом такого катастрофического?

— Да, схемы привлечения капитала под акции были всегда. Но никогда раньше акции не были «мавродиками». Никогда не было такой дикой, масштабной диспропорции между их реальной и виртуальной стоимостью. Как вообще оценивается реальная экономика? По ее способности производить прибыль, которая, в свою очередь, определяется издержками, продажами, оценками рынков и так далее. Но никакой реальной прибыли новая экономика пока еще не произвела. И, как стало теперь понятно, не произведет. Продаж нет!

— Как нет? Компьютеры же продаются. Программы...

— Сейчас объясню... Для того чтобы создавать все эти глобальные сети, нужны колоссальные инвестиционные затраты. Эти инвестиционные затраты могут окупиться только за счет огромных будущих прибылей. Поэтому появился новый тип инвестора — он делает вложения в расчете на огромные будущие прибыли.

А что такое эта новая экономика по сути? Ведь ее основа не компьютер! Компьютер — отчасти продукт старой экономики: в нем есть пластмасса, стеклышко, чипы... Это производство. Это продается и действительно приносит какие-то прибыли. Но основа новой экономики — не «железо», а программы, сети, структуры. А чем отличается программный продукт от компьютера? Тем, что его, однажды создав, можно копировать безгранично. Практически без затрат на производство. Соответственно прибыль теоретически растет экспоненциально.

В старой экономике невозможно произвести в сто раз больше машин, телевизоров, услуг, презервативов... А программного продукта — можно. Сиди да копируй! Но как убедить человека, что ему раз в три месяца нужно обновлять мощность своего компьютера? Зачем? У людей нет такого дикого роста потребностей. Но именно под такой дикой рост формировались рынки. И пытались формировать эти потребности. Людей начинают убеждать, что им все это надо, надо, надо...

— И получается! Я покупаю сыну очередную игру на сиддике, читаю системные требования и понимаю, что на моей древней «четверке» эта игра уже не прокатит. Надо менять материнскую плату, повышать тактовую частоту.

— И кроме игр много другого еще есть — информационные доступы, программы. Идет постоянная накрутка потребителя.

— И к чему все это приводит?

— К увеличению инвестиций в отрасль. Инвестиции начинают работать как насос — притягивая под обещанные огромные проценты новые деньги, высасывая их из реального сектора. Нормальная экономика растет на 2 — 3 — 7 процентов. При этом доходность в ней растет на десятки доли процента. А в новой экономике только рост доходности составлял 10% в месяц! Откуда? Людям столько продукта просто не нужно!

И еще есть один момент. Компания X разрабатывает некий программный продукт, якобы обещающий огромные прибыли, собирает под это деньги с акционеров. Но, поскольку соревнования колоссальное и компаний много, реализован будет аналогичный продукт компании Y. А деньги собрали и те и другие! И акционеры компании X тоже ожидают сверхприбылей. Но, поскольку рынок питается колоссальными ожиданиями, компании действительно показывают сверхприбыли — не за счет реальной прибыли с продаж, а за счет капитализации, то есть роста курса своих акций. Это у них называлось «инвестиционная модель экономики» — когда инвестор вкладывает не под реальный баланс, а под будущие впечатления о колоссальных экспоненциальных продажах.

— Значит, у фирмы X — нерелевная капитализация?

— Суть в том, что в каждый данный момент у каждой конкретной фирмы она может быть реальной, но по совокупности все фирмы не могут составить такую капитализацию. Вот в чем штука. Какие-то реальные продажи у каждой фирмы есть, но они ни в коем случае не окупают постоянно нарастающие инвестиции! Идут инвестиции — растут акции. Привлеченные бурным ростом, в них текут новые деньги. Это растет как ком. А куда девать все эти привлеченные деньги? Куда пристроить разработанные технологии? И в результате получается, что эта новая экономика обслуживает саму себя. Создаются компьютеры для компьютеров, компьютеры для компьютеров компьютеров, игры, продукты, субпродукты...

Получилось, что единственный реальный потребитель новой экономики — фондовые игроки. Спекулянты. То есть надул нечеловеческий пузырь. Билл Гейтс не кто иной, как Леня Голубков. А акционеры — его «партнеры»...

Раньше, когда случалась техническая революция, было так: чуть-чуть выдвинулся какой-то сектор, есть ожидания прибылей, за счет них осуществляется капитализация, то есть притякают инвестиции, за счет них осуществляется прорыв, потом эффективность новой отрасли падает, падает и рынок. Получается микрокризис. Но объемы рынка сегодняшней новой экономики таковы, что это уже не кризис одной отдельно взятой отрасли. Объемы виртуального рынка сравнялись по масштабу с реальной экономикой всей Америки! Лопается целая страна!

Я уже сказал, что этот рынок своей дикой доходностью стал высасывать капиталы из реальной экономики. И что вышло? Американская промышленность стагнирует, а потребление растет, доходы растут. Но это доходы от виртуаль-

ных прибылей. И под эти виртуальные доходы в США шла колоссальная денежная накачка. Эмиссия денег.

— Зачем?

— Ну как зачем! Расширяющаяся экономика нуждается в деньгах. Если растет экономика, растет ВВП, значит, стране нужно больше денег, чтобы обслуживать этот рост. Если в стране в этот год произведено в два раза больше, чем в прошлый, значит, и денег в обороте требуется вдвое больше. Их и печатают. Ведь считалось, что новая экономика — это реальная экономика, обеспеченная объемами рынка, капитализацией компаний. Весь мир считал рост американской экономики реальным. А теперь выяснилось, что реальный-то ВВП не сто триллионов, а двадцать, условно говоря, а 80 — дутые. А деньги-то уже напечатали! И они по всему миру разошлись, «обеспечивая» своей «прочностью» национальные валюты разных стран. Ведь доллар — мировая резервная валюта. Если доллар перестает быть стабильным, он уже не обеспечивает и стабильности. Страны начинают отказываться от доллара как резервной валюты. По цепочке начинает рушиться все.

Доллар — мировая резервная валюта. Это еще со времен Рузвельта пошло. Великая заслуга господина Рузвельта не в новом курсе, а в том, что он навязал всему миру доллар как резервную валюту. И это создало систему, при которой все колебания американского рынка, все их внутренние проблемы размазывались по всей мировой экономике, которая служила как бы буфером, предохранительным клапаном.

Но сейчас эта глобальность экономики сыграла дурную шутку — в американскую виртуальную экономику потекли деньги со всего мира, отсрочивая ее конец и увеличивая пузырь до масштабов всего мира. Чем раньше этот пузырь лопнул бы, тем было бы меньше вони и шума. Но он раздулся до размеров Земли. И в конце концов начало вырывать предохранительные клапаны — случился кризис в Юго-Восточной Азии, кризис в Бразилии... Кстати, именно с этим связана несколько шизофреническая американская политическая активность в мире — это попытка переключиться, подстраховаться внеэкономическими средствами. Персидский залив, Косово — все отсюда!

— Что же теперь с нами будет?

— Это зависит от многих обстоятельств, например, от согласованных действий мировых игроков. А эти действия будут, потому что от дестабилизации пострадают все. Тот факт, что на наших глазах изменяется геополитическая карта мира, что Европа приобретает потрясающее преимущество, а США отходят на второй план, может возбуждать только философов и геополитиков. Но не реальных субъектов рынка! Им чьи-то преимущества по фигу, их интересуют только деньги. А во время кризиса пострадают все. И потому кризиса никто не хочет. Помнишь, в России кризис привел к росту промышленности, но ВО ВРЕМЯ кризиса наши предприятия просто потеряли деньги на счетах. Так что предотвращать кризис будут все. Всеми силами.

Что же касается России, она имеет одно преимущество — наша страна не является частью мирового рынка. Но это преимущество идиотов, оно не даст нам сильно упасть, но и лишает возможности быстро подняться.

Ценности под угрозой!

— Кстати, я могу сказать, что я умный. Я уловил одну штуку, которая косвенно имеет отношение к этому кризису, — поднял палец Миша.

— Интересно, интересно. Обожаю проявления ума.

— Я не люблю компьютеры. И это помогло мне уловить, что вот эта вот колоссальная информатизация, огромные масштабы и скорость передачи информации ставят под угрозу базовые либеральные ценности.

— Мысль действительно любопытная. По-моему, так все наоборот.

— Объясню. Что такое невидимая рука рынка, о которой говорят либералы? Это стихийное, независимое от воли и сознания, объективное корректирующее воздействие на рынок. В каждый данный момент рынок асимметричен — в нем идет процесс движения капитала туда, где побольше прибыль. За счет наполнения сектора рынка капиталами наступает пресыщение, уменьшается прибыль и возникает следующий этап перетекания капитала — в новый сектор. Так вот, для такого стихийного регулирования, корректирования нужен временной лаг. То есть должно быть некое минимальное время на осознание, оценку и принятие решения. А когда у тебя огромные массы капитала перетекают в одну секунду путем нажатия кнопки на клавиатуре, у «невидимой руки рынка» не существует технической возможности отрегулировать процесс. При этом кривая экономических колебаний сохраняет, конечно, свой колебательный характер. Но частота и высота пиков так сильно меняется, что в каждый отдельный момент вместо обычного колебания получается катастрофа.

— Отчего ты говоришь «катастрофа»? Ведь принципиально-то ничего не изменилось. Просто колебания участились, стали более высокими и «пикообразными».

— Конечно, если посмотреть на эту новую кривую с высоты Галактики, она будет выглядеть точно так же, как и в старом варианте, когда компьютеров не было и все процессы шли медленнее и протяженнее. Но это с высоты Галактики. А с высоты реальной экономики, реальных людей эти колебания всегда экстремальны. И что же мы наблюдаем в результате? Что вся мировая финансовая система, кото-

Виртуальная инвестиционная экономика напоминает велосипед: если она останавливается, то падает. Падение началось с того, что Интернет-компании объявили о сокращении персонала. Рост прекратился. Велосипед новой экономики упал. И началась обратная мотивация — паника. И ее трудно погасить централизованно: Америка — страна мелкого и среднего бизнеса

Черно-исламская опасность серьезно осознается администрацией США. Совет национальной безопасности занимается предотвращением городских волнений, контролем над маргинальными течениями... Маргинально-экстремистский исламский фактор связан с тем, что эти люди очень быстро размножаются. А вышвырнуть их из страны нельзя: они граждане

рая строилась на основе свободного движения товаров, капиталов, валют, экономического открытия стран, глобализации рынков, начинает придумывать механизмы, замедляющие, сдерживающие свободу.

Вот взять мексиканский кризис. Почему он произошел? По глупости. Его бы не было, если бы не некоторые человеческие ошибки, получившиеся в результате изменения конъюнктуры. Но человеческие ошибки бывают всегда. Просто сейчас не стало временного лага на их исправления: все в современной экономике происходит чрезвычайно быстро. Теперь ошибки превращаются в катастрофы с большей, чем ранее, вероятностью. Поэтому и начинает институционализироваться система тотального контроля за рынком — возникают некие наднациональные глобальные институты, задача которых — работать ЗА невидимую руку рынка, убирая экстремумы. И в пределе это все стремится к системе всеобщего тотального контроля и регулирования, которая ничего общего с классическим либерализмом не имеет!

Если внимательно присмотреться, какие сейчас темы обсуждаются высокими учеными и экспертами, а не политиками и экономическими игроками, то мы увидим, что обсуждаются как раз вопросы концептуально-философского, мировоззренческого, я бы сказал, порядка, связанные с созданием нового режима и глобальным регулированием. То есть международные органы действуют сейчас в направлении, ОБРАТНОМ тому, для которого создавались. Антилиберальном по сути.

— Может быть, ты спускаешь? Товарищи не хотят никого обидеть, а просто желают пригасить экономические протуберанцы.

— Эти товарищи просто хотят слегка пригасить протуберанцы. А те товарищи просто хотели заработать деньги и дать людям новые информационные услуги. В результате раздули колоссальный виртуальный пузырь. Благими намерениями... Вопрос не в том, кто что хочет, а в том, что в результате получаются совершенно обратные вещи. Ведь за глобальным экономическим контролем стоит глобальное политическое манипулирование. А за ним... Начинаются контуры антиутопии. Хаксли, Оруэлл.

— Я тем не менее верю в либерализм. Просто на смену классическому либерализму должен прийти неolibерализм. Но вообще новая мировая модель и новая мировая мораль в условиях тотального контроля — это отдельная тема для отдельной статьи. Я давно об этом думаю, и я об этом еще напишу и дам миру эту новую мораль! У нас есть будущее и аз — пророк его. А мы давай вернемся к кризису.

Россия как таракан

— Так, Миша. Теперь главный вопрос. Который волнует всех россиян. Мы все любим Америку за ее доллары. Что будет с нашими любимыми?

— А это еще во многом зависит от администрации, которая пришла к власти в США. Прошлая демократическая администрация по причинам как мировоззренческим, так и политическим активно раздувала пузырь виртуальной экономики. В тот момент, когда уже было ясно, что нужны системные усилия по сдерживанию экономического набухания, о чем говорил тот же Гринспен, они ничего не делали, потому что хотели выиграть выборы.

Вообще, почему мы наблюдали столь шизофреническую сцену выборов? Шла страшная борьба. Вопрос стоял так: кто понесет основную тяжесть грядущего неизбежного кризиса? Дело в том, что тот, кто в момент кризиса находится у власти, тоже ударится, но у него есть возможность подстелить себе соломки. Вот за эту подстилку и дрались. Вопрос стоял — кто будет стелить и под чью задницу.

Так вот, что будет делать администрация Буша? У республиканцев уклон в сторону внутренних проблем за счет сокращения внешних обязательств — перед союзниками, перед иностранными держателями американской валюты. В сцену, которые описывал у вас в журнале Гордон, я не верю — не будет отказа от «внешних» долларов и от их конвертации. Но существуют иные денежные механизмы, при действовании которых в относительном преимуществе окажутся все же резиденты, а не нерезиденты. То есть Америка.

— Что это за механизмы?

— Ну разные. Курсовая политика, банковская политика. Бушевы не будут спасать Уолл-стрит: это их политические враги. И если придется выбирать между интересами мелких системообразующих американских банков и международными финансовыми монстрами Уолл-стрита, они выберут мелких. Это их социальная база. То есть, с одной стороны, у Америки будет тяга в такой здоровый, скептический изоляционизм.

С другой стороны, администрация не сможет не пойти навстречу всему финансовому сообществу, которое не может согласиться с крахом мировой финансовой системы. Доллар давно уже не принадлежит только Америке.

— Короче, Склифосовский, насколько понизится курс доллара?

— Это предсказать невозможно. По оценкам некоторых экономистов, мировой рынок потеряет от 7 до 15 триллионов долларов. То есть Земля станет стоить дешевле на 15 триллионов. Что это означает? Америка живет в кредит. Америку ждет дикое сокращение спроса, потому что кредитная система лопнет. Сокращение спроса ударит по всем производителям, завязанным на американские рынки, — китайцам, Европе,

Японии, Юго-Восточной Азии. В такой ситуации объективное преимущество будет у стран, где диспропорция между реальной и виртуальной экономикой меньше.

— Кажется, нам повезло.

— Ну, про нас давай не будем. Когда по лесу бежит слон, то можно говорить о некоторых относительных преимуществах бегемота. Но не таракана. Если таракан попадет под ногу, он уже ушибами не отделается. Мы — таракан. У нас нет преимуществ, у нас есть надежда: вдруг пронесет! Но вероятность того, что нас раздавит, очень велика.

В конечном итоге выигрывает Европа. Стагнация Европе обеспечена, но Европа зато сохраняет рынки, сохраняет капиталы, в большей степени сохраняет свою финансовую систему — то есть у нее остаются целые инвестиционные институты. А евро может реально перехватить функцию резервной валюты у доллара.

Но! Хотя и существуют объективные предпосылки того, что марка дико вырастет относительно доллара, Европа вообще и Германия в частности будут делать все, чтобы этого не произошло. Пока что резерв роста у евро есть: после югославской войны евро упал почти наполовину. А что будет за пределами этих резервов?

— Если доллар повалится, нам будет проще долги отдать Западу. Вагонами будем грузить и составами отправлять им их «зелень».

— Где возьмем? Ведь что такое падение американского потребления? Это дикое падение цен на сырье. А мы — поставщик сырья...

Банки как мышки

— Падение доллара означает относительное укрепление рубля, правильно я понимаю?

— Даже небольшое укрепление курса рубля ведет к резкому ухудшению конъюнктуры для российской промышленности. Это провоцирует промышленный спад, который замедляет дальнейшее укрепление рубля.

Рубль должен не укрепляться, а падать! Но наш Центробанк, понимая это, не имеет ни сил, ни возможности сдерживать удорожание рубля по отношению к доллару. Иногда кажется, что даже и не пытается. На хрена он не пытается, я не понимаю! Сейчас рубль раздут. Ну да, идет огромное давление валютной выручки, которая возвращается в страну. Но в конце концов тот же Илларионов прав, к сожалению: если у вас нет никаких иных средств санировать денежную массу, платите долги вперед! У вас в 2003 году пик выплат, так отдайте сейчас за 2002-й! У страны и так несварение валюты. Страна выблевывает из себя валюту, именно поэтому все и говорят об утечке капитала. Инвесторы не хотят инвестировать в такую страну, откуда вывозят деньги. И их поведение абсолютно адекватно, потому что неадекватного поведения у инвесторов не бывает.

— Я тоже не понимаю, почему Центробанк не опускает рубль. Они что, ждут, когда нарыв сам прорвется, как в 1998 году? Они хотят второго дефолта осенью?

— Ответа нет, но есть много разных версий. Думаю, что здесь задействованы «чисто конкретные» интересы конкретных финансовых игроков и банковской системы в целом. Иного придумать не могу, потому что, когда такой умный человек, как Геращенко, говорит, что не надо правительству решать свои бюджетные проблемы за счет обесценения национальной валюты, у меня такое ощущение, что он находится на другой планете! Речь-то идет о стимулировании отечественного производства!

Причем в отличие от стран европейских, где существует некий баланс между стимулирующим воздействием девальвации на национальное производство и активами банковской системы, которая при девальвации просто обесценивается, у нас-то такой проблемы нет! У нас проблема обесценивания национальных рублевых активов ничтожна! Потому что у нас, во-первых, все сконцентрировано в долларах, а не в национальной валюте. Во-вторых, вся наша финансовая система настолько инфузорна, настолько ничтожна... У нас и банков, можно сказать, нет. Наша экономика реально не обслуживается легальной российской банковской системой, потому что этой системы не хватит для того, чтобы обслужить даже пятую ее часть! Наша экономика обслуживается на самом деле офшорной банковской системой. Российская банковская система в России не живет. Она вся в офшорах. Наши банки — это просто норки, дырки на входе в лабиринт офшорных платежей. И практически все платежи, все расчеты ведутся через офшоры, через подставные фирмочки. Этим занимаются все — государственные, полугосударственные, негосударственные банки и предприятия.

Это мышь-полевка, жизнь которой в малой степени протекает на поверхности. Хотя жрет она здесь. Зернышки она тут клюет, но запасы у нее — там, инфраструктура — там, и передвигается она — там.

Как карта ляжет?

— Ладно, давай худший и лучший прогнозы на обозримые перспективы.

— Лучшего прогноза быть не может. Но если случится серьезная стагнация в Америке, серьезное ослабление доллара, это означает рост спроса на реальные ценности, как всегда бывает во времена всех кризисов, — золото, камни. Спрос на ресурсы.

— Кажется, нам опять повезло...

— Действительно, наша страна, как самая богатая ресурсами, имеет шанс привлечь очень большие капиталы. Причем не на продажу и разработку ресурсов, по-

скольку текущий спрос падает, а в долгосрочные концессии — долгосрочное, лет на 20 — 30 резервное владение ими. И сейчас инвестиционное законодательство было бы очень полезно. Но у нас его нет.

— Может ли быть такой вариант, что все наше население вдруг побежит сдавать доллары?

— Этот вариант существует. Но, во-первых, доллар же не упадет в ноль. А во-вторых, рубль может упасть еще больше, чем доллар. Но если вдруг случится всеобщая паника и побегут сдавать, будет как всегда — население ничего не сумеет обменять, а владельцы черного нал, полукриминалитет поменяют все и очень быстро. Потому что наша система неуправляема. Помнишь, как было в 1998 году? Центробанк выдавал стабилизационные кредиты падающим банкам, которые заведомо не могли их отдать. Это производило впечатление маниакальное, но никто из вежливости не обращал внимания на то, что эти банки должны были отдать деньги «конкретным» людям. И не отдать их было опасно для жизни. И люди, выдававшие стабилизационные кредиты в Центробанке, не могли не понимать, что это опасно и для их жизни тоже. Потому и выдавали. Что-то я не слышал, чтобы во время кризиса 1998 года кто-то потерял общак.

— Может быть, надо бежать менять доллары на марки?

— Не надо никуда бежать. Но я повторяю — реальна перспектива, что Европа для смягчения кризиса выстроится в кильватер к США и курсовая динамика валют будет максимально приближена к динамике доллара. То есть доллар и евро будут разрываться не реально, как если бы это происходило стихийно, а управляемо. Например, банки могут покупать доллары и увеличивать резервы в долларах. Парадоксально — с одной стороны, было бы выгодно, опасаясь падения доллара, выбросить доллары и скупать марки. А с другой стороны, все знают: политика будет направлена на смягчение кризиса. Почему ни один центральный банк европейских стран не сокращают долларовую ликвидность, не выбрасывают доллары, скупая марки? Потому что это означает спровоцировать кризис.

— Но если первый очнувшийся сделает это быстро, потом мост рухнет уже за его спиной. Почему все не кинулись — кто быстрее?

— Потому что если рухнет, то рухнет не за спиной, а вокруг — рухнет вся мировая банковская система! И от этого невозможно будет отсидеться даже в Северной Корее, строго говоря. Поэтому пузырь будет лопаться, но весь мир будет старательно дуть в него, чтобы он не опал сразу.

— А есть какие-нибудь гениальные пузыреведы, которые могут как-то просчитать последствия всего этого и выработать для себя спасительную тактику?

— Этого просчитать просто нельзя. Это многофакторное пространство. Здесь многое зависит от политических факторов. То есть волевых. А учесть волевые факторы невозможно. Зато кое-что надо помнить из новейшей истории. Например, колоссальную политическую зависимость Европы от США. И Косово, между прочим, было сделано в свое время не зря, а для того, чтобы эту зависимость зафиксировать, активировать и углубить. А представь, сейчас США возьмут и уйдут из Косова: «Колупайтесь сами, ребята!» А сама Европа никогда там не расколупается. И будет у Европы катастрофа. И таких катастроф для Европы можно очень много придумать.

Правда, есть опасность конфликтов и внутри США. Ведь сокращение экономики — это сокращение социальных программ. А потребители социальных программ — люди эмоционально неустойчивые. Кроме того, этнически и религиозно чуждые Соединенным Штатам. Америка — страна, которая только сверху отштукатурена политкорректностью, а на самом деле живущая в обстановке противоречий и междоусобицы, социальной, национальной ненависти. И тогда США могут сами сожрать весь тот исламский суп, который готовят для нас и еще некоторых потребителей.

Чем вообще отличается социальное и политическое поведение этих переселенцев? Они не укоренены на новом месте! Сам-то по себе ислам не опасен, это традиционная религия, которая способствует стабильности в обществе. Но маргинальное, неукорененное население — база для самых экстремистских, агрессивных течений. Что естественно.

— Это понятно. Молодой этнос на новой территории, чтобы выжить и сохранить себя, должен быть агрессивнее среды. А нам от этого будет хорошо, если в Штатах начнутся расовые волнения?

— Нам от этого будет хуже. Потому что слабая страна в условиях мировой нестабильности никогда не выигрывает. Кроме того, всегда есть соблазн за ее счет решить какие-то свои проблемы.

— Да, действительно, всего не учтешь. То ли их самих доконают обдолбанные негры и исламисты, то ли, напротив, они спасут свой доллар, завалив евро с помощью какого-нибудь военного конфликта в Европе. Золотишка, что ли, прикупить, пока еще продают?.

p.s.

В день, когда состоялось интервью, в центре Европы, в Македонии, началась небольшая война ...

American Soviet

Максим ВАСИЛЬЕВ,
Нью-Йорк

Лимитчик приехал

Глупая женитьба на американской студентке выдернула меня из дремоты тихого городка в штате Вашингтон, откуда с несданным академическим хвостом, повинувшись стремлению жены воссоединиться со своим семейством, я перебрался на другое побережье Америки, в Нью-Йорк.

Моя (теперь уже бывшая) теща, понятно, не собиралась нас содержать, да и я не горел желанием сесть ей на шею. Кое-какие деньги у меня были, сэкономил за время учебы за счет разных приработков. Словом, требовалось срочно устроиться на работу. Однако российского гражданина с незаконченной магистратурой провинциального вуза по не очень-то востребованной здесь специальности «международный менеджмент» крутые компании брать не спешили. А с «Макдоналдса» начинать не хотелось. В итоге получилось так, что первую работу я нашел типично по совковому варианту. То есть по блату.

Близкий тещин приятель, представитель крупной японской корпорации в Нью-Йорке, замолвил обо мне словечко своему соотечественнику. Так я оказался на японской фирме, вернее, в ее американском филиале. Положили мне 25 «штук» в год — это, конечно, не те деньги, на которые можно содержать неработающую жену, подержанный авто, снимать

скромную квартирку да еще есть, одеваться и т.д. Впрочем, о семейных делах — это я так, к слову. Дальше — только о корпоративном бизнесе по-американски.

Японское гетто

Итак, моя первая фирма хоть и называлась японской, но укомплектована была в основном аборигенами. Но японским духом коллективизма от нее разило за версту. Мне сразу же пришлось сообщить своим корреспондентам в Москве, чтобы не слали чего лишнего на мой корпоративный e-mail, ибо на работе меня сразу предупредили, что такого понятия, как личная переписка, в компании не существует. В мою почту может влезть любой, кому чтение чужих писем покажется любопытным.

Работа была непыльная, явно соответствовала той зарплате, что мне положили (по реальной покупательной способности это соответствует 300 — 400 долларам в Москве). Основное, что требовалось от сотрудников, — это со всеми тусоваться, вовремя приходить (к 9.00) и, главное, вовремя уходить (18.00) да еще улыбаться всем, особенно японцам: «Хай-хай!» Настоящей мукой для такого индивидуалиста и «совы», как я, стало еще обязательное посещение их корпоративных «общественных ме-

В
И
В
З

Р
Н
О
Н
Р
Ш
И
С
П
И

Жизнь Приключения русского менеджера в Нью-Йорке

Предупреждение

роприятый» типа субботних прогулок на лыжах всем офисным стадом во главе с главным сегом (директором). Если бы не писнерская за-
калка да не три года, прожитых с родителями в Китае, я бы этого не перенес.

Но больше всего меня потрясло другое. Я даже сначала не поверил, что такое может быть. Никто из рядовых управленцев фирмы не знал, как и за счет чего их фирма зарабатывает деньги. Проще говоря, никто из моих коллег не понимал, чем же мы в конечном итоге все занимаемся. Каждый был сосредоточен на выполнении своих прямых обязанностей и даже не пытался замечать, что делается в пяти метрах слева или справа. Менеджер, чью должность я унаследовал, с гордостью поведала, как она за счет некоего нововведения заработала для компании сверхплановую «штуку» баксов. Руководство ее повысило и все время ставило в пример, призывая других действовать так же, но строго в рамках очерченных обязанностей. В общем, очень быстро я уяснил, что здесь больше нужны роботы и что творческие идеи более вы-

Эти заметки не претендуют и на абсолютную объективность, ни на научную полноту в описании той галактики, каковую являет собой американский бизнес — самый процветающий бизнес в мире

сокого полета, почерпнутые мною после шести лет университетской учебы, останутся здесь невостребованными. Я понял, что мне с моим самомнением здесь долго не продержаться, и стал сотнями рассылать свои резюме в рекрутерские агентства и на фирмы.

Снова неприятности

Упорство было вознаграждено. Казалось, наконец я нашел то, что нужно! Фирма, котирующая свои акции на Нью-Йоркской бирже dot.com, да еще годовая зарплата в 45 тысяч долларов. Правда, работа оказалась гораздо более напряженной, чем у японцев, и пришлось с колес учиться самому. Человека, которого я менял, через неделю увольняли, и он ничего не хотел мне объяснять, несмотря на оговоренное в его контракте обязательство сделать это при увольнении.

Впрочем, все эти мелочи казались несущественными: перспективы вырисовывались самые радужные, через три месяца обещали всем поднять зарплату. Увы, все повернулось совсем иначе. Биржевой индекс высоких технологий NASDAQ начал стремительно падать, а с ним и наш dot.com, так что вместо обещанного повышения зарплаты народ начали со страшной силой сокращать.

Каких я только сцен не насмотрелся тогда в нашем главном офисе в Манхэттене! Грозивший боссу судом глава семейства, взявший на 20 лет ипотечный кредит под покупку дома, бившаяся в истерике одинокая мамаша. До сих пор не понимаю, почему не сократили и меня с моей хронической непунктуальностью и отнюдь не ангельским характером. Видно, потому, что все-таки пахал за троих и особо ни на что не жаловался. Неудивительно, что нас, «новых иммигрантов», американцы не очень-то любят.

А за что любить-то? Я, к примеру, согласился на работу в этой компании, зная, что верхняя планка для моей должности составляет 55 тысяч долларов, и мои боссы понимали, что требовать повышения в первый год я не осмелюсь. Ведь они мне оказали услугу, начав делать рабочую визу, да и по другим позициям я был уязвим: находился в процессе развода с женой и еще более длительном процессе выяснения своих отношений с американским государством (даст оно мне вид на жительство или нет). В общем, не прошло и месяца, как я совершил первую серьезную ошибку по работе: опоздал на автобус, который отвозил на одну из финальных игр национального чемпионата по бейсболу.

Это был серьезный служебный проступок. Ведь в моей фирме, как во всех остальных штатовских корпоративных фирмах, коллективные выезды на разные мероприятия были вовсе не мазохистской формой отдыха, а продолжением работы. На стадионе все мы сидим на трибунах одним стадом, в фирменных майках и кепках, в руках у нас корпоративные знамена и плакаты, ими полагается размахивать, чтобы привлечь потенциальных клиентов, которые, возможно, тоже окажутся на стадионе.

В китайском гетто

Между тем «диссиденты» из моего отдела рассказывали про фирму разное. Будучи типичным мыльным пузырем Интернет-экономики, компания аккумулировала на бирже (в период

ажиотажа спроса на акции dot.com'ов) сотни миллионов долларов инвесторов. Ничего революционного по части программных продуктов на эти деньги создано не было, зато происходили не очень понятные телодвижения «в контексте глобальной экспансии». Все они преподносились руководством в пресс-релизах как достижения в «продвижении на мировые рынки», а оплаченные публикации на эту тему вывешивались на стене в нашем офисном баре в порядке наглядной агитации.

В кулуарах продолжали гадать, что кроется за загадочной строкой «стратегические инвестиции» в годовом отчете. Как потом выяснилось, боссы прикупили за два с лишним «лимона» видлу на одном из островков в Индийском океане. Что там они планировали делать в плане развития телекоммуникаций, одному Богу известно. Ну а командировочные расходы (триста баксов в день, не считая представительских и оплаты пятизвездочных отелей), а также зарплата региональных директоров в 300 тысяч долларов — это уже само собой разумеется.

Тем временем на американском рынке нас все сильнее теснили конкуренты, а что же касается границы, то наше «стратегическое присутствие» касалось только Юго-Восточной Азии. И вот тут я понял, почему у нас так много китайцев — выходцев из Вьетнама, Гонконга и т. д. Через цепочки своих личных и родственных связей они выходили на тамошних чиновников, а те — думается, небескорыстно — способствовали заключению выгодных контрактов, в соответствии с которыми наши специалисты поставляли soft каким-то министерствам и государственным конторам юго-восточных «тигров».

В этом, собственно, и состояла в основном работа моего отдела, возглавляемого 50-летней этнической китаянкой, которая за три десятилетия своего укоренения в США перетатила сюда чуть ли не весь свой клан с берегов Желтого моря. Стать для нее и ее сотоварок «своим» я не мог по определению. Не помогло даже то, что я знаю пекинский диалект китайского языка. Дама и ее родичи были выходцами из Южного Китая, по-пекински понимали плохо, а потому на чистом английском языке дали мне понять, что стать со временем региональным представителем в любой из стран ЮВА мне не светит, ибо у них там все схвачено. Сказали мне об этом на всякий случай, в профилактических целях, чтобы особо не мечтал.

А потом ко всему прочему руководство начало кампанию по борьбе с болтунами — «находкой для конкурентов». Обнаружилось, что и в американском бизнесе народ сплетничает по черному, а среди персонала есть стукачи, кто доносит начальству на недовольных и болтунов. Замдиректора по маркетингу стал вызывать всех сотрудников по одному и требовать объяснений, почему мы друг другу рассказываем о том, сколько каждому платят. Причиной выволочки стало то, что три старших менеджера из международного отдела ушли, узнав, что на три аналогичные должности в другом отделе пригласили со стороны новых сотрудников и положили им зарплату значительно большую.

Тем временем к концу прошлого года NASDAQ вновь просел, капитализация компании сократилась более чем втрое, и начались новые сокращения. Тут я струхнул не на шутку. Развод с женой все тянулся, и на «бра-

коразводного» юриста ежемесячно уходило до тысячи баксов. Еще 600 — на скромное жилье в «белом» пригороде Нью-Йорка. Про накопления на черный день я и забыл.

Рассылки резюме в приличные банки типа Chase Manhattan, Citicorp и т. д. ни к каким результатам не приводили. Вежливые отказы, в лучшем случае собеседования, после которых мне предлагали какие-то полутехнические должности или вежливо объясняли, что «вашингтонским» дипломом я для них не вышел, надо окончить бизнес-школу при Гарварде или что-нибудь в этом духе.

Хлопнул дверью

И вдруг, наконец, хлопнуло. Сходная по профилю компания, тоже с Интернетом и телекоммуникациями связана, только здорово продвигается на рынке, потому что реальный программный продукт создает и успешно его на внешних рынках сбывает. Три собеседования они мне устроили. После второго возникла заминка: кто-то из названных мною на предмет дачи рекомендации чего-то не то сказал, а свою непосредственную китайскую начальницу я в резюме не упомянул. Уж она-то про меня точно ничего хорошего не сказала бы. В отделе кадров моего потенциального нанимателя спросили: а чегой-то среди тех, кто вас нам рекомендует, нет вашего прямого начальника?

Так, мол, и так, объясняю, характерами не сошлись. На самом деле эта китайская гримза за опоздание на автобус выговор с предупреждением мне в business record вписала, не мог же я сказать, что корпоративные интересы проспал. Тогда, говорят, назови еще каких-то сослуживцев, кто мог бы что-то о тебе сказать. В общем, мне стало понятно, почему у нас в российском совке эти люди называются кадровиками, а у них — специалистами по «человеческим ресурсам»: копают в Штатах глубже, зарплату свою отрабатывают.

Однако делать нечего, называю на свой страх и риск имена двух сослуживцев, с которыми у меня близких отношений не было, а значит, гадостей про меня они вроде не должны были наговорить. И тут же бегом возвращаюсь на работу. Ловлю означенных господ, спрашиваю: «Не звонили оттуда-то?» Нет, говорят, пока не звонили. И тут же в открытую: Макс, давай так, мы скажем о тебе только хорошее, а ты имей нас в виду, когда у вас там еще вакансии появятся.

Я, конечно, им с три короба наобещал, в итоге третье собеседование (с вице-президентом!) прошло на ура, мой вопрос был окончательно решен. И только тогда я с ужасом вспомнил, какой лапши я навешал новым работодателям в своей анкете. Из нее ведь выходило, что я чуть ли не первоклассный программист, каковым я ни по образованию, ни по своему профессиональному опыту не являюсь. Но репутация у русских компьютерщиков на Западе настолько высоко, что они здесь, видимо, думают, что у нас всему этому в младших классах школы обучают.

В общем, закулачу соответствующую литературу, заказываю из Москвы пиратские «сидюки» с программами, которыми я, по идее, должен владеть, и начинаю ночами штудировать то, что написал в резюме как уже освоенное. А времени до перехода в новую фирму остается меньше недели. За день до ухода от ки-

Американские специалисты по «человеческим ресурсам» копают глубже, чем совковые кадровики

тайцев вспоминаю про выговор с занесением. Ведь его я вместе со своими бумагами привнесу новому моему работодателю, он поглядит в бумаги, потом на меня: мол, почему скрыл этот позорный факт из своей трудовой биографии?

Нет, думаю, пока я еще здесь, то по закону имею право стереть неприятное пятнышко. Тем паче моя китайская начальница опять на меня за что-то наорала. Ну, думаю, грех такой шанс упускать! Состроил самый несчастный вид и на других, кто в комнате присутствовал, смотрю. Те глаза отводят, но я чувствую, что никуда они не денутся, все слышали, как меня оскорбили.

Написал я «телегу» руководству, где намекал, что могу это дело и до суда довести. Тут же меня приглашают в ихние «кадры», уговаривают забрать заявление. Я ни в какую. Тогда зовут меня к начальнику отдела. Тот тоже упрашивает, оно и понятно: их компании, чьи акции падают, такая publicity ни к чему. Последние клиенты могут сбежать, когда узнают, что их кровными акциями управляют не только плохие бизнесмены, но и хамы.

В общем, «поднимают» меня аж к вице-президенту. Тот, в свою очередь, попытался меня уговаривать, но, как только понял, что бесполезно и придется нужную мне запись в мой business record внести, словно взорвался. Цитировать я его здесь не буду, судя по рассказам моих предков, точно так же орали партийные начальники на подчиненных у нас на родине в советские времена.

Земля обетованная

Ну да бог с ними. От японцев я ушел, от китайцев тоже ушел. Думал, что теперь-то наконец попал к настоящим американцам. Ан нет! Лишь спустя несколько дней пребывания на новой работе выяснил, что попал в контору, где костяк персонала составляют евреи. Умный человек на моем месте сразу бы сообразил: ведь бизнес-то в компании процветает. А я не просек.

Впрочем, к евреям я хорошо отношусь. Да и зарплату мне здесь на пять «штук» больше положили. Правда, за эти деньги меня теперь имели и в хвост и в гриву! Нормы трудового законодательства? Забудьте! Работай по 14 часов в сутки и скажи спасибо. Хотел было расписаться к себе тем, что бабушка моя еврейка. Ну и что, говорят, ведь сам ты не иудей. А раз так, то по субботам, если какую срочную работу надо сделать, сразу мне звонят. В общем, опять чувствую, что долго здесь не протяну.

Когда я это уже написал, случилось событие, которое может сильно ускорить мой очередной переход на новую работу. Вчера, ежечасно свой компьютер, я обнаружил, что кто-то загрузил мне network passwords — пароль всей корпоративной сети (у каждого сотрудника доступ только на свой уровень, а общий пароль есть только у начальства и администратора сети). Я тут же доложил руководству о своем открытии. Ага, говорят они, вот ты и попался, коварный русский хакер, о таких, как ты, только и пишут в наших американских газетах. Я даже не нашелся что ответить. Не говорить же им, что я ни одного языка программирования толком не знаю. В общем, меня чуть не увезли в полицию, только в последний момент сообразили, что им самим такая реклама ни к чему. А мне сказали: «Не обижайся, Макс, а вдруг ты такой на самом деле? Malicious Russian-hacker with dark KGB past currently working for international terrorist organization that wants to destroy American computer networks». «Точно, — отвечаю им, — я злобный русский хакер с темным габэшным прошлым и постоянно работаю на международную террористическую организацию, которая поставила себе целью разрушить американскую компьютерную сеть». А самому, знаете, приятно, ведь трясет, суки, причем по-настоящему. Даже мысль мелькнула: а может, мне того?.. Ну, сами понимаете чего, может быть, оправдать их страхи, а?

Устал я тут, навефное, домой попа.

Milyi dedushka, Konstantin Makarovic Putin, zabery menya otsuda.

Tvoi znuik Max iz New Yorka

Зачто

Почему одни люди ненавидят других, отличающихся от них порой по цвету кожи или разрезу глаз?

МЫ НЕ ЛЮБИМ ДРУГ ДРУГА?

Александр ВОЛКОВ

Где истоки националистической ненависти? Некоторые полагают, что они — в человеческой биологии. Другие, что неприязнь к чужим — следствие дурного воспитания. А что думают ученые? Вот что.

В 1975 году в одной из уединенных долин на острове Новая Гвинея было найдено неизвестное прежде племя эйло. Его члены жили в хижинах, крытых соломой, обрабатывали древесину с помощью каменных топоров, чистили овощи сланцевыми ножами, охотились на зверей и птиц с помощью лука и стрел.

Вблизи от деревни ученые соорудили небольшую взлетную полосу. Здесь и приземлилась их «Цессна» — небольшой легкий самолет. Как-то раз ученые предложили своим «подопечным» прокатиться на самолете. После некоторого замешательства несколько мужчин согласились на поездку, но при условии, что дверцы машины будут сняты. «Хорошо», — пожав плечами, согласились ученые. Дикари вышли из джунглей, когда самолет был готов к взлету. В руках они держали крупные камни.

— Мы захватили с собой камни, — объясняли туземцы, — потому что полетим над долиной Фа, где живут наши враги. Мы сбросим камни прямо на них!

Ученые были поражены. Вот это да! Впервые увидев чудо из чудес — «летающую гору», они сразу сообразили, как использовать ее, чтобы перебить врагов. Желание убить чужака оказалось в них сильнее естественного любопытства к новому и необычному.

Вероятно, ненависть к другим стара как мир. Даже мы, люди вроде бы цивилизованные, по отношению к другим людям часто ведем себя, как люди племени эйло. Правые радикалы в Германии избивают до смерти вьетнамцев. «Скины» в Москве расправляются с узбеками и неграми. Аргентинцы третируют метисов из Перу. Французские националисты считают виновниками всех бед у себя в стране «этих грязных арабов». Ангольские негры за что-то ненавидят негров из Заира. Индусы ополчились на пакистанцев, японцы — на корейцев, а литовцы среди «преданий старины глубокой» хранят ксенофобскую поговорку: «Чужим духом всегда воняет».

А сколько ненависти вызывали во все времена цыгане, эти заблудшие души, шумливые кочевники, неприкаянные гости то Молдавии, то Моравии, то Баварии! «Это бродяги по природе, по крови. Их песни лишены мужественности, а идеи разрушительны. Они воруют де-

тей. Они проникают всюду», — так поносил цыган один из героев Евгения Шварца.

Особенно строго относились к цыганам в Чехии и Германии. В старинных немецких законах их именовали «безбожными, суеверными, коварными» злодеями, «ни на что не годным сбродом». Уже в XVII веке им запрещают въезд в Германию, а на тот случай, если цыгане все же проникнут в страну, велено «всех мужланов и их бабенок старше двадцати пяти лет бичевать и прогонять из страны». Так говорится в Уложении, появившемся в 1697 году. В некоторых немецких княжествах закон позволял вешать любого задержанного цыгана. Лишь в XVIII веке в отдельных странах к цыганам стали относиться терпимее. Впрочем, в годы Второй мировой войны на территориях, оккупированных гитлеровцами, цыган уничтожали наряду с евреями.

Откуда же происходит ненависть к чужакам? В полугодовалом возрасте младенцы начинают дичиться посторонних. Раньше они неизменно улыбались им, теперь, лежа в кроватках, отворачиваются от незнакомых персон. Малыши плачут, ища утешения в объятиях матери. Такая негативная реакция никак не объясняется внешними причинами. У малы-

шей обычно нет еще никакого дурного опыта общения с другими людьми. Порой у них вовсе нет опыта общения. Страх и неприязнь автоматически вызывают в них все незнакомые лица, которые они видят. При этом мужские лица опаснее женских, взрослые — детских, а бородатые вообще вызывают ужас. Так что же, значит, виноваты гены?

Неужели, как писал один немецкий праворадикальный публицист, «в нас изначально заложено стремление подавлять и эксплуатировать чужих, использовать их как рабочую силу и даже всецело распоряжаться гениталиями их женщин»? Неужели трудовые зоны, концлагеря и даже массовые изнасилования женщин в годы войны имеют свою биологическую подоплеку?

Нет, ученые так не считают. В человеке нет врожденной ненависти к чужой расе хотя бы потому, что нет четкого разделения людей на расы. Гены произошли задолго до появления человеческих рас и человека как такового. Соответственно, генетической ненависти к иной расе быть не может. Да и генетические исследования давно показали, что различия между черным и белым человеком порой даже менее выражены, чем генетические вариации внутри белой или черной расы. Может быть так, что с генетической точки зрения кто-то из нас больше похож на туземца из Верхней Вольты или Нигерии, чем на соседа по лестничной площадке!

Против «врожденной ненависти» к людям «другой породы» говорит и такой факт: внезапно ненависть может угасать и переноситься на другие объекты. Любопытно, например, взаимоотношения между немцами и французами. Немецкий историк Вильгельм Тройе в своей работе «История повседневной культуры» писал, что Франция начиная с эпохи Ришелье стала «образцом для всей Германии, образцом для бесчисленных мелких и мельчайших княжеских дворов Германии, которые ревностно подражали блеску французской роскоши и мотовства». Со времени наполеоновских походов отношения резко меняются. Франция и Германия становятся «заклятыми врагами». Лишь после трех кровавых войн соседи успокоились; между ними вновь воцарился добрый порядок. И сегодня в Германии ненавидят совсем других людей: турок, негров, вьетнамцев, поляков. А для многих невыносимы бродяги и умалишенные. Кто-то активно ненавидит панков и прочий «молодежный сброд». Ненавидят не ту или другую нацию, ненавидят «чужих».

...На протяжении почти всей своей истории люди жили небольшими группами. Полтора миллиона лет назад племена *homo erectus* бродили по саванне; такими же небольшими племенами — от тридцати до ста человек — бродят по сей день люди, живущие в каменном веке, будь то в джунглях Бразилии или на Новой Гвинее. Они селятся в маленькой деревне или кочуют. Каждый знаком друг с другом; жизнь каждого зависит от усилий остальных членов группы. Можно сказать и так: племя выживет, если только каждый будет бороться изо всех сил.

Для выживания племени важны сплоченность, а также предсказуемость действий любого из соплеменников. То есть некие обще-

групповые правила поведения. Мораль, иначе говоря. Выросшая из примитивной животной морали а-ля «ворон ворону глаз не выклюет». Посторонних — маргиналов, аутсайдеров, пришельцев — не терпят: их действия непонятны, их поведение неожиданно, на них нельзя положиться. Аморальные люди! Поэтому любой, кто начинает вести себя наперекор остальным, встречает более или менее резкий отпор, его понуждают быть как все. Говоря современным языком, он подвергается психологическому прессингу.

Для начала аморала высмеивают, над ним подтрунивают. Поначалу это делается по-дружески, безобидно, но все равно высмеивный всеми человек чувствует явную агрессию, направленную на него. Пока у него еще есть возможность исправиться, стать таким же, как все, слиться с коллективом. «Если гвоздь выпирает, — говорит японская пословица, — его забивают до конца».

Если эксцентрик никак не вникает намекам, начинается вторая стадия подавления коллективом личной свободы: над человеком издеваются. Его передразнивают, досаждая и обижаясь на него; насмешка переходит в безжалостное высмеивание. Если мы перенесемся в современность и поглядим на «племя младое, незнакомое», разгуливающее не по джунглям Амазонии, а по коридору любой школы, то там найдутся два сорта маргиналов: «ботаники», которые вечно стремятся стать лучше, чем остальные, и «тупицы», которые от всех отстают, ничего не умеют, путаются у всех под ногами. Каждая из этих двух ветвей отсекается от средней массы соучеников насмешками с их стороны.

И такая мера — снисходительный ostracism — часто приносит плоды. Человек, со всех сторон получающий тычки и плевки, путается, смиряется, стихает. «Дети больше всего боятся, что их осудят сверстники. Это чувство у них развито сильнее, чем даже страх смерти или боязнь потерять родителей!» — такой неожиданный вывод сделал психолог Кори Ямамото из Колорадского университета, наблюдавший за детьми девяти — четырнадцати лет, принадлежащими к самым разным культурам.

Если же и это не помогает, все начинают сторониться своеговольного оригинала. Его презирают, ему не приходят на помощь. Он становится сушим аутсайдером, одиночкой. Его присутствие еще терпят в племени или в коллективе, но держатся от него подальше.

Наконец, может произойти худшее. Ослушника преследуют и изгоняют из коллектива. В глубокой древности такая кара фактически была отложенным смертным приговором. Прожить в одиночку, борясь с враждебными стихиями и дикими зверями, было нельзя. Человек погибал в котлах хищника, замерзал или умирал от голода, не в силах помочь себе.

А что происходит с теми «средними», кто отсек от «здорового тела коллектива» отщепенцев и отклоненцев, не желающих признавать «среднюю» мораль? И что происходит с теми бывшими отщепенцами, которые смиряются и привыкают жить в коллективе? Они проникаются сильным чувством единения. Настолько, что резко сужается групповое восприятие, разнообразие системы падает. А значит, падают ее адаптивные возможности. Ис-

следования психологов показывают, что члены коллектива (племени, группы, стаи) невольно окрашивают весь мир в черно-белый цвет, причем обеляют фигуры соплеменников и чернят всех посторонних, любят своих и ненавидят чужаков.

Если снова вспомнить детей и школьников — а в детских коллективах как нигде ярко выражены древнейшие племенные чувства, — то мы увидим, что для школьников «в моем классе, в моем дворе, на моей улице, в моем поселке» живут хорошие ребята, а вот эти гаврики «из параллельного класса, соседнего двора и т.д.» давно на что-то напрашиваются, и вообще пора бы им «настучать по фейсу».

Любопытно, но такой же результат психологи неизменно получали в следующем опыте: всех собравшихся прямо у них на глазах делили на две группы. Очень быстро члены этих групп убеждались, что свои «самые хорошие», а чужие «ничего не умеют и ни на что не годятся».

Подобные опыты подтверждают, что главная причина ненависти к чужакам, инакомыслящим и т.п. кроется вовсе не в том, что соперников надо подавлять. Нет, манифестация ненависти устраивается единственно лишь для того, чтобы сплотить свою собственную группу! «Поскольку масса всегда боится распада, — писал Элиас Канетти, автор книги «Масса и власть», — ее можно направить к какой-то цели». Чтобы соплеменники не разбежались и не разбрелись, следовало приучить их ненавидеть одно и то же. Ненависть сплачивает общество гораздо крепче любви, кого бы ни принимались ненавидеть: евреев, буржуев или коррупционеров.

Людям каменного века чаще всего было далеко до таких грубых системных дефиниций. Их ненависть была обращена на людей из соседних племен, которые обычно были очень похожи на них. Поэтому подмечались малейшие различия между «нами» и «ими». Любое несходство во внешнем виде, верованиях, языке крайне преувеличивалось, но самым неподдельным «паспортом» становился акцент. Известно, что после полового созревания мало кто может научиться говорить без акцента на иностранном языке или хотя бы на диалекте своего родного языка. Стоит человеку, оказавшись вдали от родимых мест, открыть рот и произнести несколько слов, как в нем безошибочно распознают чужака, приезжего, пришлого. Ату его!

Надо признать, что когда-то третирование маргиналов и инородцев шло остальному обществу на пользу, превращало рыхлую массу людей в некое подобие кулака, готового нанести разительный удар. Сегодня же трения и конфликты между людьми лишь затрудняют развитие общества, крайне осложняя жизнь цивилизации. Почему? Потому что нынче мы живем в настоящем вавилоне: вокруг нас люди, говорящие на самых разных языках — от китайского до арабского, люди, которые верят во что угодно, да и выглядят не поймаешь как.

Вместо одного монолитного племени мы стали членами множества аморфных, быстро меняющихся коллективов, чьи интересы мы не всегда готовы отстаивать из-за их эфемерности и мимолетности. Мир стал намного сложнее и разнообразнее — у людей появи-

Одна из лучших исландских sag, «Сага о Греттире», посвящена удивительному герою: он был прогнан всеми и в одиночестве, скитаясь по пустошам и дебрям, ютятся в самых неприятных и пустынных углах Исландии, прожил девятнадцать лет. Для того времени это была история беспримерной робинзонады. И был Греттир «самым мудрым», сказано в этой саге, «потому что он дольше всех прожил в изгнании»

лось множество ролевых функций: мы сотрудники фирмы, члены семьи, сторонники партии, поклонники «Спартака», жители города, патриоты страны. Наши чувства перемешаны и переплетены, но всякий раз, ощущая себя частицей того или иного коллектива, мы замечаем, как откуда-то из глубины души всплывают темные, мрачные чувства ненависти к посторонним: «Они работают в конкурирующей фирме!.. Они болеют за «Динамо»!.. Они приезжие из Молдовы!.. И потому они неприятны нам».

Острота неприязни зависит от нашего воспитания и монолитности коллектива. Исследования, проведенные в Германии, показали, что иностранцев ненавидят больше всего там, где их меньше всего живет! В бывшей ГДР, где иностранцев всего 2%, ксенофобия заметно резче выражена, чем на западе Гер-

мании, где 10% населения не принадлежат к нордической расе. То же самое наблюдается во Франции.

А вот для тех, кто по роду занятий постоянно общается с инородцами, зачастую характерно иное поведение: ксенофилия, приязнь к иностранцам! Они чувствуют себя в их обществе особенно легко и уютно. Причина такого поведения кроется в особой природе человеческого страха.

Ведь проявления страха очень разнолики. У многих страх смешан с любопытством. Так, дети, слегка испугавшись, тут же начинают интересоваться тем, что их напугало.

Ино-родное влечет. В нем есть прелесть экзотики. Однако вкусы большинства людей все-таки не настолько утонченны, чтобы ценить экзотичное и восхищаться им. Для них ксенофобия естественное, примитивное про-

явление вкуса, как и любовь ко всему банальному и стандартному.

Обратимся еще раз к итогам большого статистического исследования, проведенного в Германии. Больше всего ксенофобов среди рабочих, не имеющих специального образования. У них нет особых перспектив в жизни, они примитивно организованы — тем обиднее, отвратительнее и страшнее для них, когда «какие-то турки или поляки» играючи добиваются успеха, переходят дорогу, и кому? Им, коренным, племенным немцам!

Неприязненные чувства часто бывают стадными. Это только любовь редка и избирательна. Ненависть же растекается как византийский огонь. Когда толпу начинают науськивать на инородцев, отдельные люди, как бы они ни относились к Абраму или Ахмеду, постепенно поддаются общему чувству и прилюдно стараются скрыть свое особое мнение. Это наглядно показал эксперимент, проведенный в Мангеймском университете. Те, у кого было «особое мнение», быстро от него отказывались, проникаясь общей ненавистью. Мнение большинства было для них главнее своего скромного рассудка. Лишь четвертая часть участников эксперимента не поддавалась общему настрою.

Зная итоги этого эксперимента, легко догадаться, что самое меньшее три четверти зрителей, радиослушателей или читателей газет охотно поверят в то, в чем их убеждают. Это готовый человеческий материал для манипуляций и натравливания. Они всегда составят агрессивно-послушное большинство, если их к этому настойчиво подталкивать.

Кто же эти три четверти людей — послушные солдаты пропаганды? Мы уже убедились, что среди них немало тех, кто имеет очень плохое образование или низкий социальный статус. Эти обычно моментально звереют, стоит лишь намекнуть, что они, «такие народные», копают траншеи, а те, такие инородные, не вылезают из ресторана.

Наконец, в обществе немало «социально дезинтегрированных» людей: есть у них вроде бы и образование, и какие-то способности, и желание сделать карьеру, а вот поди ж ты! — как сидели лет десять «рядовыми менеджерами» в каком-нибудь дрянном филиале, так и сидят без особых перспектив: «Не в этой жизни, господа!» Сидят и тихо ненавидят всех, кто их обскакал, а особенно «людей без роду без племени». А им просто не повезло.

Нет, вовсе не гены заставляют нас ненавидеть инородцев. К этому склоняет нас собственная судьба — недополученное образование, ущербленное самолюбие, утраченные иллюзии.

Когда-то немецкие нацисты попробовали превратить ксенофобию в своего рода государственную религию, принеся миллионы жертв идолам ее концентрационных капищ. Совсем недавно сербы, хорваты, боснийцы моментально приучились называть друг друга врагами народа. Им в этом помогали политики, то есть те, кто на чужой ненависти наживаетеся, или тешит собственное больное самолюбие, или сублимирует личные неудачи.

Однако таким политикам нужно помнить, что, приучая людей ненавидеть инородцев, разжигая пожар ненависти, они рискуют не справиться с огнем, который разожгли.

Наталья РАДУЛОВА

Марк ШТЕЙНБОК
(фото)

ЛЮДИ ВТОРОГО СОРТА

Дневник
провинциалки

Когда-нибудь о них будут написаны книги и сняты фильмы. А пока мы их просто не замечаем. Нам непонятны их проблемы, их жизнь. А они стараются стать нами. И внимательно примечают, что такого есть в нас, что отличает нас от них. Знаете, иногда бывает полезно, а главное, жутко интересно посмотреть на себя со стороны. Чужими глазами. На себя и свой город. Сегодня у вас есть такая счастливая возможность, дорогие мои москвичи...

АВГУСТ

Поезд «Одесса — Москва» прибыл на Киевский вокзал с опозданием. Меня встречала Люся, приятельница мамы, коренная москвичка. Каждый свой отпуск Люся проводила у нас в Одессе. Теперь, когда я решила учиться в столице, пришел ее черед проявить гостеприимство. В моем родном городе выбранной мною редкой специальности не учат отчего-то, вот я и приехала в эту Москву. Коренная москвичка прикоснулась ко мне щекой, обдав незнакомым свежим ароматом.

— Сколько можно ждать?

Мне стало стыдно за машиниста.

— Здравствуйте, — говорю.

— Привет, Ломоносов. Идем к машине.

— Здравствуй и ты, Москва, — шепотом произнесла я, тащась с чемоданом за Люсей. — Я приехала тебя покрывать.

Москва на мое заявление никак не отреагировала.

— Недельку поживешь у меня, — бодро стучала каблучками моя спутница, — потом найдем тебе квартиру. Недорогую, долларов за сто — сто пятьдесят.

«Ни фиги себе! — растерялась я. — За такие деньги у нас можно снять дворец».

Мы погрузили вещи в новенькую «восьмерку». Люся села за руль. Завела со второй попытки. Через минуту ее подрезали. Нетерпеливо загудели соседние машины.

— Отвяните, сволочи, — заорала Люся мне в ухо.

Я вжалась в кресло. Люся включила радио. Вокруг мелькали преимущественно российские автомобили.

— Тут все бедные, что ли? Приличных машин совсем нет.

— О, я и забыла, что ты из портового города. Да здравствуют подержанные иномарки?

Мне, как говорится, стало обидно за державу.

— Зато они не напоминают банки консервные! И движение у нас не такое бешеное. И водители не такие наглые.

— Не успела приехать — уже брюзжит. Если вас Москва так раздражает, зачем сюда ломитесь?

О ком это она?

— Временно зарегистрировать тебя не могу, — продолжала Люся, — для этого надо иметь восемнадцать свободных метров. А где я возьму свободные метры? Ты же знаешь, сколько нас в квартире прописано. Сантиметра лишнего нет.

— Где же я буду спать?

— Нет, ну для жилья место есть. А для регистрации — нет.

Поразительный город!

СЕНТЯБРЬ

Приехала из Одессы моя подруга Таня. Решили снять квартиру на двоих. Эпопея поисков утомляла своей однообразием.

— Вы москвички?

— Нет.

— Россиянки?

— Нет.

— Регистрация есть?

— Нет.

— Извините.

Наконец нашлась добрая душа и сдала нам однокомнатное жилище за двести долларов. Необходимых для регистрации метров, конечно же, не хватило. Но нам уже было все равно. Мы радовались хоть какой-то крыше над головой. Добрая душа взяла предоплату за два месяца и вывела в прихожей транспарант:

1. Не бить комаров на потолке и обоях.
2. Не делать наклеек на стенах, мебели, дверях, стеклах и т.д.
3. Не курить и не приглашать более двух гостей.
4. Не шуметь и не включать громко музыку.
5. Держать в чистоте плитку, мойку, санузлы.

СМОТРИ ВПЕР

особый угольный

6. Не вбивать гвоздей в стены кухни, ванной и комнаты.

— Боже мой, за двести баксов в месяц я не могу даже вбить гвоздь, — сказала Танька и поставила бра на тумбочку.

ОКТАБРЬ

Постепенно привыкаю к метро. Оно меня почему-то сразу не впечатлило. Какие-то нелепые подземные дворцы. Грохот и бегущие человечки. По-прежнему волнует другое: я боюсь эскалатора. Кажется, что эта железная лестница куда-то обязательно затянется. Чтобы этого не произошло, я резово, как горная лань, спрыгиваю с движущихся ступенек. И наступаю на чужие пятки. Ну а где мне было тренироваться? На всю Одессу один эскалатор. И тот движется исключительно вверх. Возит хлопиков, неспособных самостоятельно осилить Потемкинскую лестницу.

В метро разглядывать нечего. За окнами темнота. Чтобы не встречаться глазами с пассажирами, можно читать. Ловить взглядом скачущие буквы. Можно беседовать, если удастся переорать грохот поезда. Можно включить плеер и слушать музыку, хотя уши и без того закладывает. Кто жалеет свои уши, горло и глаза, тот просто спит. Иногда за-

валиваясь на соседа. Расстояния в Москве большие. Отчего ж не отоспаться на человеке?

Однажды в метро я заплакала. Без видимой причины. Хотя чем не причина темень за окнами? Полупустой вагон. Чужой город. Подошел мужчина:

— Все будет хорошо. Вот увидишь.

Двери открылись, и он вышел. А еще говорят, что Москва слезам не верит!

НОЯБРЬ

Вчера мы с Танькой поехали гулять и заблудились. Танька заверила, что обладает внутренним чутьем, и предложила вернуться к метро дворами. Стемнело. И вдруг:

— Стоять!

Я с перепугу отшатнулась и стукнулась о мусорный контейнер.

— Ой!

— Сейчас тебе будет «ой», — гоготнула одна из фигур и направилась в нашу сторону.

При ближайшем рассмотрении фигура оказалась усатым милиционером, неуловимо напоминающим таракана. Второй полуночный ковбой держался на расстоянии.

— Ну что, шалавы, попались? — радостно поприветствовал нас «таракан». — Так расплатимся или в отделение проедем? Опыта общения с милицией я до сих пор не имела. Танька, думаю, тоже. В Одессе если и были органы правопорядка, то очень удачно скрывались. Так что эффектное явление этих слуг закона с применением таинственных слов «шалавы» и «отделение» не могло нас не озадачить. Особенно озадачилась Танька.

— Сам ты шалав, — сообщила она «таракану».

Я обреченно закрыла глаза. Второй милиционер сделал шаг в нашу сторону:

— Так-с. Ну-ка, хохлушки, предъявим документки. Регистрация имеется?

— Имеется, — буркнула я и начала вытаскивать из сумочки мятые червонцы.

— Вы че, телки, офигели? — пришел в себя оскорбленный усатик. — На х.й мне ваша мелочь? Посидите у меня в обезьяннике до утра, а там разберемся. Марш к машине!

И довольно ощутимо пихнул нас автоматом.

Я шла, придавленная нагромождением абсурда. Сначала нас свободно пускают в Россию, а потом устраивают облавы, как на беглых каторжников. Сначала Москва —

— Мыкола, ты слышал, як москалі пьво называюць?
 — Як?
 — Пи-и-иво...
 — Поубывав бы!...

столица моей Родины, потом гетто для избранных. Сначала у всех поколений моих предков в графе «национальность» пишут «русский», а потом безапелляционно называют меня хохлушкой. Сначала мой дед получает ранение при обороне Москвы и всю жизнь мыкается по госпиталям, потом его внучку пихают в спину автоматом за то, что она приехала в город, который он защищал.

Короче говоря, я разревелась. Позорно захлопала носом, что не ускользнуло от внимания наших конвоиров.

— Может, договоримся с девчонками? И пусть валият подобру-поздорову, — предложил тип, интересовавшийся нашей регистрацией.

— Ага, — подхалимски поддакнула Танька и заглянула «таракану» в лицо. — Договоримся, а?

Тот хмыкнул и дыкнул перегаром:

— Отсосешь — и свободна.

Танька даже остановилась:

— Вы, вы... грязная свинья!

— Ой, да ладно тебе целку корчить! Спутнули вас с точки, так вы по подворотням разбежались. Вылавливай теперь.

— С какой точки?

— Ну дает! — восторженно потрянул головой усач. — Вот приедем в отделение, там тебе объяснят, что такое уличная проституция.

— Мы не проститутки! — заорали мы хором.

— Ха! Разве вы не хохлушки?

— Мы с Украины. Учимся здесь.

— А чего ж вы в подворотне прятались, когда облава началась?

— Мы заблудились. Мы гулять ходили на Красную площадь. Фотографировались. — Танька тоже всхлипывала.

— Чем докажете?

Почти рыдая, подруга вытащила из сумки только что сделанные фотографии. Я продемонстрировала увесистый Polaroid и пропуск в библиотеку.

Менты растерялись и даже, кажется, почувствовали себя виноватыми:

— Ладно, девчонки. Вы уж извините, ошибочка вышла. Давайте проведем вас к метро, а то еще кто-нибудь остановит.

— Нет уж, спасибо, — сказала Танька, хватая меня под руку.

— А регистрацию сделайте! Непорядок! — крикнул нам вслед «таракан».

ДЕКАБРЬ

Теперь я поняла, почему фашисты так и не взяли Москву, а французы проиграли войну 1812 года. Боже мой, как здесь холодно! Чтобы выжить, нужно носить специальную одежду! Мы с Танькой купили дубленки и теперь похожи на медведей-шатунов.

Статус наш определен окончательно: мы — незаконные иммигранты. Если нас останавливают для проверки документов, даем взятку. Пятьдесят рублей. Тут главное не качать права. Потому что в отделении придется либо дать «на лапу» еще больше, либо позагорать три часа. С самыми строптивыми обычно так и поступают. Не перестаю удивляться, в каких опытных психологов превращаются милиционеры, когда дело пахнет полтинником. Рентгеновским взглядом выхватывают из толпы «чужих». И, как правило, не ошибаются.

Днем я учусь, вечером работаю приходящей няней у «новых русских» (Люся устроила по большому благу). Уди-

вительно, но работа мне нравится. С детьми оказалось интересно. К тому же сиюю я с ними не каждый день.

Танька распространяет какую-то косметику и громко именуется консультантом по красоте. Ходит по офисам и пристает к теткам. Неубедительно обещает вечную молодость за двадцать баксов. Тетки то ли верят, то ли жалеют невзрачного консультанта, но двадцатидолларовые баночки покупают. Танька имеет с каждой свои четыре доллара, натертые ноги и отвращение к данному виду заработка. Но куда ее возмрут без прописки? Пробовала устроиться даже на рынок.

— Двойная смена, — сказал ей золотозубый джигит.

— Как это?

— Днем у прилавка, вечером со мной.

— Что с вами?

— Трах.

Потом Таньку неофициально взяли парикмахером в какой-то захудалый салон. Клиенты туда почти не заглядывали, и доходы были совсем мизерными. Девочки-москвички спокойно работали и за эти деньги, а Танька ушла — за квартиру надо платить больше, чем ей в салоне начисляли за месяц.

Знакомый как-то посоветовал:

— Танюха, иди работать в электрички. Я в день до тысячи рублей зарабатываю.

— Машинистом?!

Парень закатил глаза:

— Идиотка!. Объясняю: покупаешь в гостинице «Севастополь» или на Черкизовском рынке батарейки. Сидишь в любую электричку. Заходишь в вагон, делаешь лицо попроще и орешь что есть мочи: «Уважаемые пассажиры!

Вашему вниманию предлагаются пальчиковые батарейки всемирно известной фирмы «Панасоник». Упаковка из четырех штук стоит десять рублей». И идешь по проходу. Кому надо — окликнет.

— Первым делом тебя окликнут менты, — вмешалась я.

— Во-первых, они встречаются не каждый день. Во-вторых, усиленно патрулировать электрички начинают только после шести вечера. В-третьих, менты тоже кушать хотят. Они вылавливают помимо меня еще двух торговашек, мы скидываемся и даем им сотку. Тариф. А с зрелыми я даже в тамбур не выхожу. Когда они идут навстречу, я им руку протягиваю: «Здравствуйте!» А в ладоши двадцатка. Пожали друг другу руки, деньги остались у них, все разошлись довольные. На некоторых ветках торговцы целые бригады создают. Платят начальникам линейных отделений ежемесячные взносы. Те им конкурентов гоняют. Лепота!

— Ловко. Тебя послушать — не работа, а рай.

— Ну почему же. Экسسсы тоже бывают. В праздники много пьяных ездят, могут побить, отобрать товар. Еще одна проблема: москвичи в переходах между вагонами гадят много. Того и гляди, наступишь.

— Лучшие я буду мыть туалеты, чем работать в электричках, — очнулась Танька. — Это же такой позор!

— Ну и сиди без денег, чистоплюйка! Толик, знакомый мой, долго в своем НИИ за копейки штаны протирал, а как вышел в электричку — на квартиру заработал.

— Неужто это так прибыльно?

— До кризиса очень прибыльно было. Сейчас, конечно, торговля похуже стала. Но мы нашли новый рынок сбыта — метро. Вот где самый сенокос! Народ еще неизбалованный —

шариковые ручки и чудо-иглолки, которыми мы еще в прошлом году все Подмосковье закармливали, гребут за здорово живешь. Так что ты, Танюха, подумай. Я тебе дело предлагаю.

— Предпочитаю умереть от голода, чем перед всем вагоном что-то рекламировать.

— Это все так поначалу думают. Я даже напился для храбрости в первый раз. Потом ничего, привык. А что делать? Я, конечно, могу вернуться в свою Ростовскую область и дальше жить впроголодь, а могу подвигать локтями здесь. Вот и двигаю. У меня семья, дети. Разве ж я виноват, что могу их прокормить, только скача по московским электричкам?

— Мы все здесь люди второго сорта, — тихо сказала Танька.

— Не бойсь! — решила я ободрить ее. — Только такие и пробиваются наверх. Любой иммигрант социально активен. Это здорово дисциплинирует и закаляет характер. Мы еще такие вершины возьмем, Танюха, ого-го!

— Какие вершины? Посмотри на себя: если ты завтра не заплатишь за жилье, то будешь ночевать на вокзале. Если не заработаешь на ужин, то мамочка не накормит. У тебя нет дома, нет родных, нет защиты. Каждый может пнуть, как собаку. Ты лебезишь перед хозяйкой квартиры. Ты сто раз слышала «Проваливай в свою Хохляндию!». Ты напрягаешься, когда видишь милиционера. Тебе даже болеть нельзя — никто лечить не будет. А все о каких-то вершинах мечтаешь! Кому ты здесь нужна, кроме себя самой?

Я даже не нашла что ответить. Демонстративно ушла зубы чистить. Гость наш поспешно откланялся. Я стояла в ванной, смотрела на себя в зеркало и упрямо твердила:

— Все равно. Все равно. Все равно.

ЯНВАРЬ

Москвички поначалу показались мне невзрачными. После ярких южных красавиц они смотрелись весьма блекло. Как моль. Но со временем я пообвыкла и поняла, что женщины здесь красивы по-своему. Этикие незабудочки в черных брючках. Одеты, конечно, гораздо лучше, нежели малоимущие дамы в провинции. Почему-то предпочитают покупать вещи темных тонов. Когда меня, как сороку, тянет к ярким витринам, знакомые москвички морщат носки: «Покупай лучше черное — не ошибешься». Хочу, хочу ошибаться! Только бы не стать очередной стильной монахиней в черном! Не город, а какой-то многомиллионный монастырь!

А лишний вес иметь здесь просто неприлично! Причем лишним считается вес вообще. Так что борьба с ним ведется всю жизнь. Москвички хотят быть не просто стройными, они хотят быть истощенными. Им легко — у них косточки тоненькие. Зато походка суетливой. И еще (умереть — не встать!) летом женщины носят подследники!

О мужчинах ничего пока сказать не могу, кроме того, что они пьют. Вечером весь общественный транспорт благоухает алкоголем и аукается беззлобным матерком. Видимо, это такая местная традиция: мужчины выпивают после работы и едут домой, как овощи.

Детей в Москве, похоже, нет вовсе. Или их где-то прячут. Только во время кремлевских Елок можно заметить перемещение нарядных папаш и их отпрысков с кулками конфет.

Москвичи замкнуты. То ли это защитная реакция жителей мегаполиса, то ли северная сдержанность. Честно говоря, мне это даже импонирует. Очень комфортно себя чувствую, когда никто не лезет в частное пространство. Впрочем, я могу умирать на краю тротуара вместе со своим частным пространством, и вряд ли кто-то на меня внимание обратит. Люди настолько сосредоточены на себе, что в упор не видят друг друга. Человечки в футлярах. Но при всей своей замкнутости они сконструированы довольно просто. Доверчивы, как дети. Одеситы в массе своей гораздо умнее и хитрее.

ФЕВРАЛЬ

— Ваша собака какает в лифте, — заметила я соседке.

— Ой, она у меня такая нетерпеливая! Еще ни разу до улицы не дотянула!

Молодая, хорошо говорящая на украинском языке девушка, рост 168 см, 3-й размер груди, брюнетка (могу стать блондинкой), ищет нетяжелую, высокооплачиваемую работу, не требующую профессиональных навыков. Интим не предлагать

— А вы не пробовали гулять с ней чаще?
— Вам какое дело? — оскорбилась моя собеседница. — По-наехали тут!

— Не следует так задира́ть свой московский нос, — говорю, — есть риск захлебнуться во время дождя.

И дверь захлопнула.

То, что в Москве культ домашних животных, я уже поняла. То, что все городские скверы покрыты многолетней коркой собачьих экскрементов, я поняла тоже. Но демонстративная месь собачницы стала для меня открытием. Борясь за право своей псины гадить где придется, ябедо-хозяйка заложила меня милиции.

Вечером на пороге возник участковый:

— Регистрация имеется?

— Нет.

— Придется пройти в отделение.

— А по-другому договориться можно?..

Слуга закона заметно оживился:

— По-другому — двести рублей. Посещать вас буду в конце каждого месяца.

Лаконо́ичный разговор деловых людей. Я, правда, попробовала торговаться:

— А сто пятьдесят рублей не спасут отца русской демократии?

Участковый ответил вполне достойно:

— Полагаю, торг здесь неуместен. Цена божеская. Для лиц кавказской национальности, к примеру, расценки гораздо выше. Так что плати исправно, живи и радуйся.

Так за двести рублей я купила московскую милицию. Живу и радуюсь.

О чем любят говорить в Москве? О погоде и о политике. И то и другое постоянно преподносит сюрпризы. Московский климат впечатляет количеством осадков. И почти полным отсутствием лета. Должно быть, этим временем года считаются те

несколько недель, когда можно носить одежду с короткими рукавами. А еще здесь сыро. От этого плохо заживают даже самые маленькие царапины и ранки.

В Москве я научилась смотреть новости. Живя в Одессе, я не знала фамилии собственного президента. Здесь же, поддавшись массовому помешательству, до хрипоты оспариваю позиции того или иного депутата и ору в телефон:

— Ни одно решение в Государственной думе не может быть принято без участия лидеров политических фракций. Понял, придурок?.. Одолжи пятьсот рублей — иду на день рождения.

МАРТ

Знакомый откровенничал:

— Я долго привыкал к московской пище. Это ж чистый пеплопласт! А фрукты-овощи привозные. Поэтому арбузы только полосатые, а груши безвкусные и толстокожие. Только такие и выдерживают транспортировку. Кроме грибов и яблок, здесь, похоже, ничего не растет. Да и яблоки какие-то пресные. Не та земля, хочу тебе сказать, не та. Во время дождя даже грязи приличной не бывает — не почва, а один песок. То ли дело наш чернозем!

— Зато здесь икра дешевая, — пыталась возразить я.

— Полуфабрикатов много, — продолжал он. — На периферии такого не увидишь. А тут все на богатых лентяев рассчитано. Зайдешь в магазин — еды нет, одна нарезка. Да мороженые пельмени гремят.

— А мне хлеб здесь нравится. Вкусные белые батоны, которые у нас закончились еще в советское время.

— Культ шоколада! Все жрут шоколад. Глюкозы у них в крови мало, что ли?

— А грибов действительно много. И такие разные. А я раньше, кроме шампиньонов, ничего и не видела.

— Гречневая каша и сосиски — это их национальная еда. А говорят-то как: сосиськи!

— Мороженое вкусное.

— Придешь к ним в гости, а тебе: «Чайку?» Нет чтоб нормально человека угостить, стол накрыть. Хлещут этот чай ведрами! Тют!

— Слушай, — не выдержала я, — ну и ездил бы ты в свою Хохляндию!

Звонить на Украину днем — самоубийство. Очень дорого. Все дело, видимо, в том, что Украина считается границей, и телефонный звонок на Чукотку стоит дешевле, чем в Одессу. Кстати, о телефонных разговорах. В Одессе говорят «алло» приветливо, но без удивления и тревоги. Последняя нота всегда оптимистически ползет вверх. Трубку берут вальяжно, и это одесское пофигистское «алло» как бы подразумевает: «Ну шо у вас там такое? Шо вы мне нового имеете сказать? Я и сам все знаю». Даже сногшибательная новость воспринимается снисходительно: «А я вам что говорил». Хотя что он там мог говорить?.. Одессита нельзя удивить в принципе. Он разговаривает громко, жизнерадостно и с напором. Так, чтобы было слышно тете Розе с третьего этажа.

А попробуй набрать любой московский телефонный номер, тебе ответят таким заговорщицким тоном, словно ты звонишь на явочную квартиру шпионов ЦРУ. Или в подпольный публичный дом. Или своему любовнику, у которого жена спит в соседней комнате. Позвони в химчистку, и на другом конце провода отзовутся таким многообещающим «але-о-о», словно собираются по меньшей мере пригласить тебя на тайное свидание. Первое время меня не покидало чувство, будто все мои московские собеседники, поднимая трубку, интимно прикрывают ее ладонью. Может быть, этот тон разговора родом из коммунальных квартир? Как бы там ни было — таинственное и нежное московское «але-о-о» звучит интригующе и весьма сексуально.

...Я родилась и выросла в городе, который любят все. А живу в том, который не любит никто. Кроме прописанных в нем.

Тем не менее я ощущаю к Москве что-то вроде симпатии. Я ей благодарна. За то, что научила верить в себя. За то, что помогла стать взрослой. За то, что пусть не сразу, но приняла меня. За то, что принимает всех, кто отчаянно хочет этого. Я живу здесь почти год. Моя подруга работает в милиции. Мой кот — коренной москвич. Когда я звоню домой, родители возмущаются: «Хватит акать!» Я не глядя схожу с эскалатора и в одежде предпочитаю черный цвет. Я научилась в магазине просить не «сахар», а «песок». И поняла смысл глагола «ехай». Я живу в шумном, то ли европейском, то ли азиатском, похожем на лоскутное одеяло городе. Можно называть его своим по факту рождения. А можно — по выбору. Я выбираю называть его своим. Вишиваю свою судьбу в его причудливый узор. Одним лоскутком больше...

Когда у вас отключают свет, тепло, газ или воду — вы наверняка бросаетесь к телефону, чтобы кому-то сообщить о случившемся. Теперь представьте, что уже и по телефону нельзя позвонить. Не исключено, что скоро так и будет

Не телефонный разговор

Борис ГОРДОН

Я позвонил из предбанника Думы и сказал, что звоню снизу. Как договорились.

— Я вас встречу. Вы меня в лицо знаете?

— Не знаю, — честно признался я.

В предбанник спускался глава думского подкомитета по связи **Леонид МАЕВСКИЙ**. А я думал о своем, о девицке.

Страна может позволить себе не знать в лицо своих связистов, пока все худо-бедно работает и всех устраивает. Увы, почти ничего уже не работает. И уж точно мало кого устраивает. С некоторых пор россияне, особенно побывавшие за границей и знающие, что такое нормальная связь, ненавидят российские телефонные сети всеми фибрами своей души. Мы в «Огоньке» испытали это на собственной шкуре, когда пытались установить и наладить несчастенькую крохотную офисную АТС. Новинка чуть не парализовала работу редакции: техника сложнее советского аппарата с дисковым набором на большинстве московских ли-

ний не выживает. Как-то раз я пытался объяснить своей племяншке, живущей в Хайфе, что такое спаренный телефон. Она так и не поняла, что это значит. Хотя с русским языком у девушки проблем нет.

Пятьдесят восемь тысяч населенных пунктов в России не имеют телефонной связи.

Это происходит в XXI веке в не самой отсталой европейской стране, которая сама делает неплохие телефоны и телефонные станции. Да если бы даже и не делала — все ведущие мировые производители этого добра обзавелись московскими офисами либо еще при СССР, либо в самом начале реформ.

Для крупных корпоративных клиентов операторы связи творят просто чудеса. Хотите, чтобы с сибирского завода в московский офис сотрудники звонили не по междугороду, а по местному номеру из четырех цифр, как из комнаты в комнате? Нет проблем, сделаем!

А вот захотело частное лицо купить телефонный номер либо поменять спаренный на отдельный — путь один: на узел связи с четырехзначной долларовой взяткой. Чтобы найти взяткодателя свободный номер, связисты обычно отнимают его у злостного неплательщика. Если же таковых нет, а порадовать родному человечку хочется, ваш номер могут отнять по самому нелепому поводу. Одному штерцу отключали телефон и грозили снятием номера за то, что он не регистрировал на телефонном узле определитель. С трудом, через суд, бедняга доказал, что у него не АОН, а автоответчик.

Чтобы не подставляться, государственные операторы часто продают номера через якобы не имеющие к ним отношения фирмочки. За те же четырехзначные суммы. Казалось бы, частные связисты давно могли бы вклиниться на этот «рынок». Но не вклиниваются. Мучась со спаренным телефоном, я обзванивал частников и умолял их продать мне номер. Все отказывались либо предлагали нечто вроде фиксированного сотового телефона. Если я просил связь по проводам, следовал стандартный ответ: «Коньяк, конверт, телефонный узел».

А грядущее введение повременной оплаты за местные разговоры! Вот данные свежих опросов: более половины опрошенных уверены, что повременка нужна лишь самим телефонистам, ущемляет права граждан и нарушает антимонопольное законодательство.

В российских компьютерных сетях постоянно действуют конференции, где обсуждают технические и судебные способы борьбы с телефонными операторами. Более красноречивого свидетельства «народной любви» к телефонистам даже выдумать невозможно.

Я спросил Леонида Маевского, почему оно все так криво?

— Рынок объявили, а не создали, — загадочно сказал Маевский.

Я вспомнил, что пора включать диктофон.

ЗА СЕБЯ И ЗА ТОГО ПАРНЯ

— До девяносто первого года связь, естественно, была госмонополией. Местная телефония была заведомо убыточной, а междугородка — прибыльной. Тарифы на междугород были многократно выше себестоимости. Считалось, что, если человек время от времени звонит по междугороду, у него заведомо есть деньги.

— Вот пусть и платит «за себя и за того парня»?

— Конечно! А уж за границу звонили тогда, как правило, не частные лица, а организации. Поскольку вся связь была в одних руках, убытки, которые приносила местная телефония, исправно погашались за счет прибыли, которую приносили междугород и международка. На языке профессионалов это называется «принцип перекрестного субсидирования». До поры до времени это исправно работало.

А в девяносто первом мы объявили рынок в сфере услуг связи.

— Почему все-таки объявили?

— Потому что на деле его нет.

— Как же так! Крутом море телефонных компаний! Правда, я вот сунулся решать свои проблемы — получил фигуру из трех пальцев.

— А вы им неинтересны. Местная телефония, как и во времена СССР, осталась дотационной. Денег на развитие в нее не заложено вообще! Абонентская плата покрывает не больше чем две трети издержек на обслуживание одного телефонного номера. Но и этой мизерной суммы из-за массы льготников и неплательщиков никто полностью не получает. «С носа» выходит примерно доллар в месяц вместо двух. Вооруженным силам и милиции не отключишь телефон ни за какие долги. Нельзя. Так что частник местной связью заниматься не будет. Какому дураку придет в голову вкладывать деньги в заведомо убыточное дело? Поэтому частник берет лицензию на междугород и международку — и может считать, что жизнь удалась.

— Так уж сразу и удалась?

— Конкурировать на нашем рынке междугорода и международной связи легче легкого. Вы набрали «восьмерку», а в цену каждой минутки уже заложено, что львиную долю этих денег «Ростелеком» должен отдать на местную телефонию. При таком раскладе у него страшно завышены тарифы. Частный оператор ничего, кроме налогов, никому отдавать не обязан. Поэтому его тарифы гораздо ниже и к нему перебегают клиенты. Прибыль «Ростелекома» неуклонно снижается. Денег на развитие местной телефонии остается все меньше и меньше.

— Получается, рынок как рынок, но к одному из его игроков вроде как приставлен штатный рэкетиру?

— Совершенно верно!

— А знаете, Леонид Станиславович, я уже сто лет не набирал «восьмерку». Я как раз звоню по карточкам частных операторов. В первых, на порядок дешевле. Во-вторых, не сидеть и не дрожать, что пацаны твой счет за междугород из почтового ящика вытащат, а потом тебе телефон за неуплату отключат.

— Ваш благодетель — частный оператор, уплатив налоги, может даже вывезти прибыль из страны. Иногда он просто обязан ее вывезти. К примеру, дали вам международный разговор через зарубежный спутник связи — с хозяином спутника надо расплатиться. У нас очень любят плакаться об утечке капиталов — вот вам совершенно легальный канал. Никакого жульничества, никаких банкетов. А денежки утекают. Чем меньше денег идет в местную связь, тем больше она ветшает. Тем меньше желающих в нее вложиться.

Принцип снежного кома...

МИНА

— У меня ощущение, что наши дотационные социальные цены — мина замедленного действия.

— А почему замедленного? Взрыв уже состоялся. Денег на поддержание и развитие местной связи нет. И непонятно, где взять. А ведь ею мы больше всего и пользуемся.

— Отменить все льготы.

— По-человечески я с вами согласен. Нужно быть честными перед людьми. Сейчас мы, добрые дяди в Думе, сидим и раздаем льготы — вот тебе скидка на местные переговоры, и тебе, и тебе тоже. Вроде как мы даем билет в цирк — можешь сходить, а можешь не ходить. Не надо давать билет в цирк! Если ты дал льготу — значит, выразил человеку свое уважение. Если ты уважаешь инвалида, офицера или пенсионера, ты исходишь из того, что перед тобой разумный человек. Так? Тогда дай ему не льготу, а просто денег. И пусть он сам решит, на что их потратить.

— Так в чем проблема?

— А вы представьте себе, что завтра в Думу вносят законопроект об отмене всех льгот. Можете вообразить, какая будет реакция?

— Писк-визг и мокрое место.

— Или вносят такое: с послезавтра мы платим за местную связь столько, сколько она стоит. Примерно двести рублей. А в потребительскую корзину пенсионера на телефон заложено отнюдь не двести, а около полусотни рублей. Значит, мы должны откуда-то изловчиться взять и добавить недостающие полтораста рублей к пенсии. Каждому! Посчитайте, какие это деньги для всей России.

— Заложить их в бюджет — он может пошвам пойти. Заставить частных операторов платить за развитие местной связи уже невозможно. Десять лет никто с них этого не требовал, а тут — на тебе. Да они с рынка уйдут!

— Во всяком случае, крик такой поднимется — мало не покажется.

— Если бы им сразу задали эти правила.

— А сейчас болезнь загнана внутрь. Ни министр связи, ни законодатель тут уже ничего сделать не смогут.

— Только президент, стремительно продавая ресурс популярности?

— Похоже, что да. Очень непросто сказать операторам и абонентам, что по-старому жить нельзя. Это же политический шаг, не технический — полностью изменить правила игры на огромном рынке.

НЕ ТЕ ДЕНЬГИ

— Если в местной связи такое безденежье, почему человека, который приходит на узел связи и просит продать ему номер, посылают куда подальше? «Мы ничего не продаем! В очередь, пожалуйста, и десять лет подождите».

— Он не те деньги предлагает. Или не тем. Мне часто говорят, что в Московской области проблемы с телефонной связью. Очередь на установку телефона там шесть-сот тысяч человек. А я отвечаю: проблем со связью в Подмоскovie нет! Есть проблема с платежеспособностью населения. Это ведь очередь на льготную, бесплатную установ-

Леонид МАЕВСКИЙ:
«В Москве каждый
четвертый телефонный
номер находится
на так называемой
декадно-шаговой АТС.
Эти горы металлолома
физически и морально
устарели еще
в шестидесятые годы»

Подсчитано: чтобы увеличить валовой внутренний продукт всего на один процент, любой стране надо поднять уровень телекоммуникаций на три процента. В России уровень телекоммуникаций падает — линии ветшают, станции изнашиваются. Как прикажете поднимать страну?

ку! Если бы у всех очередников было по тысяче долларов — им бы поставили номер, протянули линию. Я вас уверяю, те, у кого деньги были, давно поставили себе телефоны. Если же кто-то стоит в очереди тридцать-сорок лет — у него просто нет денег. Нужных денег.

— И что этим людям делать?

— Это не им — это нам нужно искать со-моново решение, которое бы устроило всех. Если местная телефония станет рентабельной, в любую глушь придут по три-четыре оператора. Но для этого придется платить за местную связь столько, сколько она стоит. То есть ликвидировать перекрестные субсидии. Хотя, повторяю, это будет страшно болезненный шаг.

— А введение повременной оплаты? Я, честно говоря, боюсь, что с повременкой наши телефонисты-монополисты и вовсе озверекнут.

— Всего лишь один из вариантов решения проблемы. Не знаю, лучший или худший. Мы же во многих сферах жизни привыкли платить за количество товара. Вот стоят у меня электроплита и электросчетчик. И тут приходит дядя и говорит: плати столько-то — и вари суп круглые сутки. Но я его не варю круглые сутки! Скорее всего, мне этот неограниченный доступ окажется невыгоден. И я предпочту платить за конкретные киловатт-часы. Мне рассказывали, что в Кузбассе именно пенсионеры потребовали введения повременки. Основной мотив был такой: я на лето уезжаю на дачу, а иногда месяцами лежу в больнице. Зачем мне за эти месяцы платить за телефон по обычной ставке? Повременную оплату в Кемеровской области ввели. Судя по всему, тарифы рассчитали грамотно: ни массовых претензий, ни тем более социального взрыва.

— Многие репатрианты из стран бывшего Союза, когда только переехали в Израиль, были в шоке от повременки. Все, кроме тех, у кого в Союзе были спаренный телефон и проблемы со здоровьем. У них был совершенно иной взгляд на ситуацию. Да, не разговоришься, зато «скорую» можешь вызвать в любой момент. И хоть жив останешься. Люди слишком хорошо помнили, что такое невозможность вызвать «неотложку» во время приступа астмы, когда соседи «повисли» на телефоне.

ДЯДИ

— Знаете, кто чаще всего приходит ко мне защищать старушек от повременной оплаты за телефонные разговоры? Солидные дяди в дорогущих швейцарских часах и очках в дизайнерских итальянских оправках. Именно им, оказывается, больше всего бабушек жалко.

— Может, не бабушек, а «бабок»? Наверняка дяди — лоббисты Интернет-провайдеров. Ведь повременка ударит по их доходам — сидеть в Сети станет очень дорого.

— По вменяемым провайдерам ничего не ударит. Они дадут вам выделенную линию. Или будут сами звонить, когда вам нужно войти в Сеть. Так что не возьмусь угадывать, кто эти дяди. Могу сказать одно: кому-то выгоден статус-кво. Чтобы была масса непрозрачных финансовых потоков, перекрестные субсидии — и никакой реальной конкуренции на рынке. Ведь как только местная связь начнет стоить, сколько она стоит, «Ростелеком» опустит тарифы. Рентабельность многих частных операторов резко упадет. На рынке межтора и международного станет очень жарко. С рынком местной связи то же самое. Когда появится конкуренция, всем придется из кожи вон лезть, чтобы понравиться клиенту. Сначала операторы будут «втую» продавать обычную телефонию. Один заложит рентабельность пятнадцать процентов, другой — семнадцать. Большого разрыва не случится. Потом кто-то скажет: «А я за те же деньги вам дам конференц-связь и еще море услуг». Когда абонент войдет во вкус, он сообразит, какие услуги ему нужны. За что он хочет платить, а за что — нет. Многие проблемы моментально снимутся. Хочешь поболтать с подружкой? Звони по льготным тарифам ночью, в выходные.

— И выбирай форму оплаты за местную связь хоть из ста тарифных планов?

— Разумеется. Вы же помните, с каких чудовищных стоимостей контракт начинали доллары! И ничего, пришли к десяткам тарифов — от экономных до безлимитных. Просто этот путь надо пройти. Местная связь его не прошла. За десять лет никаких реформ.

И поэтому не знаешь, с чего начать. Введешь повременку — плохо. Отпустишь цены на местную связь — опять плохо. Оставить все, как есть, — вообще смертельно.

— По вашим ощущениям, чем этот бардак закончится?

— У меня тайная надежда, что все игроки рынка как-то договорятся.

— Откуда такая надежда?

— Все понимают, что «так жить нельзя». А люди в этой сфере работают все больше неглупые — специфика цеха.

— Это чувствуется, — решил я на тонкий комплимент, — а вы-то какой связист?

— Военный. Радиотехническое оснащение подводных лодок. Тихоокеанское высшее военно-морское училище, а после академия. Доктор технических наук.

— Ого! — только и смог сказать я. Угадать профессора в молодом энергичном человеке было невозможно.

— Так что я очень надеюсь — возьмут калькуляторы в руки, все подсчитают и найдут выход, — сказал Маевский.

— А если не найдут?

— Останемся без телефона.

НЕПОБЕДИМАЯ

ДРОЙ

Мир, наступивший после окончания «холодной войны», оказался горячим. Теперь солдаты и офицеры России и НАТО делают то, что им и не снилось, — фиксируют положение планки прицела и секторы обстрела друг друга в Боснии и Косове. На всякий случай. Но между противниками две огромные разницы, как говорят в Одессе. Российская армия сейчас — самая воюющая армия мира. И ее молодым и успешным полковникам надоело зря тратить боеприпасы и терять своих солдат от шальной пули или осколка гранаты, брошенной безграмотным завшивленным моджахедам. Через десять лет, когда они станут генералами, они экипируют своих людей так, что те будут стрелять точнее, чем Вильгельм Телль, и станут неуязвимее Ахиллеса

И ЛЕГЕНДАРНАЯ...

ДИККИ

MADE IN RUSSIA

Возможности превзойти Ахиллеса есть: «доспехи бога» уже созданы и опробованы там, где никогда не делали ничего мирного, — в Московском государственном техническом университете им. Баумана. Теперь в недрах многочисленных корпусов «Бауманки» и на ее подмосковном полигоне можно встретить тех, кого легко принять за героев фантастических фильмов. Фотографировать их категорически запрещено. Сам министр обороны Игорь Сергеев видел новое оружие только однажды. Доктор технических наук Владимир Смирнов и директор НИИ специального машиностроения Владимир Чельшев скрепя сердце все-таки согласились рассказать, что же это такое, да и то только после того, как я продемонстрировал им свою осведомленность в аналогичных разработках за океаном. Бауманцы полагают, что наши разработки не только не уступают американским, но и значительно превосходят их

Кирилл КОЛИКОВ

ДРОЙДЫ

Творить оружие будущего типа такого, какое принято изображать в фантастических фильмах, американцы начали несколько десятилетий назад. Первым энтузиастом этого дела стал еще в 80-е годы генерал Барри Маккафи, начальник Армейской пехотной школы. Он выдвинул идею оружия, получившего название «объективное», — OICW, как американцы его называют. По этой концепции боец превращается в нечто среднее между обычным пехотинцем и наводчиком-оператором танковой пушки.

Тогда эта идея годилась только для Голливуда, однако со временем обрела плоть и кровь. Две группы фирм во главе с AAI Corporation с одной стороны и Alliant Techsystem с другой вступили в конкурс на лучшую разработку такого оружия. Вот что у них получилось.

Новая винтовка будет иметь два ствола под два типа боеприпасов — обычный патрон и гранату. Каждая из 20-мм гранат будет оснащена электронным таймером-взрывателем, рабочие данные которому задает миниатюрный компьютер. Он, в свою очередь, будет обрабатывать данные, полученные стрелком с помощью лазерного дальномера. По заданной программе взрыватель срабатывает по числу оборотов гранаты на подходе к цели или над ней.

Аппетит приходит во время еды, и американские конструкторы пошли еще дальше. Они предложили выводить все оперативные данные на дисплей, вмонтированный в головной шлем стрелка, как это делается в шлемах пилотов, летающих на вертолетах Apache, и даже разработали такой шлем, названный HUD (Head Up Display), которым хотят оснастить практически каждого пехотинца. Такой шлем будет служить не только для защиты головы, как обычная каска, но и сообщать бойцу о летящих в его сторону осколках и пулях. Не забыли и о командире. Его шлем будет еще более сложен. Он будет получать со шлемов солдат данные об их физическом состоянии — степени утомления, психического возбуждения...

Комплект был бы неполным, если не помнить об обмундировании. Вместо привычной куртки и бронежилета пехотинца оденут в особый костюм — пуленепробиваемый и газо- и радиационнозащитный, способный поддерживать комфортную температуру тела бойца. Короче, если так дело пойдет, то вместо доблестной солдата Джейна мы скоро увидим... ну, например, Робокота.

Поток американской фантазии остановили японцы. Они подсчитали, что для работы всего

этого комплекса: оптоэлектронного прибора, шлема HUD, универсального защитного костюма — потребуется аккумулятор весом 9 — 11 килограммов. Все это придется таскать на себе, плюс двухствольное чудовище и комплект гранат. Приговор беспощаден: такая экипировка делает солдата маломаневренным, быстро утомляемым, энергетически и уязвимым в бою. Любый дикарь в чалме и калате запросто пришибет этого новоявленного киборга кетменем сзади.

В общем, работы по облегчению и усовершенствованию «робокота» нужно было бы продолжать, но СССР, который на Западе всем внушал страх, распался. Соответственно пострадал и американский военный бюджет, в том числе идущий на разработку новых видов оружия, он стал ощущать существенное противодействие со стороны американских налогоплательщиков.

А наши, даром что нищие, решили американцев обскакать. Обскакали.

— Догнать и перегнать американские разработки нам было нетрудно, — сказал Владимир Смирнов, указывая на манекен. — Все-таки опыт.

Перед нами желатиновая человекоподобная чухля. На голове закреплена невероятной конструкции каска с прозрачным пластиковым «забралом» и двумя мини-камерами по бокам. Шлем проводами соединен с большим автоматом экзотической конструкции. Эта каска представляет собой информационный комплекс, позволяющий контролировать обстановку вокруг солдата. Данные выводятся на прозрачный щиток, как на дисплей. В дальнейшем планируется убрать под саму каску и мини-камеры, и спутниковую антенну GPS. Шлем надежно крепится на голове, чтобы тяжелая конструкция не сползала на затылок. При этом шлем командира подразделения еще сложнее: находясь в отдалении от бойцов, он может вывести на свой дисплей все, что видит его солдат.

Стрелковое оружие нашего солдата будущего оснащено датчиками, позволяющими попадать в цель без особого труда: стреляй хоть от живота, хоть из-за угла или брусстера окопа, не высываясь, а лишь выставив руку. Помимо этого командир может контролировать местоположение каждого солдата и сразу же узнавать, кто ранен или убит.

— Однако все это не так уж и нужно солдату, а в ряде случаев даже губительно, — оговорили меня разработчики. — По задумкам и техническим характеристикам новое оружие должно весить около 4,5 килограмма. Но на деле самая минимальная его масса (несмотря на

то, что все сделано из современных облегченных материалов) уже достигает шести килограмм! А с боеприпасами вообще возрастает до восьми!

Разрабатывая эту самую экипировку будущего, спецы столкнулись с другой загвоздкой. Ведь если воинов будущего одеть в новые «доспехи» и выпустить на поле боя, то весь радиозфир просто зафонит от их чудо-шлемов со спутниковыми антеннами и другими электронными примочками. А интенсивный радиобмен моментально обнаруживается в любом диапазоне частот. Подразделение просто потеряет скрытность.

Поэтому наши тактики изменили саму концепцию боя высокой интенсивности. Она строится теперь больше на выводе личного состава из зоны поражения, где вместо него будут молотиться «телеуправляемые роботизированные подвижные устройства». То есть просто роботы.

— В самих роботах ничего сложного нет. Идею дистанционного управления техникой начали разрабатывать еще до Второй мировой войны, как только было изобретено телевидение. Самый удачный пример — луноходы. Экипаж сидел на Земле, смотрел на экраны и передвигал рычаги, а машина выполняла команды. Идея, казалось бы, витает в воздухе уже более полувека, однако никто в мире так и не поймал ее за хвост и не реализовал. Кроме нас. Упертые американцы продолжают тратить деньги исключительно на своих «киборгов». Мы же пошли другим путем — переоснастили старенький танк «Т-26» и опробовали его в нескольких вариантах — боевом, машинно-сопровождения и деминера. Образец можете видеть в Кубинке.

— Так что же, все эти ваши «робокоты» уже никому будут не нужны?

— Почему же. В исключительных случаях подобная амуниция незаменима.

— К примеру?

— К примеру, в том случае, если террористы захватили химическое или атомное предприятие и его надо освободить. Представьте себе высокоинтенсивный огневой бой в темноте, в условиях загазованности, повышенной радиации, в коридорах и подвалах — там, где применение роботов невозможно.

— Тогда почему вы решили все-таки сделать акцент на боевых роботах?

— Мы проанализировали опыт американцев и пришли к выводу, что тенденции к защищенности и одновременно маневренности бойца в своем соревновании зашли в тупик. А если учитывать, что армия будет профессиональной, то и жизнь солдата дорожает. Поэтому было решено вообще вывести бойца из-под огня. Так что вы уже, наверное, догадались, какими будут войны будущего.

«Сами понимаете», «сами домыслите» — это не разговор. А большего в «Бауманке» не сказали. Но я сам выяснил. По логике пошел: ведь «Т-26» — это вообще допотопная, довоенная машина! Какой из нее современный боевой робот? А используются ли новые танки как база для телеуправляемых роботов? Об этом рассказал практик — полковник-танкист Павел Кравченко, который прошел две войны на Кавказе и присутствовал на испытаниях новой техники.

— Дело зашло уже много дальше музейного «Т-26»! Дистанционное управление оп-

робовано на танке «Т-72», машинах сопровождения и разминирования, которые делают-ся на базе «БТР-80».

— Смысл?

— Сами судите. В современном танке только две трети снарядов помещаются в автомат заряжания, остальные, как во времена наших дедов, подаются вручную. Так что если самих танкистов убрать из машины, то и места для зарядов больше освободится. И тогда боекомплект можно увеличить аж до пятидесяти штук при калибре 125 мм и до шестидесяти при калибре 105 мм.

Это уже не говоря о сохранении жизни солдат. Сидят они себе в теплом блиндаже перед экранами и дерзят оттуда противнику. На поле боя страх смерти, ранения, плена давит на психику, а здесь он просто отсутствует.

— Но ведь техника может и подвести?

— Всякая техника может подвести, даже бензопила. Дело даже не в технике — не все боевые эпизоды можно алгоритмизировать, поэтому необходимо ввести в программы способность к самообучению, повысить живучесть чипов при попадании снаряда противника. При сегодняшнем уровне развития компьютерной техники это совсем не сложно.

— А как быть с подавлением систем связи противником?

— Никак. Абсурдом сейчас выглядит перспектива новой Курской дуги и противостояния с равным противником — американца-

ми, англичанами, немцами, так как силы сторон примерно равны и гадить друг другу мы будем силами каких-нибудь третьих лиц типа иракцев, чеченцев, талибов... А они пользоваться системами радиоэлектронной борьбы не умеют. Война с ними — это блокада и штурм городов, уличные бои. В таких условиях я бы, например, использовал танки с живым экипажем только как машины командиров взводов, придавал бы им по две-три дистанционно управляемые машины и отделение танкового десанта.

— А на чем этот десант возить будем?

— На броне, как и сейчас ездят. Или доставлять вертолетом, чтобы не подвергать ударам на марше. По боеспособности такая рота будет стоить батальона.

— А почему, собственно, «будет»? Почему этого сейчас у нас нет, если все дело только в доводке отдельных систем и агрегатов? Как всегда, из-за денег?

— Отнюдь. Даже если считать в долларах, любая оборонная разработка у нас стоит на два-три порядка дешевле, чем в Штатах, а в стране сейчас деньги есть! Миф о безденежье армии запустили в «Арбатском ВО», знаете, что это такое?

— Знаю, знаю... Только зачем им все это?

— Сейчас расскажу. Те, кто сейчас занимает средние должности в МО и Генштабе, отстали от жизни больше чем на тридцать лет. Их собственный боевой опыт — война за остров Даманский и вторжение в Чехослова-

кию, а это 1968 год, если помните... С тех пор они так обжились на штабных должностях, что забыли о том, что военный бюджет можно тратить не только на содержание штата адъютантов и порученцев, но и на техническую модернизацию войск.

— А не боитесь так говорить? Ведь все-таки Минобороны, Генштаб...

— А что они мне могут сделать? «За мной и лес и города сожжены». И не на картах, а там, куда ни один из них носа не сунет. При новом Верховном это ценится больше, чем золотые лампасы. Сейчас меня ждет звезда генеральская и прямой путь в ГАБТУ (Главное автобронетанковое управление Минобороны). И в ГРАУ (Главное ракетно-артиллерийское управление) тоже толковые парни придут, а бестолковые просто зачахнут на соискании губернаторских мест. Так что времена «толстобрюхих» проходят. А на полную модернизацию армии хватит семи-десяти лет...

Этот армейский полковник, может быть, немного и рисует, но через семь-десять лет генеральские и маршальские звезды действительно будут носить такие люди, как он, — новые, дерзкие, образованные. А главное — воевавшие. Так что, восьмилетние дети, готовьтесь примерить «доспехи богов», а перед примеркой побольше смотрите фантастических фильмов. Именно так, как в большинстве случаев там показано, будет выглядеть ваша Победа...

Современный комплект экипировки стрелка-автоматчика мотострелкового подразделения состоит из более сорока различных предметов общей массой летом более 34 килограммов, то есть 48% массы тела солдата, а зимой более 40 кг, то есть 57%. Экипировка же стрелка-автоматчика ВДВ составляет 45,3 кг, или 65% веса солдата, причем в ходе реальных боев десантники и пехотинцы просто сбрасывают часть снаряжения ради увеличения запасов продовольствия и боеприпасов

СПОСОБ ЛЕТАТЬ ДЛЯ РОЖДЕННЫХ ПОЛЗАТЬ

Дмитрий НАЗАРОВ

В это трудно поверить, но самолету почти столько же лет, сколько и автомобилю. Примерно сто лет назад нам разум дал стальные руки-крылья, вернее, это потом они стали стальными, сначала-то они были фанерными и обтянутыми парусиной. Но это не главное, главное то, что автомобили уже давно превратились из роскоши в банальное средство передвижения, чего о самолетах пока не скажешь. Пока.

Когда-то, лет двадцать назад, мы, студенты Автодорожного института, ездили в один из многочисленных, принадлежащих тогда всемогущему ДОСААФ, подмосковных аэроклубов для того, чтобы, забравшись на высоту в пару тысяч метров, сигануть оттуда на парашюте с принудительным раскрытием. Чувство, которое ты испытывал в те сладкие минуты, когда вокруг тебя был только воздух, а где-то далеко под болтающимися ногами простиралась земля, невозможно было сравнить ни с чем, это стоило любых денег, на это не жалко было потратить всю стипендию в сорок рублей. Потом на некоторое время клуб умер, как умерли и все подобные ему клубы: сказались отсутствие бензина и нормального хозяина. Пролетела эта клиническая смерть лет пять, а затем авиашкола вновь воскресла, как птица феникс из остившего уже пепла. И не она одна: вдруг, неожиданно, практически одновременно заработали ВСЕ аэроклубы на территории ВСЕЙ России. Но это не было ни для кого сюрпризом, ибо люди, вложившие деньги в то, чтобы старое отлаженное дело не умерло, а начало приносить реальные доходы, прекрасно понимали, что мало кто устоит перед соблазном освоить для себя еще одну стихию, на этот раз — воздушную.

На сегодняшний день, по официальным данным, бизнес, связанный с обучением людей основам пилотажа, — один из наиболее активно развивающихся. По темпам роста он давно обогнал Интернет, мобильную связь и вплотную приблизился к компаниям, занимающимся спутниковым телевидением. Количество людей, желающих обучиться летному мастерству и получить «летное свидетельство», увеличивается каждый год больше чем в четыре раза. Так будет продолжаться и дальше, ибо ничто не может остановить человека, который рвется в небо.

Маленький щитовой домик прямо на поле — здание аэроклуба. Внизу — маленькая комната, почти жилая — телевизор, диван, цветы в горшках, за стойкой — плита с

инструкторской яичницей. А на втором этаже только кресла, и окна с видом на полосу, и рация повторяет непонятные позывные:

- Сто шестьдесят восьмой взлетел, вправо по схеме.
- Сто шестьдесят восьмому, вправо схема, третий, доложите.
- Понял, третий доложу.
- Семьсот тридцать третий, на прямую полосу, знаки вижу, к конвейеру готов.
- Семьсот тридцать третий, взлет-посадку разрешаю.

Изнутри самолет не «Мерседес». Три места плюс пилот, как в машине. Сиденья такие, а впрочем, что сиденья? Это ведь не «Мерседес». В кресле первого пилота — Дима, еще вчера рядовой российский бизнесмен, а сегодня — курсант аэроклуба, справа — инструктор Сергей, серьезный, но с задорной искрой в глазах и сильно напоминающий своей бородкой молодого Будудая. Сергей проводит разбор только что законченного полета:

— Дима, ну что это за отношение? Ты бы перед вылетом хотя бы руководство почитал. Воды хрен знает сколько, он леденеет, ветер боковой!.. Значит, смотри, что я хочу тебе сказать. Никогда не спеши. Освободил полосу, как тебе удобно. Там может хоть десять бортов висеть, это проблема диспетчера. Сейчас не до спешки, попадаешь колесом в мокрый снег, еще ветер сзади дунул — и все, винтом в бруствер.

Попутным тебя гонит — а ты прибери газ, пятьсот наддув поставь — легче же управлять самолетом, когда у него скорость небольшая. И за температуркой не смотришь. Трясется самолет, неприятно лететь. Когда идешь сто девяносто с попутным ветром — не трясет. А в облаках — надо привыкать. Вот прибор, вот прибор.

И заход. Что это за заход? Сто метров, ниже, ниже... что, подирадываемся к полосе, что ли? Надо идти уверенно! А ты? Сто метров, 80, 50, крадешься — ты себя-то пожалей! Там же, под нами, люди смотрят, колотятся в своих машинах: вот черти, над нами крыльями машут на 50 метрах, сейчас он нам на крышу сядет. Можно покруче уголок. Ты же режимом держишь, а так за счет снижения рули обдуваются. Ты научись летать, как в руководстве написано, а по-разгильдяйски потом очень просто получается. Лещ, зачехляй.

Дима уходит в домик обдумывать сказанное, а я подхожу к Сергею.

— Сергей, — говорю, — я тоже хочу летать. Очень хочу! Что мне делать?

— Что делать? Элементарно. Для начала готовить деньги. Час полета стоит от ста до трехсот долларов. Ну, учиться ты, скорее всего, будешь на таком вот «Як-18т». Это примерно сто тридцать долларов в час. Потом нужна справка, что у тебя есть руки-ноги. А главное — глаза. Поэтому проходишь медкомиссию. Не для космонавтов, а вроде гаишной. Но за зрением следят строго. Хотя в очках летать можно, допуск — не более 0,5 диоптрии некомпенсированных. И с этой справкой идешь в любой аэроклуб.

Аэроклубов сейчас много, и у каждого своя специализация. Мы готовим вторых пилотов на довольно большие машины — «L-410» и «Ил-14». А еще у нас «По-2» есть, восстановленный 1928 года машина, единственная в стране. В кино его недавно снимали.

А дальше — зависит от того, нужно ли тебе летное свидетельство. Потому что для этого нужен налет в 42 часа плюс наземная подготовка — матчасть, теория, метеорология. Если учиться с нуля — два месяца тренировок, каждый день часов по пять, и больше 200 полетов. А просто покатайся с инструктором можно без такого интенсива. Некоторые ребята к нам по несколько лет ездят. Есть деньги — летают, нет денег — чай пьют. А уже, глядишь, и до самостоятельного вылета скоро допрыгнешь.

Так вот, через 15 часов налета, если ты решишь учиться всерьез, тебя выпустят в самостоятельный. Потом научат летать по приборам, выполнять простой пилотаж и очень много чему. И в конце концов получишь ты книжечку, в которой будет записано, что Петя Дырочкин, то есть ты, — пилот-любитель и в воздух тебя пускать относительно безопасно.

— И что, вот так любого можно научить?

— А самолетом вообще-то не так сложно управлять, как кажется. Полет — это удовольствие! Говорят, есть такие люди, которые к этому неспособны, но мне пока не встречались. Умеешь ползать — летать научим!

— А дальше что?

— А что хочешь. Хочешь — переучивайся на другой тип, на пилотажный самолет, например, или на вертолет. А хочешь — купи себе самолет и летай в свое удовольствие.

— Купи. Как его купить, это же не машина?!

— Не машина. Нормальный самолет, типа того же «Як-18т», стоит дешевле нормальной машины. Где-то около восемнадцати тысяч долларов. А купить его можно чуть ли не в любом аэроклубе, да и некоторые заводы сейчас их сборкой занимаются: делают такие улучшенные варианты, кожаный салон локте, приборная доска из красного дерева. Но

это уже варианты подороже. А реально можно купить машину у аэроклуба, у них сейчас такой техники масса простаивает. В восьмидесятых годах какой-то государственный умник решил, что не дело наших курсантов-летчиков учить полетам на такой маленькой машинке, и заставил все летные училища пересаживаться на «Ан-2». Серьезный самолет, что и говорить, но учить на нем курсантов азам летной подготовки — это все равно что учить будущих шоферов вождению не на легковых «Жигулях», а сразу на «КамАЗах». Однако курсантов на «Ан» пересаживали, а огромное количество прекрасных «Яков» просто списали. До смешного доходило: вчера еще только был подписан акт о завершении очередного капремонта, а сегодня самолет, который после генеральной переборки даже еще в воздух не поднимался, идет на слом. Хорошо еще, летная общественность тогда за машины заступилась, и их разрешили продавать аэроклубам по остаточной стоимости. Что тогда творилось: вполне рабочие машины отдавали за 500 — 800 рублей. Поэтому сейчас их в клубах, порусски говоря, просто очень много.

— А кроме «Яка», что предлагает наш рынок?
— Есть такая маленькая самолетик, называется «Авиатика». Одно-двухместная. Новая, в зависимости от модели, она стоит в сборе от 14 до 26 тысяч долларов. Хорошая машинка, юркая, для туристических полетов лучше не придумаешь. Или, скажем, хочет фермер поля свои с воздуха удобрять, опять же «Авиатика» — лучший вариант.

— Ну ладно, купил я самолет. А держать-то его где? У дома не припаркуешь, в «ракушку» не запрешь.

— И не надо запирасть. Покупаешь у аэроклуба, в аэроклубе и держишь. Это тебе обойдется долларов в двести за месяц. Место в ангаре, присмотр, уход. Технические работы сколько-то стоят, но опять же не дороже, чем ремонт иномарки. Тем более что в воздухе аварии редко случаются. Каждый самолет, как и автомобиль, проходит техосмотр, регламентные работы, рули периодически механик перетяги-

вает, только пилоты себе марочки не покупают, тут все почестному, никому неохота жизнью рисковать.

— Но все же вдруг как в песне: «Однажды в полете мотор отказал». Что тогда делать?

— Так в той же песне отвечают: надобно прыгать, не вышел полет. А на самом деле на маленькой машинке типа «Як-18т» или «Цессны» и прыгать не надо, мы даже не берем с собой парашюты, нет надобности. Это же прекрасные планеры, они и без моторов садиться умеют, было бы только куда. Да и вопрос «куда» их тоже не особо волнует, машина неприхотливая, для нее что шоссе, что картофельное поле, хотя шоссе все-таки лучше. Одна «Цессна», если мне память не изменяет, даже на кремлевскую брусчатку садилась, и ничего.

— Постойте, а как же можно сесть на картофельное поле? Там же переднее шасси в землю сразу уйдет, а самолет перевернется.

— А с чего ты взял, что на поле надо на шасси садиться? На брюхо, только на брюхо.

— Так ведь винт сломаешь.

— Обязательно. И не только винт, редуктор тоже сломаешь. Зато сам будешь цел и невредим. Среди летчиков удачной считается любая посадка, с которой пилот ушел на своих ногах. Но это шутка, а вообще посадка без мотора входит в обязательную программу обучения летному мастерству.

— Но, предположим, обучился я, машину приобрел. Хочу завтра на выходные к тетке в Саратов слетать.

— Элементарно. За день до вылета сдаешь план полета. Откуда летишь, куда, предполагаемый маршрут, где планируешь сесть. Перед вылетом получаешь разрешение, получаешь воздушный коридор и летишь.

— За день. А быстрее нельзя?

— Нельзя. Ведь надо соотнести твой маршрут с другими. Небо-то большое, однако столкновения и в нем случаются.

— Но я же все равно не смогу лететь так же высоко, как большие самолеты.

— Теоретически «Як» может летать на высотах до пяти тысяч метров, но поскольку подобные самолеты не оснащены кислородными системами, то полеты на них выше четырех тысяч запрещены. А большая техника летает в основном на больших высотах: чем выше, тем меньше расход топлива. Но все равно может возникнуть ситуация, когда на твоей высоте будет лететь другая машина. Да и службы ПВО должны про тебя знать, а то нехорошо может получиться.

— Кстати, про расход топлива. Бензин-то нынче дорог?

— Не дешев. Литр авиационного бензина стоит в два раза дороже, чем литр девяносто восьмого. Да и расход топлива у самолета побольше, чем у «Ауди». Но с другой стороны. Знаешь, как-то миллиардер Онассис собрал на своей яхте бизнесменов. Одному из них яхта так понравилась, что он спросил у Онассиса, сколько она стоит. «Знаете, — ответил тот, — если вы спрашиваете о ее цене, то она вам не по карману». Рейсовые полеты все равно будут дешевле. А поездка — еще дешевле. Ездить на автобусе всегда экономически выгоднее, чем на «Жигулях».

— Тогда зачем вообще нужно покупать самолет?

— Было время, у нас спрашивали: а зачем надо покупать автомобиль, если можно на метро за пятак со всем советским народом? Теперь все поняли: приобретая автомобиль, ты покупаешь свободу. А приобретая самолет, ты покупаешь еще одну степень свободы. Ты становишься более свободным человеком. Это раз. А во-вторых, самолет — это не просто машина, это билет в новый мир, пропуск в новое измерение. Человек, купивший самолет, из человека обыкновенного превращается в некое новое образование — человека летающего. Это совсем другое состояние, когда меняются все привычки, меняются интересы, круг общения. Жизнь меняется.

Ну вот и все, в общем, — говорит мне Сергей. — Вот и все эмоции, а больше ничего нету. Так что не знаю даже, что ты там напишешь. А выезжать отсюда просто — через рулежку, направо и прямо до ворот. До встречи!

Я еду один по лесной дороге от аэродрома к шоссе. И твердо знаю одну маленькую истину: всерьез человек может почувствовать только любовь и полет. И еще смерть, наверное. А остальные ощущения с этим можно только сравнивать.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Леониду Якубовичу больше пятидесяти лет. Он по уши влюблен, это сразу видно. И сейчас, когда он стоит у окна, он смотрит не на улицу, а в небо. Сегодня он не в нем, потому что за окном слыхот и мокрый снег — нелетная погода. Поэтому, вместо того чтобы быть в своем любимом небе, он глядит на него из окна, отвечая на мои земные вопросы.

— Так как вы дошли до жизни такой?

— А что имеется в виду?

— Полеты.

— Нет, это неправильный вопрос. Об этом меня уже спрашивали тысячу раз.

— Хорошо, кто вас научил летать?

— А вот это правильный вопрос. Хотя то, что я назову фамилии этих людей, ничего не изменит — кроме меня, их знает еще полтора десятка человек. Это были Слава Маркалов и Дима Сухарев. Оба — профессиональные пилоты. Первый заканчивал свою летную деятельность на «Ил-62», а последний вообще летает на всем, что шевелится. Я даже не помню количество типов самолетов, которые у него в летной книжке. Они — учителя от Бога. Понимаешь, у каждого в жизни был кто-то, из-за кого мы остались там, где мы есть. Абсолютно при этом неважно, какое это дело, — с равным успехом тебя могут прилепить к гонимому кругу или к военной службе, столетиям, самолету — да к чему угодно. Найдется кто-нибудь, кого ты полюбишь, и все.

— Вы свой первый самостоятельный вылет помните?

— Конечно. Троица, ровно Троицын день. Абсолютно пустой аэродром. Меня выпихивают в самостоятельный вылет. А я никак не могу понять, зачем это надо, потому что самому летать... Ну, не то чтобы менее интересно, но не с кем разговаривать. Первый круг не помню совершенно. Я был чудовищно занят — постоянно на что-то смот-

GLASAIR III
Наша рекомендация. Двух-трехместный туристический самолет для тех, кто ценит скорость. Максимальная скорость на высоте 6000 м — 470 км/час, на высоте 500 метров — 400 км/час. Крейсерская скорость на высоте 8000 м — 450 км/час, на высоте 2500 м — 375 км/час. Оптимальная высота полета — 8000 м, максимальная — 10 000 м. Размах крыла — 8 м, длина — 7,50 м. Ориентировочная стоимость — \$149 000.

HUGHES MODEL 300C SKY KNIGHT

Лучший вариант для полетов на дачу. Один из самых тихих в мире вертолетов, выбор американских полицейских. Трехместный, легкий, неприхотливый, сидящий на шести сотках, вертолет покорил мир своей простотой и неповторимым дизайном. Двигатель «Авко Лайкомин Н10-360-D1A» мощностью 142 кВт (190 л.с.). Максимальная крейсерская скорость на высоте 1220 м — 153 км/час, потолок — 3110 м, дальность полета с предусмотренным дополнительным запасом топлива и резервом при полете на высоте 1220 м — 310 км. Вес — 476 кг, максимальная полезная нагрузка — 450 кг, диаметр винта — 8,18 м, длина вертолета — 9,4 м, высота — 2,67, ометаемая площадь несущего винта 52,53 кв. м. Ориентировочная цена — \$89 000.

ОГОНЁК АВИАЕТКИ

ffaf

FFA AS 215 BRAVO

Лучший самолет для начинающих пилотов. Крейсерская скорость на высоте 3050 м — 203 км/час, максимальная скорость на высоте 2040 м — 226 км/час. Потолок — 5485 метров, дальность полета — 965 км. Снаряженный вес — 700 кг, максимальный взлетный — 1050 кг. Размах крыла — 9,75 м, длина — 7,50 м, высота — 2,81 м. Ориентировочная стоимость — \$110 000

CESSNA MODEL 182 SKY LANE

Лидер продаж, к настоящему времени продано более 100 000 самолетов в разных вариантах. Четырехместный моноплан с закрытой кабиной был разработан еще в 1948 году, однако продолжает выпускаться в разных модификациях вплоть до сегодняшнего дня, являя собой пример настоящей, добротной машины для семейного пользования. Силовая установка: один поршневой 6-цилиндровый двигатель с турбонагнетателем «Авко Лайкомин О-540-L3C5D» мощностью 175 кВт (235 л. с.). Максимальная скорость полета на высоте 6 095 м — 346 км/час, крейсерская скорость на той же высоте — 320, потолок — 6000 м, максимальная дальность полета с максимальным запасом топлива на высоте 3050 м — 1909 км. Вес пустого самолета — 815 кг, максимальная полезная нагрузка — 600 кг, размах крыла — 10,92 м, длина — 8,72 м, высота — 2,72 м. Стоимость нового самолета — \$249 000, десятилетнего — \$180 000

PZL (RALLY) 150A

Прекрасное соотношение цена/качество. Четырехместный туристический самолет. Крейсерская скорость — 170 км/час, максимальная — 270 км/час. Потолок — 3700 метров, дальность полета — 600 км. Снаряженный вес — 548 кг, максимальный взлетный — 850 кг. Ориентировочная стоимость — \$69 000

GOLFSTRIM IVSP

Летающий офис для крупной компании. Для рабочих перелетов что-нибудь лучшее придумать сложно. Комфорт, скорость, престиж — вне конкуренции! 8 мест, два турбореактивных двигателя «Роллс-Ройс Тэй» с тягой 6295 кг. Максимальная скорость — 0,88 скорости звука, крейсерская скорость при дальнем перелете 0,80 максимальной, практический потолок — 13 716 м, дальность с резервом NBAA IFR (Национальная ассоциация служебной авиации) для дозаправки в воздухе — 7820 км. Вес — 16 136 кг, максимальный взлетный — 33 273 кг, размах крыла — 23,7 м, высота — 7,6 м. Ориентировочная стоимость — \$27 500 000. Сolidный самолет для solidных людей

CANADAIR CL-215

Самолет-работник, многоцелевая амфибия, незаменимая в труднодоступных местах. Экипаж — до шести человек. Мощность двигателя — 2100 л. с. Крейсерская скорость на высоте 3050 м — 291 км/час, радиус действия с полезной нагрузкой 1587 кг — 2100 км. Вес — 12 161 кг, максимальный взлетный — 19 731 кг. Размах крыла — 28,6 м, длина — 19,82 м, высота — 8,92 м. Ориентировочная стоимость — \$800 000

AMERICAN CHAMPION SUPER SCOUT 8GCBC

Легкий элегантный спортивный самолет для легкого элегантного спортивного хозяина. Этот моноплан был спроектирован в 1979 году и в общей конфигурации по-

ходил на известный самолет «Цитабрия». Х-образный поршневой двигатель «Авио Лайкомия AEIO-360-H1A» мощностью 134 кВт (180 л.с.). Максимальная скорость, развиваемая машиной, — 254 км/час, максимальная крейсерская — 241, практический потолок — 5000 м, дальность беспосадочного полета — 1005 км. Вес пустого самолета — 596 кг, взлетный вес — 816 кг, размах крыла — 9,75 м, длина — 6,98 м, высота — 2,36 м. Ориентировочная стоимость — \$105 000

HALO-PROTEUS

Самолет-проект, будущее сверхвысокой авиации. Фирма-производитель — Scaled Composites совместно с Angel Technologies. Дизайн Берна Рутана, создателя знаменитого «Вояджера». Этот стратосферный аппарат будет летать на высоте 15 000 метров. Его предназначение — быть платформой для высокоскоростной мультиобъемной коммуникационной сети HALO-Network. Стоимость пока не определена, ориентировочно — порядка \$200 000 000. Для частных полетов не рекомендуется.

рел, что-то трогал руками. Делал огромное количество лишних движений. И пения в душе никакого, только работа. И вот первый разворот, второй разворот, выпел на траверс... и рефлекторно повернул башку, чтобы спросить инструктора: «Ну как?» И тут только обнаружил, что я один.

Но думать об этом не было времени, потому что тут настал момент четвертого разворота и посадки, и я опять лихорадочно стал чего-то работать. А потом сел, зарулил на стоянку. И вдруг откуда-то образовалось довольно много народу. Меня начали. Недели полторы я рассказывал только об этом. Всем, даже, наверное, прохаживал на улице. При этом размахивал руками, видимо, очень плевался и страшно орал. А потом мне надоело об этом рассказывать, потому что никому не было интересно. Удивление некоторое было. В течение нескольких минут. А потом отвлекались на что-то другое, и разговор плавно сходил на женщин, политику...

Эти разговоры вспухали каждый раз после вылета на каком-то новом типе. На вертолете, например, или на истребителе. Но снова всякий раз стихали. Тогда меня это еще возмущало, а потом я понял — это просто личное, совсем. Как любовь к жене. Или к дочери. Чего об этом рассказывать? Вроде как есть...

Хотя... недавно я взял да и перечитал Экзюпери. По-моему, это единственный человек, кому удалось передать эмоции полета. Я помню, когда я это первый раз прочел. До этого это были просто слова, изящно написанная книга и очень неплохая литература. А после этого сразу все как-то стало

EAST NEWS/EXPLORER

taylor brothers ac

PIPER CHEROKEE ARCHER III PA28-181

Семиместный воздушный мини-вэн. Если вы любите простор, но не хотите сорить деньгами — этот самолет для вас. Двигатель мощностью 300 л. с., максимальная скорость — 330 км/час, потолок — 6095 м, дальность полета — 1600 км. Вес — 624 кг, максимальный взлетный — 1097 кг, размах крыла — 11,02 м, длина — 8,59 м, высота — 2,49 м. Цена новой машины — \$230 000, fly 10 лет — \$92 000

по-другому — все похоже, все те же слова. Но уже что-то изменилось во мне, в моем восприятии. Теперь я понимаю, что они чувствовали в этой кабине.

— Сколько вы типов освоили и каких?

— Ну, скажем так, «освоил» — это довольно серьезное слово. Но я могу управлять «Як-18т», «Як-52», вертолетом «Ми-2», истребителем «Л-39». А не так давно мы закончили УТО — учебно-тренировочный отряд в Быкове — и переучились на самолет «Як-40». Прошли теоретический курс, прошли тренажеры, теперь нам надо пройти так называемый облет, набрать некоторое количество часов за штурвалом, в должности второго пилота. После чего мы имеем право получить документы пилотов коммерческой авиации.

— Какие машины нравятся больше всего?

— Сумасшедший адреналин, радостный такой, получаю от вертолета. При абсолютнейшем, совершеннейшем непонимании, как эта табуретка летает. То есть я знаю, как она летает, но понять я этого не могу. Правда, я так же не понимаю, как плавают корабли, которые все равно тяжелее топора, и совершенно не понимаю, как работает телевидение. Как через эти тоненькие проводочки я попадаю в квартиру какого-нибудь человека? И рассказывать мне, что электроны куда-то бегут, бессмысленно, потому что я их не вижу.

Еще я помню свой абсолютный восторг, когда есть такая пилотажная группа «Русь». Они базируются в Вязьме, командует ими Казимир Тихонович. Совершенно потрясающие люди. Но так я могу говорить обо всех, кто меня учил. Обо всех представителях нации, которая раскидана по всем аэродромам мира. Это люди одной национальности, одной культуры, одной крови. Они все похожи друг на друга, как пальцы на руке. По характеру, по манере держаться, по немногословию. Совершенно очаровательный мужичий народ.

И вот мы вылетели с ними на «Л-39». Была сумрачная погода, нижний край под 800 метров, хмарь такая. Я впереди, инструктор сзади. А в кабине абсолютная тишина, совершенная — во-первых, герметичный колпак, во-вторых, на тебе шлем, да еще ты сидишь далеко впереди, под пластиком, а двигатель сзади. Тишина, и даже носа машины не видно — ты сам по себе, как Икар в воздухе.

И мы пробили облачность и из этой чертовой хмари, из дождика вылетели в совершенно невероятную, слепящую Швейцарию — огромное солнце, облачные горы, невероятной высоты и красоты! И я начал метаться среди этих гор, облетывать, спускаться вниз. Я просто орал!!!

Вообще я не убежден, что слова дают хоть какое-нибудь представление об ощущениях человека, который сидит в кабине. Это надо пройти самому. Как искупаться в холодной воде. Или как умереть! Есть такие ощущения, которые только твои. Какой-то шаг за горизонт того, о чем можно рассказать.

Летал на очаровательных восстановленных старых самолетах. Или «Ан-2» — совершенно гениальная машина. Я помню, как первый раз вошел, как взрослый, уселся в кресло. И даже не понял, как она взлетела! И только ты-ты-ты. Казалось, что летело что-то большое, огромное. со скоростью целых сто двадцать. или даже сто пятьдесят километров в час.

— На чем вы хотели бы полетать?

— На всем! Я вообще-то по натуре своей, несмотря на шутливый характер, такой. небесный тихоход. Я люблю все большое такое. большие, хорошие машины. Но все, что летает, — меня только допустит. И всегда. По-моему, не было такого города, где бы я на чем-нибудь не летал. Все гастролы обязательно сопровождаются переговорами о том, где находится аэродром, это просто канонизировано в последние четыре года. Утром летаю — вечером на сцену.

А когда я здесь — постоянно. Лето — каждый день к восьми утра в Быково. И до четырех, до пяти, до шести. Плюс тренажер каждый день. Я иногда ловлю себя на мысли, когда еду на аэродром, где-нибудь на полдороги — а на хрена я сюда еду? Чего мне не спится-то? Десять утра, люди спят. Но

уже не могу остановиться. АБ-СО-ПЛОТНЫЙ наркотик. Абсолютное привыкание. Вылечиться от этого нельзя.

ИГРУШКИ БРАТЬЕВ РАЙТ

Райты оторвались от земли в 1903-м, Блерию перелетел Ламанш в 1909-м, а Аэрофлот появился лишь в 1923-м — вопиющая несправедливость! Но, может, все-таки что-то было раньше, чем призыв «Комсомолец — на самолет»?

О ужас для историков советских времен — да, русская дореволюционная авиация была, но насквозь частной! И вообще не пролетарской, а где-то даже буржуазной. И даже использовалась порой для наживы! Как снести такое? И не отсюда ли растет укоренившееся мнение об ее отсталости?

А отсталой она совсем не была. Всероссийский Императорский аэроклуб появился в Петербурге еще в январе восьмого года, за полтора года до знаменитого полета Блерию! Чуть позже любители авиации объединились в Одессе, в девятом году — в Киеве и Москве. Любовь этих любителей поначалу была платонической. Лишь в июле 1909 года в стране появился первый самолет. Первые машины привозили из-за границы скорее из-за любви к престижу. Самолет стоил около 10 000 рублей — огромная сумма, которую могла позволить себе выбросить на модное развлечение лишь знать. Но именно знать помогла встать на ноги первым русским летчикам — должен же был кто-то летать на купленном самолете!

Так повезло Михаилу Ефимову, которого банкиры Ксидиас послали во Францию учиться. Российский же приехал из Франции со своим самолетом и освоил его сам — сначала руление, потом полет по прямой, потом по кругу.

Конечно, это были непростые и небедные люди. Мог ли бедный человек поехать учиться во Францию? Авиация воспринималась как новый технический вид спорта, а самолет был новой игрушкой для обеспеченных, но отчаянных людей. Вот Прохоров, например, родственник владельцев знаменитой Прохоровской мануфактуры. Однажды, собираясь из своего имени в 1913 году в Москву, в театр, и сплывая на поезд, он приказал слугам вывести из ангара самолет. И в костюме с бабочкой прилетел на Ходынку, обогнав поезд по дороге. А ведь это, видимо, первый в истории человечества случай использования авиации как транспортного средства!

Знать не брезговала запахом горелой касторки. Московское общество воздухоплавания располагалось в помещении Английского клуба, список членов соответствовал заведению: председатель — командующий войсками Московского округа генерал Плеве, председатель военного комитета — генерал Литвинов, председатель спортивного комитета — фон Мекк, княгиня Шаховская, княгиня Долгорукова — простые летчицы-любительницы. Шефствовал над обществом светлейший князь Михаил Александрович.

Но аэроклуб — это не Английский клуб. Одни аристократы ничего сделать не могут — кто-то должен строить ангара и возиться с двигателями. Уже в первых выпусках авиационных школ обучалось заметное количество низших чинов. Продвигали дело истинные любители, независимо от чинов и состояний. Замечательные авантюристы колонизаторской закваски, великолепные мужчины на своих летательных аппаратах. Николай Попов — журналист, участник Бурской и Русско-японской войн, в начале века принимавший участие в попытке полета на дирижабле к Северному полюсу. Едва ли не единственный русский авиатор среди множества иностранцев, участвовавших в Первой московской авиационной неделе. Докучаев — рекордсмен по велоспорту, автогонщик, владелец автомобильного гаража и механик. Среди летчиков вообще было много спортсменов. Ведь и Уточкин, и Габер-Вльнский — бывшие велосипедисты.

По сравнению с ценой самолета летное обучение было куда доступнее. Частная московская школа «Орел» за 500 рублей бралась научить любого. Но что делать обученному потом? Хочешь летать — думай, как достать мотор, как купить или построить самолет, как зарабатывать на нем деньги.

Да, самолет сразу стал использоваться пилотами как средство заработка. Кому-то удавалось найти хлебное место на родном аэродроме — за инструкторские поле-

ты в школе авиации Габер-Вльнскому платили в месяц 300 рублей, а за облет перед сдачей самолета военному ведомству — 200 рублей за машину. (Российскому платили только 150, на что он жутко обижался.) С 10-го по 17-й год Габер-Вльнский сдал военным около 500 самолетов, накопил 100 000 рублей и стал очень обеспеченным человеком. А обиженному Российскому приходилось катать над Москвой загулявших купчиков из «Яра».

Другие же превращались в гастролеров-трюкачей. Купив самолет, летчики устремлялись с гастролями туда, где самолета еще не видели. Уточкин в 1910 году очень хорошо объездил всю страну, а Кузьминский — дальний родственник графа Толстого — из Сибири попал в Китай, оттуда в Индонезию и так со своим самолетом добрался чуть ли не до Австралии.

Но обычные полеты приелись очень скоро. Прибыльными все авиамероприятия оставались лишь до тех пор, пока для публики отрыв машины от земли представлял что-то необычайное. Осенью 11-го года на Ходынке была даже забастовка летчиков, которым перестали платить деньги за полеты. Только к 13-му году зевак вновь заставил задраить головы.

После того как Нестеров в 1913 году впервые в мире совершил мертвую петлю, авиаторы быстро смекнули, где их заработок. Пилоты бросились во Францию учиться пилотажу. Кто-то поехал сам, кто-то выбивал командировку от аэроклуба, как, например, Раевский. А Габер-Вльнского пригласил сам Леон Моран и обучил за счет фирмы.

И вновь на Ходынке стали собираться толпы. Когда Ж. Леганье 15 сентября 1909 года оторвался примерно на сажень и пролетел сотню метров, это вызвало такой восторг публики, что ее пришлось разгонять с помощью конных жандармов. Второй раз это пришлось делать весной 1914 года, когда вернувшийся из Франции Габер-Вльнский показал все, чему его научили, — скольжения на крыло, скольжения на хвост (то, что сейчас называется колоколом), мертвые петли, виражи с вертикальным креном. Накануне открытия Четвертой авиационной недели толпа была уже столь огромна, что запрудила все прилегающие к аэродрому улицы.

Кому-то везло меньше. Бывший борец Зайонц, летавший еще с писателем Куприным, закончил карьеру летчика до смешного печально — его аппарат был конфискован по суду за старые борцовские долги.

К лету 1910 года в Москве было 4 частных самолета, а к 1913 году — уже многие сотни. И хотя в отчете по развитию российской авиации 1913 года говорилось, что частные летчики совершенно не дают заказов авиазаводам, авиационный парк быстро пополнялся. Проблемы были похожими на сегодняшние — заказать «инмарку» во Франции стоило 10 — 11 тысяч рублей, у нас — почти столько же, но качество отставало. Кроме того, половину цены самолета составлял мотор, поэтому часто покупали только его, а аппарат строили по фабричным чертежам сами. Получая заодно и навык ремонта — все равно потом ломать и чинить много раз.

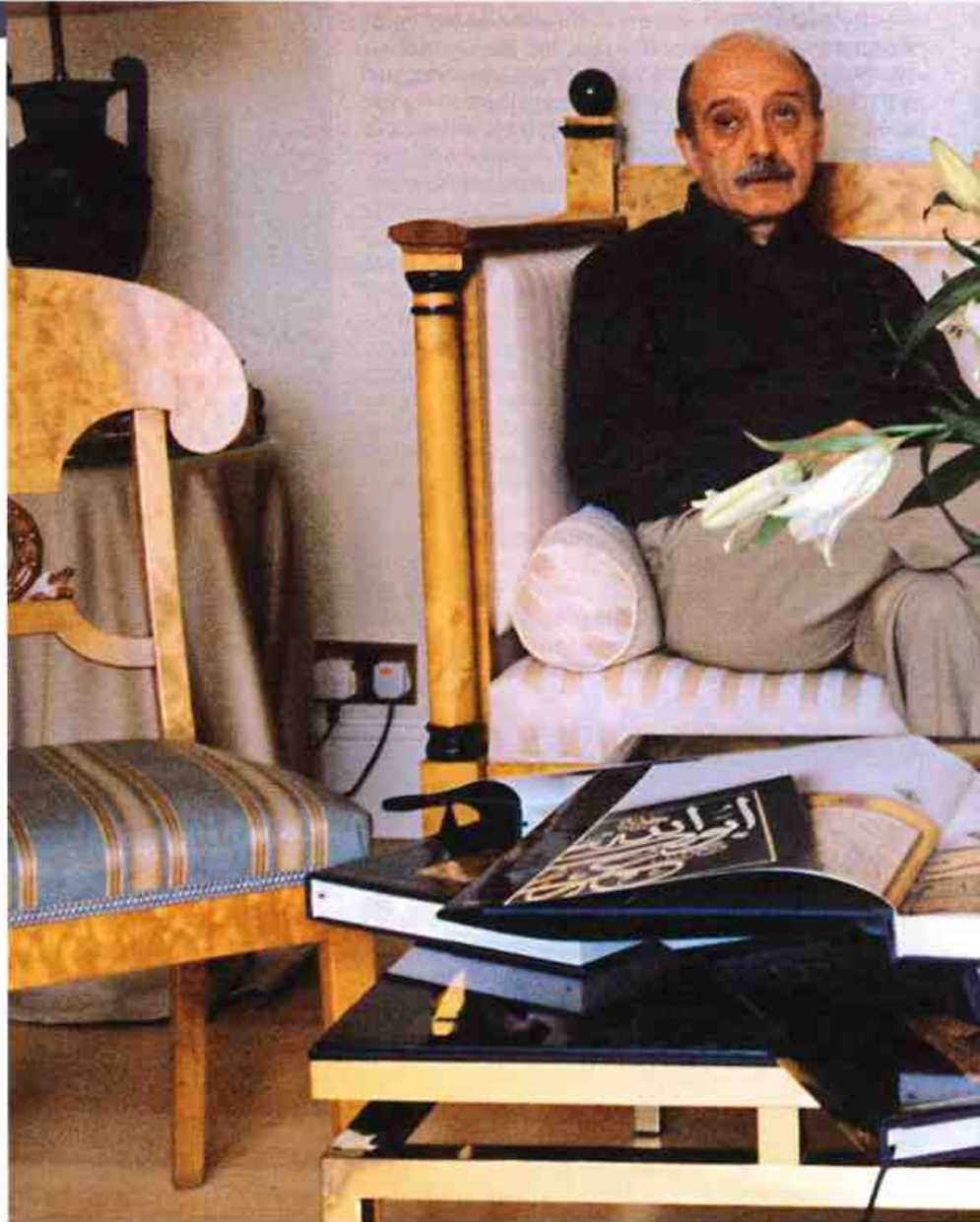
Но тем не менее моторы продавались сотнями, самолеты появлялись в количествах не меньших. И власти уже не могли просто игнорировать воздушную «толпу». Сами летчики еще не мешали друг другу в воздухе, но ненадежность самолета создавала прецеденты. Уточкину как-то случилось, летая над Пресней, идти на вынужденную посадку прямо на городскую улицу! Тогда единственной потерей были стянутые у авиатора из кармана в собравшейся толпе золотые часы, но власти решили не рисковать. Московский генерал-губернатор запретил полеты над городом — не дожидаясь, пока кто-нибудь упадет зевак на головы. И уже в 1911 году за попытку полетать над центром столицы М.Ф. Кампо-Сиблио был оштрафован на сто рублей. В газетах писали тогда, что, прежде чем выпускать в воздух обывателей, нужно научить летать полицейских — чтобы они наводили в воздухе порядок.

Совершенно оставалось до 1917 года — когда исчезли и обыватели, и полицейские, и порядок, и частный самолет. В гибнущей Российской империи было не до игрушек.

Книга как вещь

ИСКУССТВО ЖИТЬ

У него вид то ли печального, то ли уставшего, то ли (что вернее всего) от природы флегматичного бассетхаунда, да простит мне Михаил Александрович Аникст это ужасное сравнение. Такой герой — смерть для автора: зацепиться не за что, фактуры не хватает. Работа стабильная, круг общения достойный, сердечных метаний никаких (тридцать с лишним лет счастливого брака), на ностальгию не жалуется, недовольства эмиграцией, англичанами, пробками на дорогах, дороговизной бензина нет. Где взять конфликт? Все страсти и конфликты Михаила Аникста спрятаны за дверцей книжного шкафа, где в ряд (в ряды!) — роскошные альбомы по искусству. Его, Аникста, вклад в мировой графический дизайн. То, что наш русский дизайн за десять лет пребывания Михаила Александровича в Англии недополучил

Михаил Аникст,

Чтобы сразу было понятно, Михаил Аникст — очень известный художник книги, дизайнер. Мне он достался в апокрифах. Году в 1994-м, когда Аникста уже не было в России, люди, работавшие с ним, рассказывали, КАК это было.

В застойное время Михаил Александрович, неизвестно каким образом, «пробил» при издательстве «Советский художник» дизайн-бюро. Самые красивые и стильные книжки по искусству делались в этой мастерской. Российский графический дизайн очень многим Аниксту обязан. Он был одним из лучших, если не сказать лучшим и если шепотом (не принято все-таки при жизни памятников ставить) не добавит — абсолютно гениальным дизайнером.

Он и сейчас есть, только там, на Западе. В России после него остались не столько школа или ученики, сколько очень высокие стандарты. «Представить меня как лауреата Государственной премии в статье, посвященной Михаилу Аниксту? — усмехнулся дизайнер Владимир Чайка. — Знаете, это будет тонкой иронией. И даже не очень тонкой».

В начале 1990-х Михаил Александрович уехал в Англию. Ему было пятьдесят — не самый подходящий возраст для эмиграции. Собственно, он и не в эмиграцию ехал, а на время, поработать. Был заказ на серию книг о русском искусстве. Заказ лопнул, интерес к русскому искусству ис-

сяк, в Англии начался экономический кризис, работы не стало. Сегодня Аникст говорит: ему повезло, что именно так все обернулось. Он быстро адаптировался, стал делать то, что нужно «здесь и сейчас», и даже дешево купил квартиру в очень хорошем месте — в живописнейшем лондонском районе Хампстэд. Окрест через дом можно вешать мемориальные таблички: рядом живет Джон Ле Карре, чуть поодаль когда-то обитала Анна Павлова, еще через пятьдесят метров — ресторан, в котором обедал Иосиф Бродский, когда ему сообщили о присуждении Нобелевской премии. С Бродским, кстати, семья Аникстов дружила.

Впервые в гостях у Михаила и его жены Алены я побывала пять лет назад. Квартира стояла после ремонта, белая и пустая, единственными достопримечательностями были два навороченных компьютера да целая полка потрясающих альбомов по искусству — профессиональные достижения, скромно (а скорее — практично, от пыли) упрятанные за дверцу книжного шкафа.

За пять лет, прошедших с тех пор, у Аникстов мало что изменилось: квартира по-прежнему белая и пустая. Компьютеров уже полдюжины плюс профессиональный сканер. Плюс книг не одна полка, а, кажется, семь.

Воображение имеет такую особенность — всему добавляет масштаб. Наслушавшись рассказов про Михаила Александровича, я его представляла ростом ну почти с Давида из итальянского дворика ГМИИ. Естественно, он оказался другим. Совсем обычным, невыдающимся, во всяком случае внешне. «О подвигах, о доблести, о славе...» не вспоминает. Наоборот, из него так и прет азарт молодого человека, только-только начинающего карьеру.

Пять лет назад Аникст помимо книг был увлечен придумыванием стиля для молодой чайно-кофейной компании — рисовал этикетки для кофе, клен из бумаги макет чайного павильона. В нынешний мой визит он сообщил, что делает книгу — панораму берегов Темзы. «Начала XX века?» — переспросила я. Мне казалось, что мэтру пристало

Людмила ЛУНИНА

ФОТО: Ирина ПАДВА (Лондон), Михаил СОЛОВЬЯНОВ

Елена ЧЕРНЕВИЧ Искусствовед

— В советское время Миша был одним из немногих грамотно работающих дизайнеров. Может быть, потому, что в графический дизайн он пришел из архитектуры. Архитекторы ведь строят, проектируют, а книга — это проект.

У него хорошее чувство стиля: если ему надо сделать книгу о дизайне, это будет одно решение, если альбом Зураба Церетели — совсем другое.

О тщательности, с которой он работал, по Москве ходили легенды. Для иллюстраций книги «В окрестностях Москвы» он выбирал не только ракурсы съемок, но и время суток. Ему нужно было, чтобы одну усадьбу сняли на восходе, вторую в полдень, третью на закате. Ему было даже важно, видна в кадре трава или нет.

В советское время, когда все было против, он добивался того, чтобы печать книг была соответствующего качества: выбивал иностранную базу или Первую образцовую типографию, нужную бумагу, хороших мастеров. Он от и до контролировал процесс. Он был таким профессионалом, который полностью отвечал за выпуск книги.

Альбом «В окрестностях Москвы» получил в Лейпциге медаль «Самая красивая книга мира». В СССР этот альбом десять лет считался непревзойденным изданием. Леонид Брежнев, а затем Михаил Горбачев дарили ее главам других государств

если смотреть на него в Лондоне

трудиться над чем-нибудь историческим. Оказалось — нет, самой что ни на есть Темзы современной. Для этого летом чуть ли не каждый день Михаил Александрович ходил на речку, фотографировал виды противоположной стороны, потом на компьютере фотки чистил, выстраивал, совмещал. Получилась бесконечная лента-панорама. Под этот проект еще нет определенного финансирования — Аникст делает его на свой страх и риск. Потому как интересно.

Я попросила фотографии — он на какой-нибудь лондонской улице, их не нашлось. Не было повода, не сложились за десять лет.

Или, может быть, он, работающий дома, чтобы не тратить драгоценное время на путь в офис, так и не дошел до лондонского паба?

В шестьдесят с хвостиком (по российским меркам пенсионный, между прочим, возраст) Аникст работает по пятнадцать часов в сутки. Спрашивать у него о счастье, о предназначении художника и прочих возвышенных вещах

язык не поворачивается: видно, что человек устал и ты ворующь у него время отдыха. Очень положительный пример судьбы. В том смысле, что, глядя на Михаила Александровича, понимаешь: нам нет преград ни в море, ни на суше, и разные непреодолимые обстоятельства — политический строй, экономические кризисы, — в которых люди видят причину своих житейских бед, в общем-то так ничтожны. Они, скорее, лишь поводы, которыми мы оправдываем собственные страх и лень.

— Рецепт интервью прост: вы, Михаил, рассказываете мне десять анекдотов о разных периодах своей жизни.

— Если начать с детства... Мы жили на Неглинной, в доме, построенном в мавританском стиле.

— Там еще во дворе Сандуновские бани. Наверное, было удобно?

— Да, особенно если учесть, что в нашей большой коммунальной квартире ванная не работала. В квартире

жило шесть или семь семей. Мы — в самой дальней комнате. До телефона идти метров двадцать. Естественно, все стены в коридоре были исписаны. Если я, папа или мама уходили, на дверь вешали табличку: «У Аникстов не все дома».

Жизнь у моих родителей, как я только потом понял, была тяжелая. Папа (Александр Абрамович Аникст, выдающийся шекспировед. — Л.Л.) попал под волну борьбы с космополитами и до 1954 года не мог найти работу. Семью тянула мама. Вначале она служила в Академии наук секретарем, а потом выучила чешский язык и начала брать переводы. Это нас как-то спасало.

В нашей единственной комнате было десять тысяч книг. Мама их пересчитала, когда мы переезжали на новую квартиру. Она заставила папу четыре тысячи продать, но он потом тихонечко все эти тысячи восполнил.

Что удивительно, он все свои книги читал. Прежде чем уехать в отпуск в Коктебель, он отправлял туда несколь-

— Я попал к Аниксту в втором или третьем курсе Строгановского института. Вначале позвонил. Он с ходу: «Как зовут? Вовка? Ну приходи ко мне завтра в шесть вечера домой».

Я принес какие-то эскизы, он посмотрел. Он стал для меня первым редактором. С общения с ним началась моя профессиональная жизнь.

Через «рабство» у Аникста прошли многие студенты. Сидели от месяца до года, что-то резиновым клеем клеили. Он сказал, что мне этого не нужно. Буду приносить готовую работу ему на рецензию.

Комментировал он очень метко. Я ему потом даже запретил подсказывать мне решения. Он посматривает, придумает мгновенно ход, и ты понимаешь, что ломать голову больше не над чем. Лучше, чем он сказал, все равно не получится.

Ну вот такой пример. Я делал каталог, афишу и пригласительный билет для выставки дымковской игрушки. У меня на обложке крупным планом стояли две игрушки: мама-зайчиха и маленький зайчик. На последней странице — та же пара, но со спины.

Аникст посмотрел, вздохнул: «Вовка, «дымка» — это же когда много и маленькое». И эта пара слов сразу все кардинально изменила, надо было садиться и делать заново.

Аникст вообще очень мудрый. Но демонстрирует свою мудрость сквозь ухмылочку, мимикой, потирая руки.

У меня была трагедия, я влюбился. Меня трясло. По статусу семейного человека мне влюбляться никак не полагалось. И Аникст (а он, конечно, был в курсе, я-то молчал, но общие знакомые рассказали) однажды, как бы между прочим, заметил: «Вовка, знаешь, какой самый лучший способ борьбы с искушением? Отдаться ему». И он был прав.

В 1988 году в Москву впервые приехал Винчелли Массимо, американский дизайнер, суперзвезда. Карта нью-йоркского метро, как и все указатели на улицах, логотип фирмы «Бенетон» и многое другое — это он. Его повели в мастерскую к Аниксту. На следующий день я спросил о впечатлениях. И он вдруг сделался ужасно серьезным: «Я знаю всех дизайнеров в мире. Поверь, Аникст —

ко посылок с книгами — чтобы было чем заняться. И таким же образом возвращал их в Москву.

У нас было много серьезных английских книг. И то, что я сейчас работаю для Oxford University Press, для меня естественно. Я на книгах этого издательства вырос. Но вообще больше всего я любил книги с картинками.

— Книгу как вещь?

— Можно сказать и так.

— А почему, если отец был литературоведом и мама — переводчиком, вы пошли в Архитектурный?

— Это трудный вопрос. Я не могу на него ответить. В нашей семье архитектурой не занимался никто.

Мой дед, папин отец, был известным анархистом, о нем даже статью в старой БСЭ опубликовали. В 1905 году он бежал в Швейцарию, там сошелся с Лениным и приехал обратно во второмпломбированном вагоне. В первом советском правительстве он был замом наркома труда, в 1937 году его расстреляли. Бабушку (которая в свое время организовала Иняз) выслали, она так и умерла в Свердловске.

Предки по материнской линии тоже были людьми незаурядными. Дед любил путешествовать. Вначале семья кочевала по Сибири, где и родились три дочки, одна из них моя мама. А в 1930-е он бросил жену и детей и с другой женщиной уехал в Америку. Там его следы теряются. Судя по всему, от него рождались только девочки, а они со временем выходили замуж и меняли фамилию.

самый сильный. В тех условиях, в которых он работает, делать ТАКИЕ вещи не смог бы никто».

Меня поражала его трудоспособность. Книга о соборе Василия Блаженного — том толщиной в четыре пальца. Аниксту не нравилась очередная фотография. Он вставлял слайд в фотоувеличитель и рапидографом на кальке рисовал нужную деталь крупным планом, аккуратно повторяя все тонкости архитектуры. Полчаса он над этим трудился, а потом калька комкалась и летела в картонку из-под телевизора — корзину для мусора. «Миша, почему?» — «Да не нравится». И все начинал сначала.

При том из мастерской он уходил часов в семь. У них с Леной начиналась светская жизнь: гости, театры...

Путеводитель по Англии и Уэльсу. За эту карманного формата книжку, вместившую 1,5 тысяч слайдов, Аникст получил самый большой в жизни гонорар

Из Америки дед присылал прежней семье какие-то денежки, но бабушка строго запретила дочкам отцу отвечать — это было просто опасно. Мама моя эту историю очень долго скрывала.

Так что у нас в семье первым архитектором был я.

— И как воспоминания об институте?

— Самые светлые. Архитектурный институт моего времени был блестящим вузом. Макетчиком, например, там работал Иван Леонидов, легендарная фигура. Я вообще считаю, мое формирование произошло в МАРХИ — и преподаватели воспитывали, и среда.

— Профессионально или мировоззренчески?

— Мировоззренчески.

— И можно это как-то расшифровать?

— Мировоззрение предполагало очень широкий культурный охват. Я учился на рубеже 50 — 60-х годов, информация о западном искусстве только-только начинала в Советский Союз просачиваться.

Но мы в МАРХИ знали обо всем — и о новейшей живописи, и об архитектурных проблемах. В институте была неплохая библиотека, мы имели доступ к западной периодике. Наша информированность преподавателями только поощрялась. Я думаю, тогда это был единственный вуз, где естественное любопытство не расценивали как низкопоклонство перед Западом.

— А как вы занялись книгами?

— Во-первых, я их коллекционировал. У меня была неплохая коллекция книг издательств SKIRA, Abrams, Thames and Hudson.

Во-вторых, мы с моим большим другом Сергеем Бархиным (до недавнего времени главный художник Большого театра. — Л.Л.) очень хотели попробовать себя в других, помимо архитектуры, областях — в книжном дизайне, в сценографии. Первым изданием, которое нам доверили, была папина книга. Мы делали какие-то заставочки. Побоялись первое время, да и не очень здорово получалось. Мы не понимали, что это такое — делать книгу. Но и остальные не сильно были в курсе.

В начале 1960-х советский книжный дизайн был достаточно доморощенным. Все изменилось с приходом в издательство «Искусство» Максима Жукова.

Сегодня Максим — большой авторитет в области шрифтов. Живет в Нью-Йорке, руководит художественным отделом ООН, консультирует различные фирмы, включая «Майкрософт», на предмет разработки кириллических шрифтов. Мы до сих пор большие друзья и часто общаемся по телефону.

А тогда, в 1960-е, мы стали целенаправленно интересоваться книжным дизайном. Мне удалось достать «Methods of Book Design» Хью Вильямсона — книгу о классической типографике. Максим больше увлекался швейцарской типографикой. Естественно, мы книгами обменивались и прочитанное живо обсуждали.

— А были в вашей работе, ну, не знаю, вежи?

— Да. Альбом «В окрестностях Москвы», вышедший в 1979 году. Максим предложил мне сделать книжку о подмосковных усадьбах. Сказал, что усадебная культура исчезает и неплохо бы оставить о ней хоть какую память.

Это было сразу после выхода на экраны фильма «Дворянское гнездо». В соавторы мне дали Мишу Ромадина — одного из художников, работавших с Андреем Кончаловским. Ромадина в первую очередь интересовало, какая у нас будет обложка. Мне же казалось, что надо подойти к макету совсем по-другому. Сделать книгу, пронизанную ностальгией. Но на том же культурном уровне, на котором жила усадьба. Тосковать не о разрушающихся домах, а об утерянной культуре.

Я начал ходить по музеям, изучать архивы, ездить по этим самым усадьбам. Вместо трехсот черно-белых фотографий, которые были в наличии, предложил сделать цветные. В издательстве насторожились — они боялись туристических видов. «Давайте сделаем одну фотографию», — сказал я. — Если понравится, будем снимать дальше».

С женой Аленой. Она художник кино. Сейчас помогает Михаилу Александровичу в его работе. И еще пишет воспоминания...

John Stewart.
Gravitas.
Книга известного
фотографа
Джона Стюарта,
который издал ее
на собственные
деньги.
Она завоевала
немало наград
на конкурсах
по графическому
дизайну

Сергей БАРХИН, художник

— Деда Аникста в 1937-м расстреляли, а в 1948-м отовсюду выгнали отца. И Миша с родителями нашли форму протеста: они ходили на футбол. Тогда все нормальные интеллигентные люди болели за «Спартак», но Аниксты ходили на матчи «Динамо» и там болели ПРОТИВ: свистели и орали в полное удовольствие. Тогда это был единственный вариант легального протеста против государства.

Как люди интеллигентные, но бедные, летом Аниксты отдыхали в непрестижном Лазаревском. Там было много местных, к которым Мишка тянулся. Они плавали наперегонки, играли. Мишка, хилый и маленький, всегда оказывался последним, над ним подтрунивали. Приехав в Москву, он год занимался плаванием — и на следующее лето плавал лучше всех.

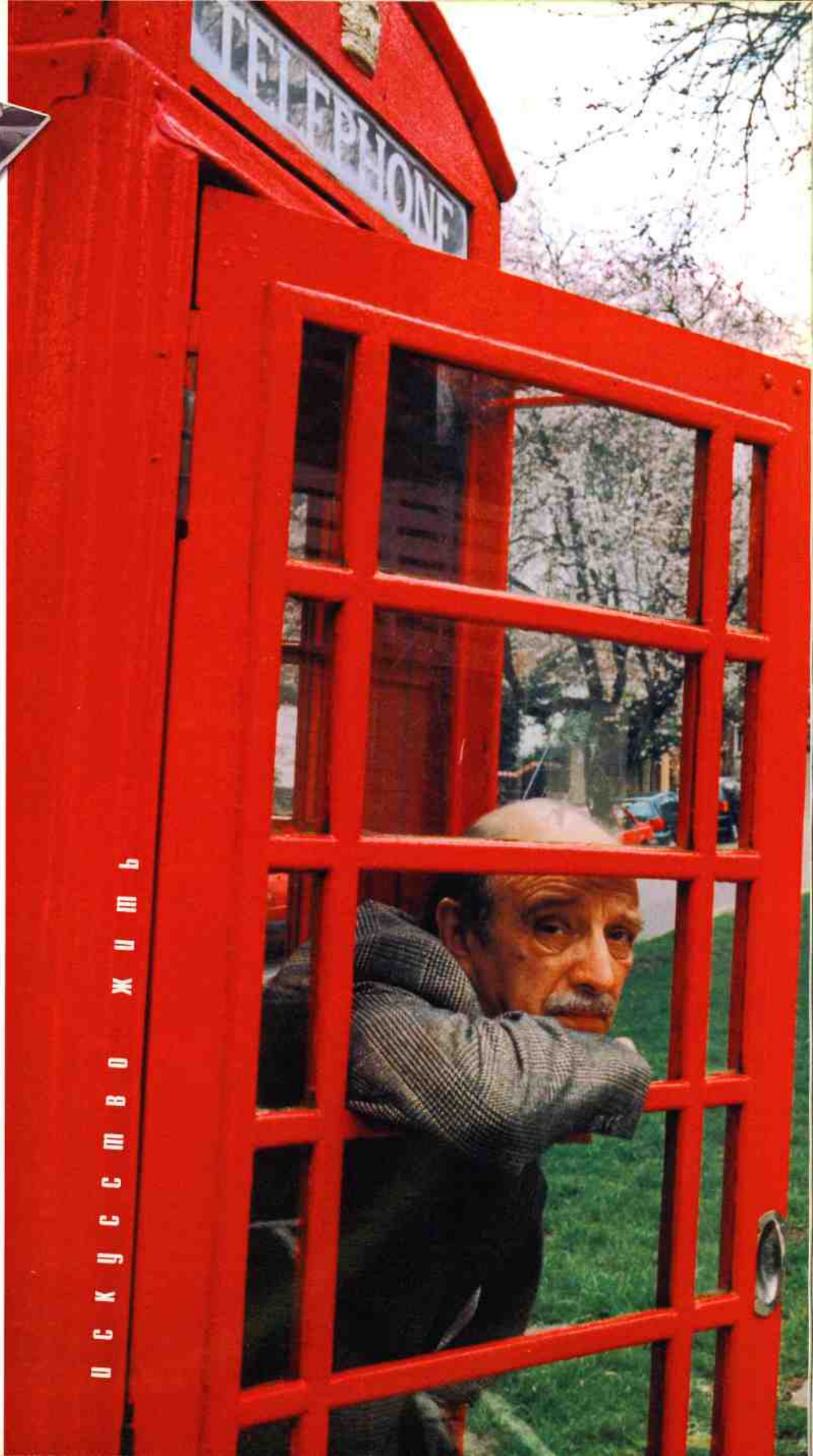
Потом он решил научиться кататься на коньках. Привинтил коньки, встал на лед. Не получалось, все равно пробовал, пробовал, падал. Упал двести раз. Ноги болели, колени распухли. Еле-еле дошел до дому. Вызвали врача. «Если бы он упал еще два раза, — сказал врач, — он бы лишился ног». Вот это чистый Аникст.

Или как в институте его хотели завербовать органы. Ему было 17 лет. «Будешь ходить в посольства на разные мероприятия и два раза в неделю писать отчеты». «Хорошо, — сказал Миша. — Но вначале я должен спросить у мамы, будет ли она меня вечером отпускать на улицу». От него отстали.

Работал он как Том Соьер. Я не знаю почему, то ли он был невысок, то ли слишком говорлив, но, когда он уже пошел в архитектуру... один получал делать фасад, второй — план, третий — перспективу, а Мишке давали делать стенгазету. И тогда он, высунув язык, начинал что-то придумывать, клеить, вырезать. В конце дня уже все делали только эту газету. Это уникальный человек, больше я таких не встречал. Что бы он ни делал, он никогда не работал страдая. Даже если ему надо было резать бумагу, он резал ее с удовольствием.

И проектировал так же, с большим кайфом. Он человек с очень большой волей. И настоящий работник, в высшем смысле.

И С К У С С Т В О Ж И Т Ь

Опыта никакого не было. Что снимать, как? Почему живопись передает настроение, а фотографии получаются безжизненными? Мне помог, как ни странно, Клод Лоррен, французский живописец XVII века. Глядя на его картины, я интуитивно понял, каким должно быть освещение, как строить композицию.

Первый и самый важный кадр, призванный убедить всех, мы сделали в самый длинный день, 22 июня, в четыре часа утра. Ради съемки мы с фотографом не спали всю ночь. Кадр очень понравился — и мы начали делать нашу книгу.

— Но надо же было, наверное, выбить финансирование?

— В Советском Союзе в смысле денег работать было очень просто. Самое главное — попасть в план издательства. У меня тогда даже было кредо — делать то, что невыгодно, потому что я понимал: рано или поздно этому придет конец. В альбоме «В окрестностях Москвы» я свое кредо использовал в полной мере. Единственное условие, которое я ставил перед фотографами, — чтобы ни на одной картинке не было видно разрушительных следов большевизма. Снимки «Архангельского» поэтому в альбом не попали.

— И сколько времени на книгу ушло?

— Года три. Для меня это был огромный опыт, большая школа.

При том надо учесть, что мы работали в докомпьютерную эпоху, когда все-все — от подбора шрифтов до размещения иллюстраций — делалось и переделывалось вручную.

— Вы преподавали?

— Два года читал лекции в Горкоме графиков. Меня приглашали в Полиграфический институт, но я предложил, чтобы студенты приходили ко мне на практику, работать над реальными книжками. Я считаю, что самая лучшая школа — просто сидеть и работать.

— А вас не зажимали? Начальство палки в колеса не вставляло?

— Нет, никогда. У меня вообще все время — и тогда и сейчас — все получалось. Правда, с большим трудом.

Мы приехали в Лондон — я стал работать через полчаса после того, как наш самолет приземлился в Хитроу. Здесь мне время от времени звонили мои коллеги и ученики, тоже перебравшиеся на Запад, просили содействовать в поиске работы. Я отвечал, что мы все в одной ситуации.

В Англии мне повезло в том смысле, что круг общения качественно не изменился. В Москве мы общались с художниками, искусствоведами, режиссерами, писателями — творческой интеллигенцией. И здесь продолжаем с ними общаться. Изменился лишь материал, с которым я работаю, — диапазон стал несравненно шире.

Я вообще очень люблю историю культуры. Лондон для таких людей, как я, — рай. Мы с Аленой любим ходить по антикварным магазинам и просто смотреть — здесь они как музеи. Кроме того, я делаю книги с очень известными людьми, специалистами в той или иной области искусства. Один мой коллега и уже друг Джулиан Райби — всемирно известный знаток исламской культуры, второй — Джулиан Томпсон — крупнейший авторитет по Китаю. Сейчас готовится книга «Частные апартаменты королевской семьи в Виндзорском замке». Ее написал Хью Уильямс, куратор королевской коллекции.

Он водил нас по Виндзорскому замку, по недоступным публике комнатам. Но предупредил, что королева во дворце и может случиться так, что нам придется быстро уходить, чтобы с Ее Величеством не пересечься. Так и произошло.

Уже лет семь я делаю сводный каталог крупнейшей в мире частной коллекции исламского искусства Дэвида Халли. Больше дюжины томов. Я уже неплохо в этом предмете разбираюсь. Создание книг и изучение культуры идет параллельно.

Не чувствуя тонкостей, придумывать книги сложно. Просто картинку расположить — можно, но иногда этого недостаточно.

Книга о Библиотеке конгресса США — один материал. Дворец в Португалии — второй. Сейчас у нас начинается путеводитель по Ватикану, потом по Лувру. Это бесконечный процесс — нон-стоп.

— Вы специализируетесь исключительно на книгах по искусству?

— На книгах с картинками. Но я не отказываюсь ни от какой работы. Для компьютерной компании Etopex я делаю абсолютно все — буклеты, листовки, любую рекламу. Все с удовольствием.

— Потому как деньги нужно зарабатывать?

— Это определенный ритм: здесь все работают напряженно, даже очень богатые люди. По-другому нельзя. Ну, наверное, в Англии есть прожитатели жизни, но мои друзья и партнеры не из их числа. Играть в элитарность, отказываться от заказов не принято: ты откажешься раз, другой — третий тебе не позвонят. И потом, мне действительно интересны все эти малые формы, и за них неплохо платят.

— Собственно заказчики, владельцы коллекций — вы с ними общаетесь?

— С английской королевой пока не довелось, но с другими, конечно, общаюсь. Нормальные люди. Они могут ничего не понимать в искусстве, но безошибочно чувствуют, устраивает их книжный макет или нет, будет книга (каталог, реклама) пахнуть деньгами или не будет. В интуиции им не откажешь. Проблемы возникают тогда, когда наступает время расчетов. Деньги здесь, как и везде, приходится выбивать.

— Получается?

— Да. Я же знаю слабости своих заказчиков — все равно заплатят. Правила игры нарушать нельзя. Я говорю: «В следующий раз тебе потребуется работа, я ведь буду тянуть столько же, сколько и ты». Вот сейчас тяну. Клиент понимает и ждет.

— Развитие графического дизайна вы как-то отслеживаете?

— Я бы выделил две сильнейшие школы — американскую и английскую. Американцы такие размашистые, там больше авангардистов. Англичане больше sophisticated, вдумчивые. Реклама самая лучшая — английская, я даже по телевизору смотрю ее с удовольствием.

В дизайне сейчас много нового. Когда мы приехали, все хотели традиционных решений. Заказчики говорили: «Чтобы было спокойно». Сейчас они хотят, чтобы было современно. Раньше мы делали просто: картинка и подпись под ней, а сейчас даем фигуры из произведений классической живописи в обтравку — немыслимое ранее дело.

— А учеников где находите?

— London School of Printing — есть в Лондоне такое очень хорошее учебное заведение — присылает мне толковых ребят на практику. Сейчас у меня потрясающий парень-англичанин. Англия вообще многонациональная страна. У меня были студент-китаец, вьетнамец, девушка из Израиля, португалька.

Это очень полезно — работать с молодыми. У них свежие мозги, они музыку слушают громкую, рэп. Мы с ними в постоянном диалоге. Я спрашиваю — нравится, нет. Если нет — почему. Главное ведь еще и обосновать.

— Про сына не расскажете?

— Ох, ну вы же не собираетесь весь наш разговор публиковать? Антон очень успешный. Окончил Гарвард. Я вообще считаю, что поступить в Гарвард без всякой нашей протекции (мы ничем не могли помочь, мы только только приехали в Лондон) было огромным его достижением. После учебы ему сразу предложили работу в небольшой консалтинговой фирме, и за пять лет он вырос до заместителя главы компании. Сейчас перешел в крупный банк — на позицию, которую обычно занимают люди, окончившие бизнес-школу и после этого год-другой поработавшие.

— Михаил, вас не тянет на родину?

— Меня вообще мало куда тянет от моего рабочего стола. Я певец рутины. Когда все в одном и том же ритме на протяжении десятилетий — лучше для меня не придумаешь. ■

Александр МИТТА, книголюб

John Stewart.
Gravitas.
Джон Стюарт
фотографировал
складки —
всевозможные
формы и варианты.
Этот проект,
длившийся десять
лет, завершился
выпуском книги,
дизайн которой
сделал
Михаил Анисст

— С Мишей Аникстом мы дружим многие годы. Он в идеальной степени обладает тем, к чему я всегда стремился, — хорошим вкусом. Он человек идеального отбора. Он всегда брал самую высокую планку, аккумулировал в работе очень много идей, сплавив их и превращал во что-то свое. В какой бы стране он ни оказался, он всегда в своей области будет самым лучшим.

Очень естественно, что сейчас он живет в Англии. Я думаю, что в России он не был бы востребован, потому как мы сегодня — страна дикого вкуса. Этот вкус определяют музей Шилова да скульптуры Церетели — не тот контекст, на фоне которого Аникст мог бы утверждать свое безусловное первенство.

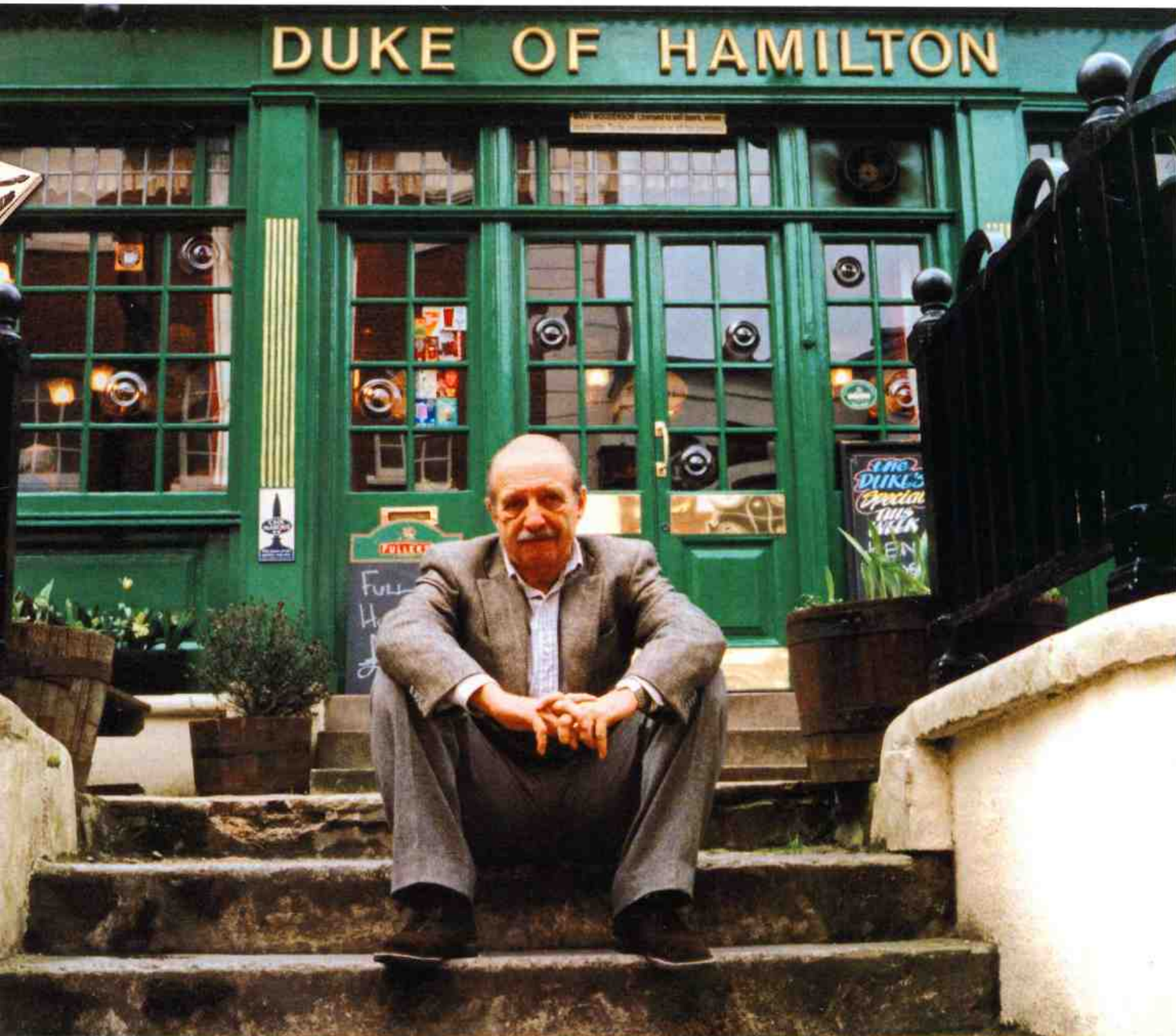
Он абсолютный работоголик. Он не понимает радости за пределами работы. Он ведет самую размеренную жизнь. У него есть один сын, которого он любит, жена, которую он обожает, и я могу дать голову на отсечение, что он ей никогда не изменял. Он любит раз и навсегда, и до конца. И так же он любит свою работу. Он испытывает от нее (как говорил Эльдар Рязанов по другому поводу) удовольствие, равное половому.

Мы вместе работали над фильмом «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». У меня была идея сделать тотальное кино, чтобы там было все: и драма, и комедия, и трагифарс, и мультипликация. Я был растерян, думал, вначале сделаю, а потом буду разбираться. А Миша целенаправленно сориентировал

меня на петровское барокко, очень узкий исторический период, когда на Россию обрушилось западное влияние и лет двадцать в стране господствовал совершенно карикатурный стиль во всем.

И нашел он эту стилистическую доминанту мгновенно, легко. Вещи, трудные и невозможные для других, ему давались естественно.

Однажды, по работе, я приехал в Лондон. Позвонил ему, предложил встретиться, чтобы он мне город показал. Так вот выяснилось, что я за пять дней узнал Лондон лучше, чем он за годы. Он знает Лондон такой: мой дом, моя работа и квартал вокруг. А остальное его не интересует — ни рестораны, ни злые места, ни развлечения. Это было очень трогательно. Это самый лучший пример его цельности.

*Впервые
этот старый боец
почувствовал,
что устал*

*Антуан де Сент-Экзюпери.
Ночной полет*

Воропаев

Слава СЕРГЕЕВ

Я недавно женился. Ну, не то чтобы совсем недавно, а где-то год назад.

Это напрямую к нашему рассказу не относится, это я говорю здесь для того, чтобы вы поняли, почему, когда я вечером задерживаюсь на работе, я, как порядочный человек, всегда звоню домой — чтобы жена не волновалась.

И, заметьте, это мне совершенно не в тягость. Я, можно сказать, с одной стороны, этим горжусь, а с другой — считаю нормальным.

И вот однажды я это делаю, сообщаю, что по производственной необходимости приду после двадцати двух часов, а жена мне и говорит:

— Ты приходи побыстрее, у нас гости.

Я удивился. Вроде бы я никого не жду, и вообще будний день.

— Какие, — спрашиваю, — гости?

— Воропаев, — сказала жена. — С дамой.

— Ну... — говорю. — Какие же это гости, это свои. А дама-то кто?

— Я же тебе говорю, — сказала жена. — Гости — это гости. Даму я вижу в первый раз. Она говорит, что она татарская принцесса. Или королева, я не разобрала. Приходи.

Что-то в ее голосе мне не понравилось. Какая-то была в нем напряженность и даже, я бы сказал, нервозность, что для моей жены в общем нехарактерно, так как, будучи последние два с половиной года сначала подружкой, а потом женой литератора, она человек, уже ко всему привыкший, и принцессами из развивающихся стран ее особенно не удивишь.

— По-моему, они ночевать тут собрались...

— Да ладно, — сказал я, — у нас же негде...

Я довольно быстро закончил статью про плохие психологические последствия ажиотажного спроса в нашем недавнем прошлом и поехал домой.

— Лиля, — представилась симпатичная блондинка с короткой стрижкой, сидевшая рядом с Воропаевым.

Я церемонно поклонился.

Воропаев со значением пожал мне руку.

— Лилля приехала из Казани поступать к нам в аспирантуру, — пояснил он. — Она вообще-то платоновед, специалист по Андрею Платонову.

Теперь поклонилась Лилля.

— И давно ты ее знаешь? — спросил я, когда мы вышли покурить на лестницу.

— Не очень. Сегодня познакомились, — ответил Воропаев. — В Литинститутском садике, часов в двенадцать. Так что знаю я ее, считай, уже целый день. Очень хорошая баба.

— Ленка говорит, что она принцесса, — сказал я. — Это что, правда?

— Откуда я знаю, — сказал Воропаев. — Может, и правда. А зачем ей врать, с другой стороны?

Мы немного помолчали.

— Ну-ну, — сказал Воропаев, — поглядим. Не волнуемся только.

И мы пошли в дом.

На кухне принцесса рассказывала моей притихшей жене о том, что на территории современного Татарстана когда-то было большое развитое государство с религией, промышленностью и сельским хозяйством под названием Болгария, только не та, что на Черном море, а Волжская, позднее завоеванное Чингисханом.

— Мы, — сказала принцесса, — пострадали от татаро-монгольского ига не меньше, а может быть, даже больше России!.

Мне стало неудобно за то, что я не оставляю их на ночь, и я сказал:

— Да что там говорить! В Казани бывал Пушкин, там жил Лев Толстой! Это город с богатыми культурными традициями!

— Выпьем за это! — сказал Воропаев и обнял принцессу.

Белла Ахмадулина или даже Бродский, и я вдруг подумал, что она, наверное, хороша в постели.

Подумав это, я вздрогнул и огляделся. Лилля сидела с раскрасневшимся лицом, ворот ее блузки был расстегнут, Воропаев обнимал ее за талию, и на лице его было написано блаженство. Моя жена вышла. Мне стало по-человечески жалко Воропаева и принцессу. Все мы люди, и все мы знаем, как это скверно, когда некуда с женщиной пойти. Но я сурово отогнал эти недостойные мысли. «Во-первых, на улице лето, — сказал себе я. — Во-вторых, рядом недавно отстроенный парк Победы с тенистыми аллеями и большой дубовой рощей у Музея боевых кораблей. А в-третьих, ладно, даже если их пожалеть, не забывай, у тебя однокомнатная квартира!.

Последнее я повторил Воропаеву на лестнице, когда мы в очередной раз вышли покурить.

— У меня однокомнатная квартира! — сказал я.

— Но есть же кухня, — провинительно затынулся моей сигаретой Воропаев.

и Принцесса

— Старик, — сказал Воропаев после паузы, — у меня к тебе просьба.

Я сделал максимально деловое лицо:

— Да?

— Нам сегодня деваться некуда.

Воропаев сделал паузу. После паузы он сказал:

— Можно нам утасть у тебя?

— Старик, — сказал я. — Ты же меня знаешь не первый год. Я всегда пожалуйста. Но теперь у меня семья. Молодая жена. Ленка дома, понимаешь? Куда тут оставаться?! И потом, ты меня извини, я не ханжа, но ты эту бабу знаешь, так сказать, недавно, я еще понимаю, если бы это была твоя постоянная. Куда тут ее в дом-то вести?

Зря я был так многословен, вот что я вам скажу. Краткость — сестра таланта. Воропаев участливо меня выслушал, покивал головой.

— Я все понимаю, — говорит. — Но ты тоже пойми, нам утасть негде.

Потом, ты же знаешь, сколько времени у меня не было женщины. Скоро полгода. Пять месяцев и двадцать один день!.. (Воропаев недавно развелся с женой и переживал это.) Неужели ты сможешь меня выпнать в таком состоянии?! Ты мне, что, не друг?!

Психологическое руководство «Тренинг уверенности в себе», написанное какими-то американцами, говорит, что неуверенным в себе людям очень сложно сказать «нет». Для того чтобы сказать «нет», руководство советует набрать побольше воздуха и представить себя большим, очень большим, гораздо больше собеседника. Но Воропаев мой друг, и мне было совестно представлять себя гораздо больше него!.

Поэтому я сказал:

— Сережа, я тебя прошу. Я же всегда рад. Но сейчас это невозможно.

Когда мы выпили, принцесса рассказала, что у нее есть знакомые в одном театре в Казани, актеры, и что один актер там бросил жену, с которой прожил десять лет, ради молодой актрисы и сразу женился на этой молодой актрисе, старый дурак. И был от этого в таком восторге и на подъеме, что выпрыгнул на гастрольях в городе Туапсе из окна второго этажа гостиницы с букетом в руках к ногам этой молоденькой дурочки!

Мы все покачали головами: надо же, а Воропаев вздохнул, видимо, вспомнив свой развод.

— Но мало того, — сказала Лилля, — несмотря на малую высоту, он чуть не сломал себе ногу! Что-то там треснуло, и этот актер несколько месяцев потом проходил в гипсе и даже не мог играть спектакли!

— Вот так изменять женам! — весело сказала моя жена.

— Очень хорошая история. Поучительная, можно сказать.

Мне стало неловко, потому что я вдруг вспомнил, что на лестнице Воропаев, кажется, говорил, что принцесса замужем. Я искоса посмотрел на ее руки. Кольца, слава богу, не было, и я с облегчением вздохнул.

Но принцесса, как мне показалось, ничего не заметила.

— Да там, в этом театре, такого насмотрись! — сказала она. — Вот вам бы, писателям, туда попасть, вы бы такое написали! «Война и мир» бы рядом не лежала! Я, как туда попаду, потом сразу одно стихотворение пишу, а то и два.

— Лилля, — сказал счастливый Воропаев, — кроме того, что платоновед, еще поэтесса. Имеет подборку стихов в журнале «Подъем». Ты такой знаешь. И что-то готовится в центральном журнале, где, дорогая, я забыл?.

— Неважно, — сказала томно Лилля. — Не будем об этом.

Мы выпили за поэзию, и принцесса прочитала три своих стихотворения. Стихи были плохими, но читала их она хорошо, с глухим подвыванием и чуточку нараспев, как

— Но там негде лечь! — как последний идиот, наивно воскликнул я.

— А мы и не собираемся ложиться. — сказал Воропаев, — мы спать не хотим.

Я не нашелся, что на это ответить, и только сказал после паузы:

— Ты понимаешь, что Ленка меня убьет?!

— Не убьет, — просветленно отвечал Воропаев. — Подуется и простит. Не в первый же раз.

— Что значит «не в первый раз»? — вскинулся я. — Ты что?! Я при ней сюда никого не вожу!

— Сюда не водишь. — с улыбкой сказал Воропаев. — Не сюда водишь. Какая разница, не кипятись.

Удар был безошибочным. Воропаев хороший психолог, когда захочет.

«Я не имею права их осуждать, — подумал я. — Ни принцессу, ни его. Я сам еще совсем недавно был таким же...»

— Идем в дом, — сказал Воропаев, — чего ты волнуешься? Мы ж не сразу останемся. Еще даже чай не пили.

— Нет!!! — вскричал я. — Нет! Я тебе сказал! Что значит «останемся»?!! Это семейный дом! Здесь нельзя! Я не разрешаю!

— Идем, — сказал Воропаев. — Не кричи, соседи услышат. Чего ты раскричался?

Когда мы вошли, Лилля рассказывала моей жене историю, как одна ее подруга в Казани долго не могла никого себе найти, а потом познакомилась с мужчиной гораздо старше себя.

— Встречалась с ним, встречалась, — сказала Лилля, наливая себе и моей жене водки, а потом ей мама ее и говорит: рассказки, мол, дочка, кто он да что. Маме же, ей интересно.

Она подняла рюмку:

— За мам! Я сама мама.

Воропаев заулыбался:
— У Лили сыну шесть лет..
Мы все выпили.
— Так вот, она стала рассказывать маме, — продолжила Лилия, — и как-то постепенно выяснилось, причем само собой, что называется между делом, что моя подруга встречается с мужем своей двоюродной тетки! А там, у тетки, уже чуть ли не до развода дошло..

Моя жена со стуком поставила рюмку на стол.
— Да! — сказала она.
Но Воропаев не дал ей закончить.
— У Лили чудная девочка, — сказал он.
— Мальчик, — сказала Лилия, — только что говорили. Ты уже напился, сволочь..

Воропаев засмеялся:
— Какая разница! За детей!
Он поцеловал принцессу в шею.
— А у нас с тобой будут дети?
— Дурак! — засмеялась принцесса и оттолкнула его.
Я почувствовал, что мне надо что-то срочно предпринять, или у них точно будут дети, причем начнется это все прямо тут же, на нашей маленькой восьмиметровой кухне..

Воропаева несло.
— Куннилингус! — громко сказал он принцессе и моей жене. — Вы знаете, что это такое?!

Что это такое, признаюсь, не знал и не знаю до сих пор даже я, но, почувствовав что-то нехорошее, сказал Воропаеву:

— Не хами при дамах.
— А я не хамлю, — обиделся Воропаев, — это, между прочим, медицинская латынь..
— Я знаю, что это такое, — сказала принцесса..

Мы еще немного поговорили. Воропаев и я рассказали по неприличному анекдоту. Моя жена в основном молчала. Лилия рассказала, что у них в Казани в общежитии местного университета живет одна преподаватель, уже не очень молодая женщина, с виду очень серьезный человек, а на самом деле нимфоманка.

— Ее сын на нервной почве от непрерывно меняющихся мужчин ударился в религию и эзотерику, — рассказывала Лилия. — Так жалко его, такой хорошенький, а на женщин даже не смотрит..

Когда часы показали два часа ночи, моя жена, сославшись на головную боль, ушла спать.

Я позвал Воропаева еще покурить. Принцесса вышла с нами и достала Vogue.

— Ребята, — сказал я на лестнице, — я вас понимаю. Ситуация сложная. Я готов вам помочь.

— Ну вот и слава богу, — обнял меня Воропаев, — я знал, что ты не дашь другу пропасть..

— Ты меня не понял, — испугался я. — Я не могу вас оставить. Лилия, вы же женщина, вы должны понять мою жену.

Принцесса неопределенно улыбнулась и сделала глупую затяжку Vogue.

— Но я знаю, что делать! — заторопился я. — Как я забыл! Тут недалеко есть маленькая, но очень приличная гостиница.. Идти через проспект, всего минут десять.. Нормальные номера..

Воропаев обнял меня.

— У нас нет денег.

Я был готов к такому повороту событий и так просто сдаваться не собирался. Но я выдержал паузу, чтобы придать своим словам хоть какой-то вес. Принцесса все улыбалась.

— Я дам вам денег, — сказал я после паузы. — В смысле займу.

Принцесса с интересом посмотрела на меня. По-моему, она этого не ожидала. Воропаев помолчал. Потом обиженно сказал:

— Ладно. Откупаешься от друзей, значит.. Ладно..

Видимо, я откупался от друзей слишком громко, а может быть, звуки легче разносятся в ночной тишине, но со-

сед по лестничной площадке выглянул и, увидев нас, укоризненно покачал головой.

— В принципе, мы можем и здесь переночевать.. — сказал Воропаев, — я у тебя денег не просил..

Принцесса звонко засмеялась.

— Пошли-пошли, — сказал я. — Тут нельзя.. люди спят. Третий час..

Когда я много позже рассказывал эту историю друзьям, в этом месте одна знакомая, почему-то называвшая себя Татой (настоящее ее имя было Марина), хорошо знавшая Воропаева, тоже стала смеяться.

Я спросил:

— Что ты смеешься?

— И ты дал им денег? — спросила Тата.

— Дал, — сказал я.

— И они ушли в гостиницу?

— Нет.

— Ой, не могу, — смеялась Тата, — не могу!..

— Что ты не можешь? — обиженно спросил я.

— Потому что они купили на твои деньги еще водки и максимум через час вернулись к тебе! — воскликнула Тата. — С водкой. Так?!

Вынужден был подтвердить:

— Так. С водкой и красным вином для принцессы.

— Зачем же ты им дал денег? — опять рассмеялась Тата. — Неужели ты Воропаева не знаешь?

Вынужден признать:

— Не знаю. Или знаю плохо..

Но все это было потом, много позже, а сначала я, дав Воропаеву двести рублей, что по тогдашнему курсу равнялось примерно тридцати пяти долларам США, с облегчением проводил его и принцессу до дверей своего подъезда и показал им рукой, как быстрее дойти до гостиницы.

— Жаль, у меня телефона их нет, — сказал я, — но там всегда свободно. Я когда-то пользовался, — зачем-то добавил я, хотя это была неправда.

Воропаев сухо поблагодарил меня, принцесса, как настоящая женщина Востока, была непроницаема.

— Заходите еще, — сказал я, — приятно было познакомиться, Лилия..

Принцесса кивнула:

— Пока..

Уходя, Воропаев сказал странную фразу, на которую я тогда не обратил внимания.

— Это жизнь.. — сказал Воропаев.

— Что? — сказал я, не слушая. — А, да-да, конечно..

С невыразимым облегчением я вернулся домой.

— Ушли? — спросила моя жена.

— Ушли. Вроде бы..

— Ты что, им денег дал?

— Да нет, что ты, спи..

— Ты дал им денег, — сказала жена с надрывом. — Я слышала. Что же это такое?! Я экономлю, не могу себе ничего купить, а ты ему и какой-то его случайной бабе просто так, чтобы он ушел, даешь сорок баксов.. Ты что, не можешь просто ему сказать, чтобы он пошел на фиг?! Ты что, в своем доме не хозяйин?..

— Понимаешь, — снова попытался объяснить я, — это же мой старый друг. Ты же знаешь. У него проблемы. Очень возможно, что он говорит правду, что у него давно никого не было. И я ему дал займы.. Кстати, не сорок, а тридцать пять долларов, ты плохо считаешь.

Моя жена молча отвернулась к стене. Я глянул на часы. Был четвертый час утра. Через незашторенное окно было видно, что на востоке небо начинает светлеть. Я быстро разделся и лег. Некоторое время мы лежали молча. Потом я закрыл глаза и задремал.

Разбудил меня шум на лестнице. Было уже совсем светло. Я прислушался. Шум нарастал. Ужасная догадка меня поразила.

— Это Воропаев и принцесса.. — подумал я. — Вернулись!.. Неужели их не взяли в гостиницу?

Голоса на лестнице звучали все отчетливее. Был слышен женский смех.

— Это они? — спросила проснувшаяся жена.

Я кивнул.

— Не выходи, мы спим. Это в конце концов наглость, ты же им денег дал..

Мы немного полежали, слушая доносившиеся с лестницы шум и крики.

— Сейчас проснутся соседи, кто-нибудь выйдет — и произойдет скандал, — сказал я. — Воропаева знают в квартире напротив, я когда-то оставлял ему ключи.

— Когда-то.. — сказала жена. — Неужели ты не понимал, что нельзя превращать свой дом в бордель?! Ты же взрослый человек!

— Да при чем тут это? — я даже рассердился. — Он просто так заходил, один. Ты что, думаешь, мы вообще без женщин ни минуты не проводили?!

— Не знаю, — сказала жена. — Мне все надоело. Проводили, не проводили — мне все равно. Я завтра уеду к маме. В этот момент с лестницы донесся особенно громкий взрыв смеха.

— Они там пьют, — сказал я.

И задал риторический вопрос:

— Интересно, на что?

— Тебе действительно интересно? — сказала жена. — Ты что, не понимаешь?! Ты же сам им деньги дал!..

И она, воздев руки к потолку, даже сказала:

— Боже мой!..

— Сейчас проснутся соседи, — сказал я, чтобы увести ее от травмирующей темы.

— Пусть проснутся! — сказала моя жена, смотря перед собой невидящим взглядом. — Пусть милицию вызовут! Если ты не мужчина и не можешь выйти и выпнать его, если так, то пусть это за тебя сделают другие!..

Я немного помолчал. Знаете, не люблю я такую аргументацию: «Если ты не можешь..» — и так далее.. Мне она представляется демагогической и как минимум не дружеской. Тем более в устах, так сказать, любящего существа. Потому что, если человек действительно не может, что его этим укорять? Он что, от этого сразу сможет? А если может, но не хочет, тогда тем более надо сначала разобраться, а потом уже говорить.. Проанализировать его мотивы, все взвесить..

— А помнишь, — сказал я, — как Воропаев помогал нам наш диван собирать? Вот этот, на котором мы сейчас лежим. Почему-то я сейчас вспомнил..

— И что, — сказала жена, — теперь он может водить к нам всех своих б..?!

— Ну, не всех..

— А через одну. Тебе перед его женой не стыдно?..

— Они разошлись, — сказал я. — Я же тебе рассказывал. Причем по ее инициативе. Говорят, она с кем-то живет.

— Ну и что?! — сказала моя жена.

Против этого я не нашелся что возразить.

— Что так нервничать, — сказал я после некоторой паузы, — человек вообще первый раз к нам не один пришел.

В этот момент в дверь позвонили.

Я вдруг почувствовал странное облегчение и безразличие. Мне стало удивительно хорошо.

— Я пойду открою? — сказал я.

— Мне все равно, — сказала жена. — Это утонченное издевательство. Если ты хочешь в нем участвовать, открой. Мне-то давно все все равно, я-то ведь завтра уезжаю к маме..

Звонок повторился.

— Это не соседи.. — сказал я. — Вот что самое главное.. Самое главное сейчас — это покой окружающих нас людей!

— Я завтра уезжаю, — повторила жена с отчаянием в голосе.

— Послушай, — сказал я, — сейчас пять часов утра. Я дико хочу спать.

Максимум через три часа они уйдут. Может, пустить, и фиг с ними?..

— Лиля забыла сумку с документами, — сказал Воропаев, когда я открыл.

Я кивнул.

— Выпить не хочешь?

— Можно..

Я выглянул на лестницу.

На ступеньках была разложена газета, на газете стояли несколько бутылок красного вина, одна целая и одна наполовину пустая бутылка водки, в пластмассовом стаканчике лежал надкушенный «Сникерс», а рядом, тоже на газете, сидела показавшаяся мне вдруг очень симпатичной Лиля в белых штанах. Почему-то я раньше не замечал, что она в белых штанах. На лестнице было как-то даже уютно.

— Нравится? — подмигнул мне все замечающий Воропаев.

— Садитесь, — Лиля пододвинула мне газету. — Я тут как раз рассказывала Сереже об одном друге моего мужа, он врач в казанской психбольнице..

Мы выпили. Меня чуть не стошнило. Все-таки время было очень позднее..

— Ты закуси, — сказал Воропаев, пододвигая ко мне шоколадку, — там орехи..

— Так вот, — сказала Лиля, деликатно не замечая моего замешательства, однажды в свое дежурство он заехал к нам, мы недалеко живем, и позвал познакомиться с местными нимфоманками. Оказывается, у них там, в больнице, есть целая палата нимфоманок. То есть позвал-то он моего мужа, но я напросилась с ними. У нас с мужем нет секретов друг от друга..

— Ее муж хороший мужик, — подтвердил Воропаев, наливая мне еще.

Я порадовался, что всего этого не слышит моя бедная жена.

— Да, — продолжала Лиля, — взяли мы такси, поехали, но по дороге заехали во все тот же драматический театр. Ну в их общежитие в смысле, не в сам театр. Не на спектакль.. — Лиля засмеялась. — Еще одного товарища взять, актера, а то страшно же.. нимфоманки все-таки.. Колин друг, врач, он привычный, а нам как?.. (Коля — это мой муж, — пояснила мне Лиля.) А актеры — люди ко всему привычные.. И если там, в общежитии, пропустить по стаканчику. Так сказать, на дорожку и вообще, для храбрости. У театральных, я так понимаю, без этого дела вообще ни шагу. И так пропустили, что в результате мой муж, врач и местные артисты два раза бегали за водкой, а когда под утро наконец собрались к нимфоманкам, выяснилось, что врач потерял ключи от приемного покоя, и мы все их два часа потом искали..

Во паники-то было! Ладно нимфоманки, а как вообще людям в больницу попадать?

— Нашли? — с внезапным интересом спросил я.

— Нашли.. — засмеялась Лиля. — Он их в душевой общежитской утром обронил.. Когда душ принять пытался. Чтобы немного взбодриться..

Мы немного помолчали.

— Ну ладно, — сказал я после паузы. — Пошли в дом, что ли?..

Воропаев меня обнял:

— Я знал, что ты не оставишь товарища в беде! — сказал он. — Знал, что в тебе заговорит совесть!

Я махнул рукой.

— Ты меня просто замучил.

— А что, в гостиницу вас не пустили? — спросил я, когда мы вошли.

— Ну да, — сказал Воропаев, отводя глаза, — там сегодня все занято..

— И ты купил на все деньги вина.. — укорил я.

— Ну а что же еще делать-то было?! — Воропаев даже удивился. — Если вдруг не допьем, тебе же все останется..

Дома мы еще немного поговорили. Принцесса рассказала еще одну безумную историю про казанский драмтеатр (и у меня возникло ощущение, что я сам долгое время в нем работал. Заслуженным артистом ТАССР..) и вдруг переключилась на то, что у них в Казани вообще жило много всяких знаменитостей. Например, в центре города есть неприметный дом, в подвале которого когда-то была булочная, а в этой булочной еще до революции работал грузчиком Максим Горький!

— Любите Горького? — с вызовом спросила Лиля, подтверждая свой забытый статус аспирантки Литинститута.

Я сказал, что люблю, но не все.

— А я люблю все! — сказала Лиля. — Великий был писатель, погубленный идеологией!

Вспомнив идеологию, Лиля погрузилась и сказала, что у ее родственников до 1917 года на главной улице Казани был большой магазин и несколько доходных домов. Все отняли большевики!

И мы выпили за свободу.

После этого принцесса, уже не спрашивая меня ни о чем, по-хозяйски взяла кухонное полотенце и ушла в ванную.

— К какой династии она принадлежит? — спросил я у Воропаева.

— Ты что, книгу «Хазарский словарь» не читал?! — шепотом возмутился Воропаев.

— А при чем тут это? — тоже почему-то шепотом спросил я.

— А при том! — сказал Воропаев. — Там все про них, про волжские страны написано! У нас-то замалчивают! Она принадлежит к царствующей династии! Она царевна, я только забыл ее настоящее имя.. Кажется, Миллуша. Ее двоюродный дядя, болгарский царь, в настоящий момент находится в эмиграции в Лондоне, но некоторые круги в Казани, близкие к бывшему ЦК, ведут переговоры о его возвращении на родину! Так что.. — Воропаев усмехнулся, — все может быть.. И я стану кронпринцем.

Он был уже сильно пьян.

В районе шести утра я, наконец оставив Воропаева и принцессу одних на кухне, снова лег. Честно говоря (простите меня, ребята, если прочтете), я специально не уходил так долго. Я надеялся, что бессонная ночь измотает моих гостей. Как выяснилось, надеялся я на это зря. Но это выяснилось позднее.

Также выяснилось, что моя жена не спала. Я обнаружил это, когда ложился. Не говоря ни слова, она заплакала. Плакала она тихо и не сопротивлялась, когда я ее обнял.

— Надо спать, — сказал я. — Он мой старый друг. Надо ему помочь. Что особенного? Отнесись ко всему с юмором и философски.

— Не могу, — сказала жена. — Вы все грязные, разложившиеся типы. А эта «принцесса».. У меня просто нет слов!

— Нет и не надо, не преувеличивай, сейчас в любом случае надо спать, — сказал я.

И что самое удивительное (не ожидал от себя такой самодисциплины) — заснул!

Как Штирлиц, моментально и на двадцать минут. А может быть, немножко больше. В общем, я заснул ровно настолько, чтобы ничего не слышать.. Через какое-то время я проснулся от того, что кто-то тряс меня за плечо. Видимо, моя жена, несмотря на свою молодость и все ее занятия спортом, не могла похвастать таким уровнем самодисциплины, как я.

— Ты слышал?! — спросила она.

— Что?

— Ты что же.. спал?!

— Ну да, — сказал я. — А что?

— Они кричали! — сказала моя жена. — Какая гадость! Я все слышала! Это было ужасно! Они очень долго кричали!

Я внимательно посмотрел на нее.

— Ничего ужасного, — сказал я. — У Воропаева давно не было женщины, а принцесса, очевидно, несчастлива в браке. Так бывает. Спи!..

И я повернулся на другой бок и заснул. Самодисциплина! А все почему? А все потому, что я дал себе такую установку, что, мол, ничего особенного не происходит, надо спать. Впрочем, во-первых, я был отчасти прав, потому что действительно, ну что особенного, а во-вторых, что я еще мог сделать?.. А возможно, это принцесса так напугала меня рассказами о своих театральных знакомых.

Около восьми Воропаев, заглянув в комнату, разбудил меня.

— Закрой за нами дверь, — сказал он.

Я на ощупь выбрался в коридор.

— До свидания, — сказала принцесса и вдруг — о чудо! — отвела глаза. Вид у нее был помятый. Неужели ей стало хоть немного стыдно?! Как говорил Станиславский, не верю..

— До свидания, — укоризненно сказал я.

Воропаев заметил мою укоризну.

— Это жизнь! — сказал он, пожимая мне на прощание руку. — Жизнь!..

— Чья? — спросил я вдогонку.

Но они уже ушли, и мне никто не ответил..

Вот и все. Могу только добавить, что Воропаев через пару недель позвонил, о чем-то долго говорил с моей женой и был, разумеется, прощен. А что с ним поделаешь, старый друг..

Принцесса, по имеющимся у меня сведениям, поступила в свою аспирантуру и благополучно изучает А. Платонова, но больше я ее пока не видел.

Единственное, что меня еще интересует на сегодняшний день во всей этой истории, — это не вернулся ли из изгнания ее царственный дядя.

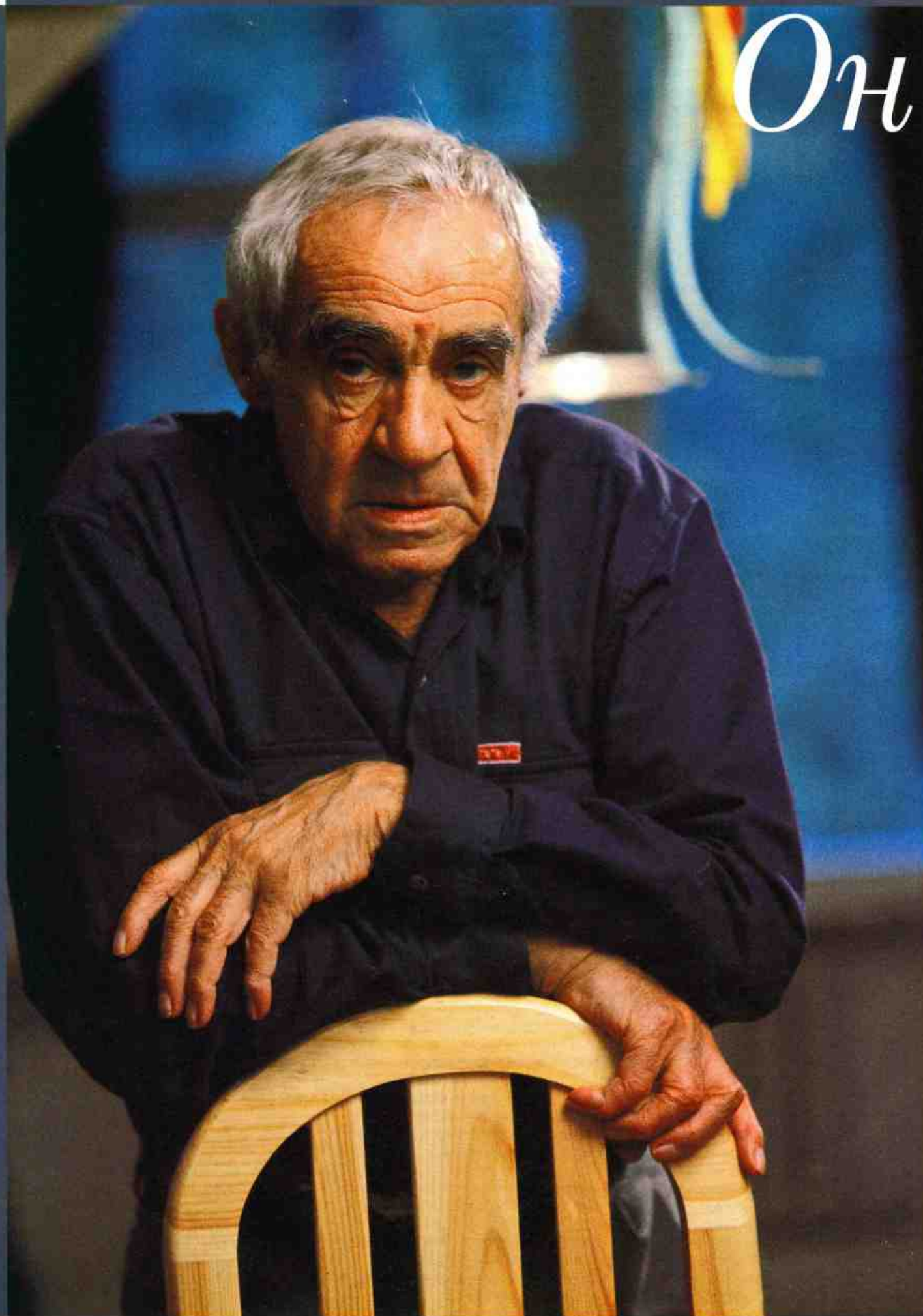
Вы ничего не слышали?..

«ЕЩЕ ОДИН РАССКАЗ»

Он был

Говорят, браки
заключаются
на небесах.
Но жить всем
приходится
на земле,
что часто
для брака
становится
отягчающим
обстоятельством.
Роман
Зиновия Гердта
и Татьяны
Правдиной
начался
в буквальном
смысле слова
на небесах
и закончился
земным браком,
в котором
они прожили
тридцать шесть
лет

здесь всегда

Маргарита РЮРИКОВА

— Татьяна Александровна, вы не принадлежите к поколению Зинovieв Ефимовича. Что вы знали о нем до знакомства?

— Все-таки я москвичка, и кто такой Гердт, хорошо представляла. Я окончила школу в последний год войны, выпускников тогда было не очень много — и нас собрали в Колонном зале, где перед нами выступал Гердт. Я очень любила Театр Образцова и знала, что он играет и какой он артист.

— Значит, знакомство было случайным?

— Познакомились мы с Зиновием Ефимовичем по делу. Театр Образцова выезжал на гастроли в Египет, Сирию и Ливан, и им нужен был переводчик. А я по профессии арабист и работала тогда в Издательстве литературы на иностранных языках. И когда мне предложили быть этой переводчицей, я с радостью согласилась, во-первых, потому что до этого никогда никуда не выезжала, а во-вторых, очень любила этот театр.

У меня состоялся очень смешной и странный разговор с администратором театра, который позвонил мне и сказал: «Мне вас порекомендовали, и у меня вот какой к вам вопрос: вы какого роста?» — «В каком смысле?» — удивленно спросила я. «В прямом». — «Ну, сто шестьдесят», — сказала я. Последовал другой вопрос: «Вы Образцова видели?» Я ответила утвердительно. «Вы выше его ростом?» — продолжал допрашивать администратор. «Думаю, что нет». — «Хорошо», — сказал он, — приезжайте». Мы договорились встретиться в театре.

Когда я приехала, администратор посмотрел на меня и сказал: «Ну, я ничего не понимаю в профсоюзном движении, но в женщинах я понимаю. Пойдемте». И повел меня знакомиться с Образцовым, где я, примерившись взглядом, увидела, что на несколько сантиметров ниже его. Образцов объяснил мне, что я должна переводить синхронно «Волшебную лампу Аладдина», а «Необыкновенный концерт» Гердт делает на языке, поэтому я должна перевести его текст на арабский и потом работать с Гердтом — учить его произносить этот текст. Кроме того, сказал Образцов, я должна буду стоять на сцене и переводить его творческие вечера. И тут я поняла, почему был проявлен такой интерес к моему росту, — переводчица не должна была подавлять своей массой выступающего.

Потом меня повели знакомиться с Гердтом, представив как переводчицу, которая будет с ним работать. Он посмотрел на меня и почему-то спросил: «Дети есть?» — «Есть», — ответила я. «Кто?» — «Дочка». — «Сколько лет?» — «Два года». — «Подходит», — утвердил Гердт. Тон его был игривым, но я никак не отреагировала, и мы договорились, что будем работать.

Я приходила домой к Гердту и, конечно, была знакома с его женой, за мной заезжал мой муж. Но мы работали — Зиновий Ефимович наговаривал мне свой текст, а я записывала его, чтобы потом перевести на арабский. Все было

очень по-деловому. И когда мы улетали, меня провожал муж, Гердта — жена.

— Когда же знакомство переросло в роман?

— Роман был вполне скоропалительным. В Каир тогда летали через Албанию. В самолете Гердт сел рядом со мной и весь полет говорил не закрывая рта — читал стихи, расспрашивал меня обо мне, что было вполне естественно, ведь я новый человек в театре.

После остановки в Тиране Зиновий Ефимович сказал мне: «Весь театр взволнован, что я сижу рядом с вами. Обычно я сижу с... — и он назвал имя того, с кем сидит. — Они говорят, — продолжил он, — что ты все время трепешься, она же переводчица — значит, стукачка. Это точно. Что ты себе думаешь?» А поскольку Гердт успел выспросить у меня подробности моей жизни, узнал про репрессированного папу и про то, что за границу я выезжаю впервые, он понял, что тут явно что-то не то. Он пытался актерам это объяснить, но они отмахивались: «Да ладно! Ни черта ты не понимаешь...»

И когда мы прилетели в Каир, то возникла смешная ситуация. Так как я арабистка, то естественно, что у меня в этих странах было полно знакомых коллег. На поле среди встречающих я заметила моего близкого друга с женой и сказала: «Вон Валид стоит» — «А что, это ваш знакомый?» — спросил Гердт. Я подтвердила — мы учились в одной группе. «Это и мой знакомый», — сказал Гердт. — Мы с ним в Пицунде познакомились».

Когда началась работа с Гердтом, возникли сложности. Выяснилось, что я — хорошая ученица своего института — говорю на языке, на котором никто в арабских странах не разговаривает, потому что в каждой стране говорят на диалекте, а потому мой перевод никуда не годится. Нас учили литературному арабскому, потому что тогда носителей языка не было, не то что сейчас. Правда, если ты знаешь язык, то перейти на диалект не так сложно, и я быстро перестроилась.

— Вы чувствовали, что Гердт оказывает вам знаки внимания?

— Гердт, что называется, за мной ухаживал, что производило на меня в высшей степени негативное впечатление, потому что я думала: «Ну, это обычные актерские номера, гастрольная поездочка...» Естественно, что по всем человеческим качествам Зиновий Ефимович мне нравился, но я поставила себе заслон.

Надо признаться, я была, что называется, готовенькая, потому что, живя с мужем в одной квартире, я не была его женой. За год до этого я сказала ему: «Я больше тебе не жена». Он не верил и жил с ощущением, что это у меня пройдет, как-то все рассосется. Но моя обида на него была так глубока, что я точно знала — это не пройдет, и потому чувствовала себя свободным человеком. Но именно в том, что Гердт актер и это гастрольная поездка, был для меня вульгарноватый флер, и я держалась отстраненно.

— Человеческие качества Зиновия Ефимовича все-таки нейтрализовали вашу отстраненность?

— Во время всей поездки по Египту, Сирии и Ливану мои друзья в свободное от работы время водили меня и Гердта, которому они были очень рады, как большому подарку, по всяким местам. Гердт был необычайно обаятелен, остроумен, рассказывал анекдоты даже у сфинкса и не мог не покори́ть моих друзей.

Был один очень смешной случай. Друзья пригласили нас в шикарный, дорогой ночной ресторан «Сахара-сити», расположенный в пустыне, за пирамидами. А я, барышня, воспитанная на нашей пропаганде — никуда не ходить! — сказала: «Нет, ребята, не поеду. Кагэбэшник обязательно донесет». И представляла себе, как в 24 часа меня вышлют. Гердт сказал: «Знаете, Танечка, вы в первый раз в заграничной поездке, я — в последний. Не думайте ни о чем, едем». И мы поехали.

На третий день после того, как я переводила Образцову интервью, которое он кому-то давал, меня вызвал в его номер кагэбэшник и сказал: «Выйдем на балкон». Мы вышли, и он спросил: «Вы действительно в первый раз за границей?» А я всю жизнь была строитива и потому ответила: «Думаю, вы это лучше знаете, чем я. А почему это вас так заинтересовало?» — «Что-то вы очень спокойны...» — отметил он. Я не замедлила ответить: «Это зависит от воспитания».

Дело в том, что самостоятельная позиция Гердта, который никогда не спрашивал, можно ли пойти с друзьями, а просто сообщал: «Я уезжаю, буду поздно», — раздражала, нервировала его.

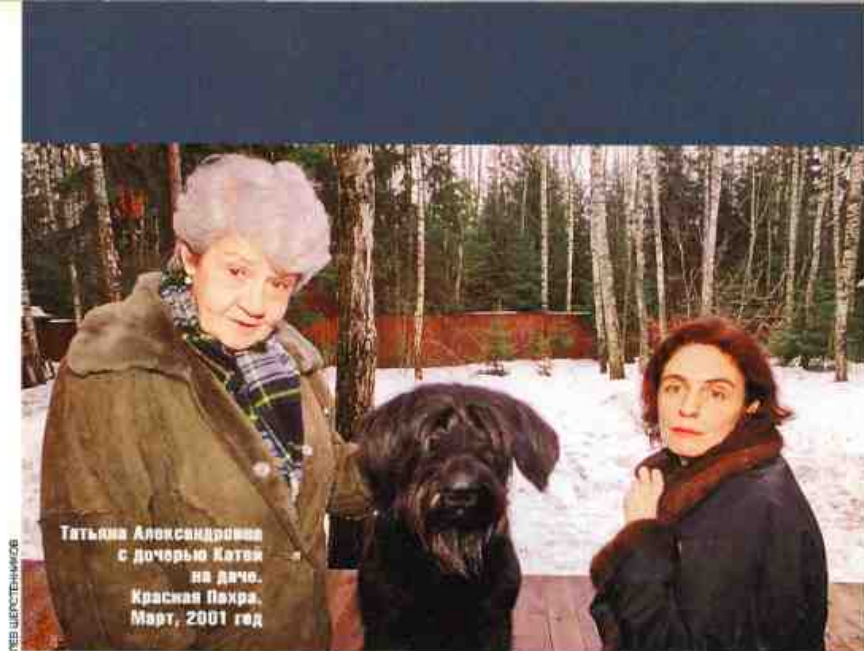
— Эта поездка все решила? Или у вас еще оставались сомнения?

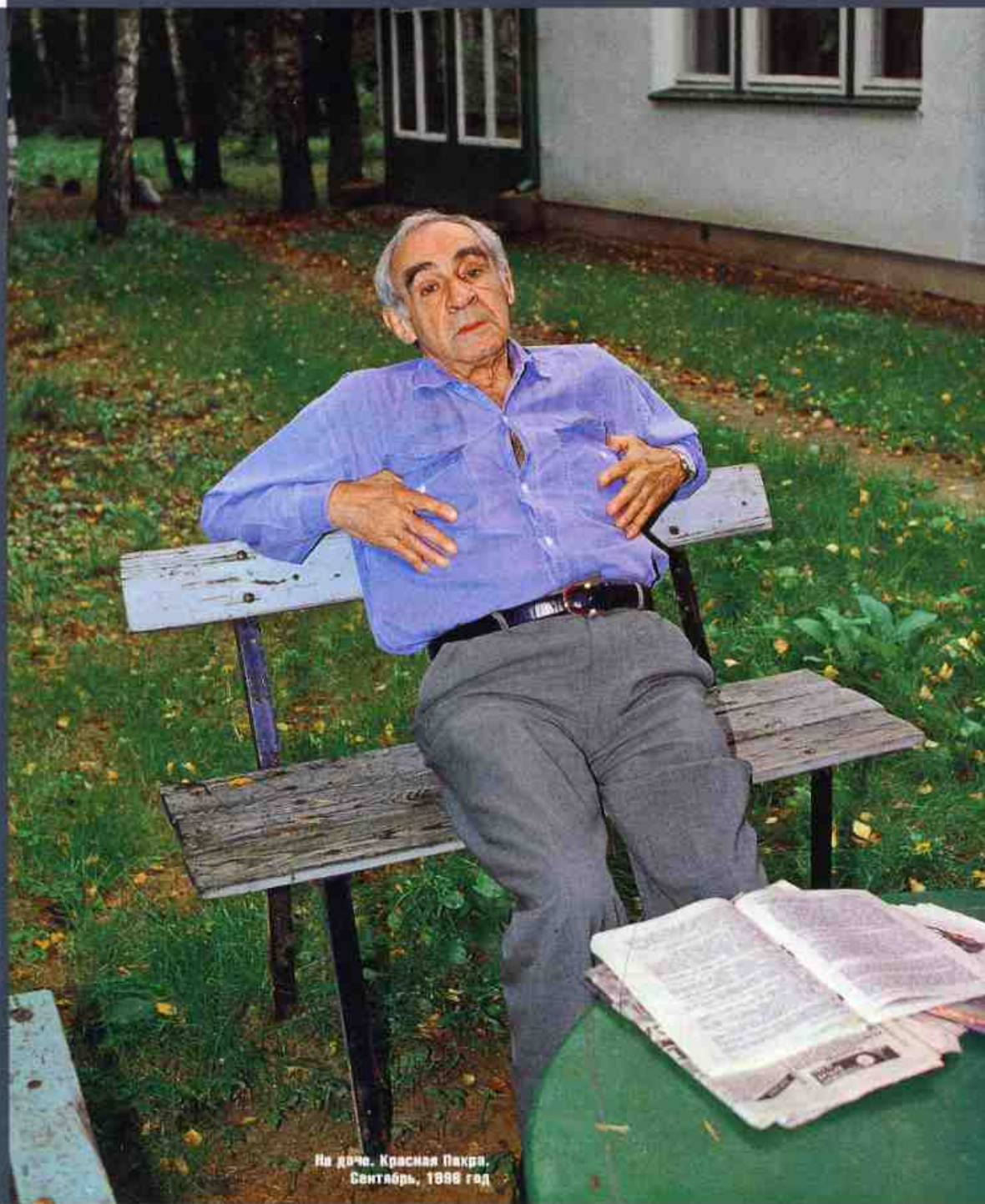
— Я никаких планов не строила, ничего не решала. Мы летели домой, ухаживание шло очень бурное, и единственное, о чем мы договорились в самолете, — это через день встретиться.

Я приехала домой, где меня ждал ревнивый муж, опять началась разборка, и я опять повторила, что я ему не жена, но он все-таки продолжал не верить.

Через день мы встретились с Зиновием Ефимовичем в несколько необычном для свиданий месте — у Киевского райкома партии. Просто это было неподалеку от места моей работы. Он подъехал на машине, распахнул дверцу, и я сказала: «Ну это просто какое-то шпионское кино». — «Абсолютно не шпионское», — сказал Гердт и добавил: — Я свободный человек». Мы ни слова не говорили о том, что будем жить вместе, и мне не говорилось: «Выходи за меня замуж». Мы просто поехали к его друзьям. И когда вечером я вернулась домой, то решительно сказала мужу: «Вот теперь я сообщаю, что я тебе не жена, и повторяю — я тебе не жена».

— А Зиновий Ефимович был так же решителен, как вы?

На даче. Красная Пахра.
Сентябрь, 1998 год

— Позже Зиновий Ефимович рассказал мне, что он приехал с аэродрома домой, где был накрыт стол и сидели гости. Так это бывало всегда — в то время зарубежные поездки были редкостью и превращались в событие. Когда гости ушли, Гердт сказал жене: «Я полюбил другую женщину. Я ухожу». Он, конечно, думал, что всаживает клин в спину женщины, но ушел, все оставив ей, и кинжал был вынут почти безболезненно. Все оказалось не так страшно.

И даже были какие-то смешные моменты. Я пришла на работу — у нас в редакции тогда были так называемые пятиминутки, — и когда пятиминутка кончилась, я сказала: «У меня есть личное сообщение. Я ушла от мужа». А мужа моего, конечно, на работе все знали. На следующий день опять пятиминутка, и опять в конце ее я сказала, что прощу слова. Все стали хохотать и спрашивать: «Ну а теперь что?» И я сказала: «Я выхожу замуж за Гердта». Тем самым я не дала развиваться сплетням и интригам. Все было открыто, и все точки были расставлены. То же самое Зиновий Ефимович сообщил в театре.

— У вас были родители, дочка. Как отреагировали они на этот блицкриз?

— С мамой была замечательная история. Мы с ней были очень дружны, как говорят, не обрезали пуповину. Я всегда ей все рассказывала, и она, конечно, знала, что когда-нибудь я все равно от мужа уйду. Но тут она была обескуражена скоропальчатостью моего решения. Конечно же, начались разговоры в кругу маминых знакомых. Прибежала моя приятельница, стала охать и ахать, сообщила, что один наш знакомый, любя меня, предупреждает, что Гердт очень любит жениться, — он действительно был женат неоднократно.

А через несколько дней Театр Образцова уезжал на майские гастроли — праздничных дней оказалось много, и я сообщила маме, что еду с театром. «Как же так? — сказала мама. — Ты знаешь, мне неспокойно. Я даже не знакома с этим человеком». Мы поговорили, я вышла из дому, на улице меня ждал Гердт. Очевидно, на моем лице он что-то прочитал, потому что спросил: «Что ты такая печальная?» — «Да вот мама расстраивается. Говорит, что даже не знает тебя. На-

верное, надо было как-то по-другому сделать...» — «Пошли», — сказал решительно Зиновий Ефимович, и мы тут же вернулись в дом, где были мама, папа и маленькая Катя.

Гердт познакомился и сказал: «Я буду вашу дочку жалеть». Потом была пауза, после которой он сказал: «Я очень устал от монолога, я хочу чая». Сели за стол, и было такое ощущение, что он был здесь всегда.

И когда через сорок минут мы уходили, то я спросила: «Мам, ну что? Тебе стало спокойнее?» — «Абсолютно», — ответила она. И вот что уж было необыкновенного в нашей жизни, так это отношения мамы и Зиновия Ефимовича. Он ее обожал, у них были отдельные отношения: редкостное восхищение с его стороны и радость мамы по поводу добротных человеческих качеств Зиновия Ефимовича.

— Как складывались отношения Зиновия Ефимовича с вашей дочкой, у которой был отец?

— Дочке было два года с небольшим, и мы никогда не скрывали, что у нее есть отец. Но он вел себя очень глупо. И однажды Зиновий Ефимович сказал: «Позови его к нам, мы должны поговорить». Он пришел, Зиновий Ефимович посадил его перед собой и сказал: «Кроме прав, есть еще и обязанности. И если у нас одна задача — чтобы этому человеку было хорошо, то вести себя надо по-другому». До четырнадцати лет мы заставляли Катю видеться с отцом, но он был нечеток и общался мало. А потом Катя сделала свой выбор — она обожала Зиновия Ефимовича, и он ее тоже. За глаза, среди своих знакомых, она звала его папой, а дома Зямой. Они были очень близкими людьми.

Катя взяла фамилию Гердт совсем недавно, ей уже было за тридцать. Я не брала его фамилию. Зяма как-то сказал: «Вот я помру, и под этой фамилией никого не останется». Я спросила: «А кто бы ты хотел чтобы носил твою фамилию?» Он ответил: «Катя». — «Давай ей скажем об этом», — предложила я. И когда я позвонила Кате и сказала: «Зяма спрашивает, не возьмешь ли ты его фамилию?» — она зарыдала. «Что с тобой?» — спросила я. «Я всегда об этом мечтала», — сказала Катя. «А почему же ты не говорила?» — удивленно спросила я. «Я стеснялась», — услышала я в ответ. И она быстро собрала все документы и сменила фамилию.

— У вас в доме было такое понятие — хозяин семьи?

— Кто был хозяин в доме? Так вопрос у нас не стоял. Зиновий Ефимович любил дом и, что называется, был «оптовиком» — если что-то покупал, то в большом количестве. Любил, чтобы еда была вкусной, и говорил: «Невкусная еда меня оскорбляет».

— Можно ли сказать, что Зиновий Ефимович был мягкий человек?

— Нет, так сказать нельзя. Он был взрывной, иногда несправедливый, но потом приходил в себя и всегда говорил: «Таня, прости». Главное, что обидая волна и отношения к людям у нас совпали. И конечно, Зиновий Ефимович влиял на меня, так же, как и я на него. Многие говорят, что мы даже внешне стали похожи.

— То, что Зиновий Ефимович был взрывным человеком, очевидно, давало повод для ссор?

— Поводы для ссор бывали, как в каждой семье. Но ссорились мы по абсолютной ерунде. Например, я совершенно не могу заниматься своим гардеробом и всегда говорила, что, когда я никуда не выезжала, то была одета много лучше, чем когда мы вместе стали выезжать за рубеж. Нет у меня умения это делать. И поэтому всегда, когда надо было куда-то идти, оказывалось, что мне нечего надеть. Я открывала шкаф и говорила: «Ну, что я надеваю?» Поэтому Зяма, когда нас куда-то приглашали, всегда говорил: «Только без этого «что я надеваю!» Думай об этом заранее». Но не в моем характере думать заранее.

И однажды вечером — надо было уже ложиться спать — разразился скандал, сейчас не помню уже, по какому поводу. Я сказала: «Все. Ухожу...» — решительно встала, скинула халат, открыла шкаф и остановилась. И Зяма, который уже лежал в постели, произнес: «Ну... что я надеваю?» И мы хохотали полночи.

Он был взрывной, иногда несправедливый, но потом приходил в себя и всегда говорил: «Таня, прости». Главное, что общая волна и отношение к людям у нас совпали

Первые годы
совместной жизни

Ю. СЕМЕНОВ / АРХИВ

— Актеры, как правило, люди сложные. Жизнь в образе — это ведь раздвоение личности. Наложил ли отпечаток профессия на личность Зиновия Ефимовича?

— Раздвоение личности происходит у всех людей. Не это делает актерскую сущность. Актеры, как мне кажется, должны обладать «легкостью мысли необыкновенной». Я шутила говорила Зяме: «Ты не умный, ты талантливый, что случается гораздо реже». Через талант с годами к нему пришла мудрость, которая ценнее любого ума. Понимаете, от того, что Гердт был истинно талантлив, он не был Актер Актеричем — он был абсолютно естественным человеком. Я думаю, что это его качество вызывало к нему любовь людей. И что меня поражало — не мне это говорить, но тем не менее, если отстраниться от того, что я к этому имею отношение, — его любили люди разных социальных слоев и возрастов. Когда его не стало, мне кто-то сказал: «Когда чужие внуки плачут, это дорогого стоит».

Я никогда не забуду случая, который произошел на рынке. Мы только вошли в него, как какой-то работяга, немного подвыпивший, остановился перед Зиноviем Ефимовичем и спросил: «Можно тебя на минутку?». Он отвел его в сторону и сказал: «Спасибо тебе...» Я помню, как ком встал у меня в горле от того, что, увидев Гердта, у человека возникла потребность сказать эти слова. Или мы едем на машине, Гердт что-то не то делает, и нас останавливает гаишник. Он выходит из машины, и его встречают радостной улыбкой: «Зиноviй Ефимович!.. Какие творческие планы?» Я часто говорила шути: «Я тебя ненавижу! Как ты сказочно устроился в этой стране! У меня бы обязательно отобрали права или оштрафовали». Он был действительно любим.

— А звездой Зиноviй Ефимович себя чувствовал? Был избалован славой?

— Вот чего не было в нем, так это звездности. Он, конечно, состоялся, но у него самого всегда было ощущение, что он не тот, за что слышит. Были считанные разы, когда он говорил: «Кажется, коснулся планки». Я ругалась и говорила: «Уничтожение паче гордости». Но, думаю, что именно это постоянное недовольство собой и делало его артистом «ча-

плинского толка», что, по-моему, и есть высшее достижение планки искусства. Сам же он считал, что из живущих этого достигли в актерстве Чурикова и Полунин.

Пожалуй, избалован он не был. В работе он был необыкновенно четок. Понимаете, Зиноviй Ефимович был, что называется, сэлф-мэйд-мэн — человек, который сделал себя. Он был из еврейской семьи, которая жила в местечке, но внутренне он был истинно интеллигентным человеком. Никогда не тянул одеяло на себя и был равен со всеми, независимо от их положения.

— Но при всей своей интеллигентности было что-то, чего Зиноviй Ефимович решительно не принимал или не прощал?

— Конечно, он не прощал предательства, подлости. Слава богу, жизнь ему такого не подкидывала. Но однажды у нас дома за столом один человек повел себя ужасно — позволил себе оскорблять наших друзей. И вдруг Зиноviй Ефимович сказал: «Убирайся вон!» — «Я первый раз присутствую при том, — удивилась Катя, — когда выгоняют из дома». — «Я тоже», — сказал Зяма. Тем не менее с его точки зрения человек вел себя непозволительно, и он выгнал его. А это очень трудно — выгнать человека.

— Вы чувствовали себя защищенной? Чувствовали, что у вас есть опора?

— У меня был дом, где все было построено на доверии. Зиноviй Ефимович был влюбчив, обожал красивых дам, но я знала этому цену, знала его отношение к себе, и меня это никак не трогало. Я знала, что значу для него внутренне. Наверное, нельзя это говорить, но я была уверена, что предательство невозможно.

А опора... Мы жили очень совместно. Кроме всего прочего, мы были товарищами, что мне кажется самым главным.

Я вот недавно, занимаясь одной работой, подумала, что такое «товарищ»? Это действующий друг, а не просто расположенный к тебе человек. Моя мама говорила, что хороши те родственники, которые смогли стать друзьями. И друзья важнее, чем родственники, потому что ты их сам выбираешь и сам строишь с ними отношения.

— Вы вспоминаете только приятное и смешное, но, наверное, было в вашей жизни и что-то горькое?

— Было и горькое... Не бывает жизни без огорчений. Мы прожили с Зиноviем Ефимовичем тридцать шесть лет, встретившись уже взрослыми людьми, что имело свой огромный плюс. И когда я рассказываю, мне хочется вспоминать хорошее и веселое.

Вот за два года до нашего знакомства, еще в пятьдесят восьмом году, я получала водительские права, и требовалась медицинская справка. Катя только что родилась — ей было несколько месяцев, а в поликлинике я увидела очередь, где стояло человек двести мужиков. Я пришла в ужас! Что делать? Мне же через полтора часа кормить! И я пошла по очереди — искать, нет ли знакомых. Обошла очередь, увидела, что стоит Гердт, и прошла мимо. Потом в очереди кто-то сказал: «Мужики! Тут одна женщина. Неужели мы не пропустим?» И пропустили. Когда я это потом рассказала Зяме, он воскликнул: «Идиотка! Не могла тогда подойти?!»

— Вы можете сказать о себе, что были счастливы?

— Я вообще счастливый человек, потому что судьба в какие-то самые крайние минуты жизни посылала мне замечательных людей. Так было с детства, когда в год начала войны мой папа после десяти лет заключения вернулся из лагеря, и я, тринадцатилетняя девчонка, должна была поехать жить с ним за сотый километр. Последний раз я видела его в Сибири, когда мне было шесть лет, и поэтому через семь лет разлуки, особенно в этом возрасте, это был как бы малознакомый мне человек. Мама должна была остаться в Москве и зарабатывать на жизнь.

Хозяйку деревенского дома, в котором мы жили, я не забуду никогда. Эта простая крестьянка была внутренне абсолютно интеллигентным человеком, потому что нутром понимала, что происходит. Она помогала мне привыкать к папе, учила меня топить русскую печь, вынимать горшки.

И когда Зиноviй Ефимович болел, Господь послал доктора — умного, с необыкновенным здравым смыслом, который цементировал меня, собирал, крепил. Нет, я, конечно, счастливый человек.

Бенефис.
Октябрь, 1998 год

ВАСИЛИЙ ГЕВЕРГ

Мы вас не обманули. Сто первых читателей, приславших ответы на нашу анкету, получили приглашение на вечер в Российском фонде культуры «Кто зажигает звезды?». У них была возможность в течение трех часов поучаствовать в действе, которому трудно сразу подобрать определение.

«Когда десятилетний Никита Мидоянц сел за рояль, я подумал: «Ну вот, очередной вундеркинд». Но зал, в котором были и люди, совсем не подготовленные к сложной музыке, как-то сразу замер, когда Никита заиграл фугу собственного сочинения. «Господи, да неужели такие дети бывают?» — наверное, думал каждый. А такого гениального ребенка, между прочим, надо сначала найти, надо вселить в него веру в себя и работать с ним нужно не меньше, чем со взрослым. Все это и делается в программе «Новые имена» одним из героев вечера — Татьяной Шумовой, вице-президентом Российского фонда культуры. Говорят, этот человек может все. И когда для выступления

Евгений Гришковец, актер, драматург, режиссер

Маргарита Эскина, директор Дома актера, и артист Юрий Васильев с участниками вечера

КТО ЗАЖИГАЕТ ЗВЕЗДЫ?

Эрик Салим-Мерюэт (Курмангалиев), Любовь Казарновская, Эммануил Виторган, Евгений Гришковец, Евгения Крюкова и другие — в гостях у «Огонька»

гениальных детей из России забыли привезти рояль на какой-то «остров миллионеров» — через пятнадцать минут рояль спустился с неба на вертолете. Это случай почти смешной, анекдот. Но именно из таких «анекдотов» состоит жизнь человека, который сутками не отходит от телефона, организуя антрепризы, концерты, фестивали.

Увидеть и услышать в течение трех часов такую жанровую палитру было невероятно интересно. Очень смешные репризы и пародии Алексея Колгана и Юрия Васильева, изысканный европейский пианизм Даниила Крамера, совсем не похожая на скучную академическую классику «Арбат-опера». Все это — только крошечный кусочек той кипучей жизни, которую организовала в безжизненных кабинетах бывшего Минкульта Маргарита Эскина, директор Дома актера.

А потом была очаровательная Евгения Крюкова, актриса Театра им. Моссовета и исполнительница главных ролей в «криминальных» сериалах: «Досье детектива Дубровского», «Бандитский Петербург», «Петербургские тайны», вместе с режиссером Андреем Житинкиным; был Андрей Кнышев со своей новой книгой фотокаламбуров; группа «Белый остров» (Юрий Матвеев и Артем Якушенко), покорившая публику мощным и страстным звуком электрогитары и электроскрипки.

Совсем крошечные дети в костюмах XVI века (Центр эстетики и красоты «Катюша»), исполняя «Бархатное дефиле», заставили зрителей ахнуть и встать со своих мест. Это было настолько трогательно и красиво, что хотелось немедленно «зажечь звезды» и устраивать этим крохам всемирные гастроли.

Но ведь это надо уметь. Как умеют это Маргарита Эскина, Татьяна Шумова и другие великолепные «зажигатели звезд».

Борис МИНАЕВ
Гостей пригласила Галина ШЕВЕЛЕВА
Михаил СОЛОВЬЯНОВ (фото)

Андрей Житинкин, режиссер

Эммануил Виторган, актер

Любовь Казарновская, певица

Евгения Крюкова, актриса

Эрик Салим-Мерюэт (Курмангалиев), певец

ЖИВОЙ ГОЛОС

*Инна Малая
поет только то,
что очень любит*

Константин ВОРОБЬЕВ

Вы никогда не задавались мыслью, почему на нашей эстраде почти повсеместно царствует безвкусица и безголосица, почему толпы действительно талантливых отечественных продюсеров предпочитают вкладывать деньги в «раскрутку» чисто фанерных исполнителей, не одаренных ничем, кроме привлекательной внешности?

Волей-неволей создается впечатление, что на Руси перевелись хорошие голоса. Но если так, то куда деваются сотни выпускников вокальных отделений консерваторий и музыкальных академий? Ответ прост: с коммерческой точки зрения людей, не наделенных талантом, «раскручивать» выгоднее. В отличие от более одаренных соперников они никогда не станут предъявлять лишних требований, всегда будут помнить свое место, никогда не бросят своего «благодетеля» и будут благодарны ему до скончания дней. При вложении определенной суммы денег с «бесталанных» можно состричь гораздо более высокий доход, ибо они послушно споют все, что нравится публике: от «юбочки из плюша» до «Мурки».

Вложения же в классику (где без таланта не обойтись) редко приносят доходы. Кроме того, таланты непредсказуемы, независимы и предпочитают сами выбирать, что петь, когда, где и с кем. И все же крупные компании спонсируют различные культурные проекты.

На прошлой неделе в Концертном зале российской компании «Газпром» прошла презентация первого компакт-диска молодой оперной певицы Инны Малой.

На пресс-конференции, которая состоялась перед презентацией, Инна сказала, что не собирается замыкаться в рамках оперного искусства. «Настоящий артист должен быть многоплановым, он должен пытаться максимально расширить свой репертуар, стараться наиболее полно использовать свои возможности, а поэтому я буду петь и эстраду». Ну что ж, может быть, мы наконец получим то, чего нам так не хватало: красивый эстрадный голос.

Инна Малая окончила в 1996 году Киевскую консерваторию, но еще задолго до того, в 1991 году, на Всесоюзном конкурсе вокалистов имени М.И. Глинки она получила приз «Надежда». Потом были фестивали камерной оперы Schloss Reinsberg, работа в Национальной филармонии Украины, где она исполняла ведущие партии: Розину из «Севильского цирюльника» и Кармен.

А в том, что у Инны Малой голос действительно красивый, все присутствующие убедились на концерте, прошедшем в рамках презентации. На нем молодой певице аккомпанировал один из лучших и старейших российских музыкальных коллективов: Академический большой концертный оркестр Российского государственного музыкального центра радио и телевидения имени Юрия Силантьева.

Железный Феликс Юрия Любимова

— Ну зачем тебе это интервью? — искренне удивлялся он. — У тебя его никто не напечатает!
Я что, Золотухин?!

— С Золотухиным мы каждую неделю перезваниваемся, а с вами еще ни разу толком не пообщались.
А вы ведь тоже живая легенда и в этом театре человек не последний...

— По алфавиту — первый! — хмыкнул Антипов. — Но дальше театра меня никто не знает.
— Вот и узнают.

Влад ВАСЮХИН

О Высоцком, Демидовой, Параджанове, о своей парижской любви, о проблемах с таможней, стражами порядка и алкоголем рассказал нашему корреспонденту ведущий актер Театра на Таганке Феликс Антипов...

Лев ШЕРСТЕННИКОВ
(фото)

з а к у л и с ь е

Антипов не скромничал. Посмотрите на его лицо: может ли такой мужик жеманничать и кокетничать? Мне так вообще непонятно, какой волной его выбросило на подмостки, в это женское ремесло. Ему бы плоты вязать или лес валить, матерком подгоняя зазевавшихся напарников, а вышло — белый парик, рукава в кружевах...

И в том, что к нему, артисту самобытному и сильному, служащему в знаменитом театре чуть ли не с самого его основания, прохожие не кидаются, ломая каблуки, за автографами, ничего удивительного нет. Для Антипова Таганка — дом родной, он не изменял ей с кино, сериалами, концертными залами, «АБВГДейкой» или, на худой конец, с рекламой. Не мелькал по поводу и без. Безотказный, он тащит на себе весь репертуар, занят в каждом спектакле и, по слухам, считается любимым актером Любимова.

23 апреля, в день рождения Таганки, Антипов сыграет премьеру: в булгаковском «Театральном романе» режиссер отдал ему роль Немировича-Данченко или, точнее, списанного с него Аристарха Платоновича. Ну, кого ему еще играть, как не титанов и основоположников?!

— Феликс, сколько раз вас выгоняли из театра?

— Меня не выгоняли.

— Тогда сколько раз увольняли?

— И не увольняли. Был смешной случай, году в 70-м. Меня перевели на контрактную оплату, тогда еще, в советское время, и я стал получать за каждый сыгранный спектакль. В итоге заработал в восемь раз больше!

— А из-за чего перевели?

— Ну, были эпизоды, связанные с пьянством.

— Вот и я в статье у Аллы Демидовой о репетициях «Вишневого сада» наткнулся на такую запись: «Звонил Эфрос, спрашивал, кого бы на Симеонова-Пищика, так как Антипова в очередной раз уволили за пьянство».

— Да нет. Не увольняли. Нас обычно укладывали в алкогольную больницу. Однажды мы даже очутились там втроем — Высоцкий, я и Ваня Бортник. Нас от гнева начальства туда прятали. Вышестоящие

культурные органы говорили Любимову: «Вы что же, не можете остановить своих алкоголиков?» «А они уже лечатся», — отвечал шеф. — Они давно в больнице».

— Продолжу цитировать авторитетные источники. Народный артист Бортник утверждал, что Любимов мало кого любит из своих актеров — мол, Высоцкого он любил, Зинаиду Славину, и все, конец списка. Это так?

— Тут-то мне грех жаловаться. Как актера, как работника, а я работаю много, он меня любит. Я не могу равнодушно работать. Если выходишь на сцену, надо, чтобы химическая реакция началась, чтобы все пошло, заиграло. Любимов за это очень многое мне прощал.

— Например?

— Ну-у-у, я в свое время очень много пил. Сейчас уже лет восемь ни капли, а раньше пил, опаздывал. Обычная актерская мура. А когда я оканчивал театральное училище, мне дали три года условно — за валюту. Тогда это было очень серьезно — 68-й год. Меня к себе в театр брал Гончаров, правда, с оговорками: «У вас такая ситуация, мы должны за вами присматри-

вать. Вы должны понимать...» И прочее, прочее. А потом я показывался Любимову, и тот сказал: «Я твою ситуацию знаю, и, в общем, мне на нее наплевать. Я тебе даю работу, ты работаешь. Договорились?»

— И вы предпочли Таганку-хулиганку?

— Понимаешь, насколько Любимов совершенно другой человек? И как я могу после этого жаловаться?!

— Правда, что Любимов злопамятен?

— Нет. Он говорит так: я не злопамятный, но помню все. Злопамятный метит, а разве это присуще Юрию Петровичу?

— Да откуда же мне знать?! А что это за история с валютой?

— Я вышел из «Березки» на Ленинском проспекте, какой-то плащик там отхватил, и меня тормознули двое в штатском: «Вы это купили?» — «Да», — отвечаю. «А откуда у вас валюта?» И тут — моя глупость! — купил, говорю. Если бы я сказал: нашел, то в худшем случае, отняли бы плащ, дали по заднице и отпустили. Но я сказал: купил, а это уже статья. Мне 24 года было, конец учебы. Потом со страха я придумал историю,

причем придумал как-то убого, что валюту я купил в ресторане «Арагви». Тут они удивились: «Студент?.. В ресторане «Арагви»?..» И потянувшись эта фигня. И суд был.

— Вы боялись?

— Конечно, боялся. Я утром перед судом скромно оделся, сходил в парикмахерскую, подстрился. И потом, зная, что нужно этим инстанциям, говорил на суде: «Я репетирую сейчас в дипломном спектакле роль космонавта... Даю слово, что достойно сыграю передового человека нашего общества!» Через каких-то знакомых отец устроил хорошего адвоката. Мне дали три года условно. Они люди с набитым глазом, знают — кто настоящий валютчик, а кто случайно.

— Обжегшись на молоке, на воду потом дули?

— Наверное. Однажды мы с моим другом, поэтом Сашкой Величанским, чуть не влипли с книжками. У нас с собой имелась бутылка портвейна, и чтоб не на улице ее пить, зашли в «Националь», там внизу находился буфет. Нас прищучили: нельзя приносить и распивать. А у меня в сумке — «Архипелаг ГУЛАГ», у Сашки — что-то еще похлеще. Слава богу, все кончилось вопросами по поводу пьянства, выписывать штраф — не выписывать, а если бы менты сунулись нас обыскивать, не знаю, что бы тогда началось...

— А вы были диссидентствующий товарищ?

— На площади не выходил, но те ребята, с которыми я общался, и тот образ мыслей, который был мне свойственен, конечно, отличал меня от людей, ходивших с красным флагом. И Таганка всегда была левым театром.

— Вас держали под колпаком?

— Да как тебе сказать... Начало 80-х годов. Прихожу однажды домой с девушкой, часа в два ночи, поддатый. Около моей квартиры на табуретке сидит милиционер. Дверь открыта. Что такое? «А вот нам позвонили, что у вас дверь открыта, мы решили проверить, не украли ли у вас что-нибудь». Как же, говорю, вы узнаете, что у меня украли, если вы не знаете, что у меня было? Он позвонил, приехали еще два сотрудника: тыры-пыры, посмотрите, не украли ли чего? Нет, говорю, все на месте, до свиданья. И самое смешное, не знаю, что его на это толкнуло, тот первый мент достает вдруг из кармана маленькую серебряную табакерку: «Не надо дорогие вещи на виду держать!» Я понял, у них была другая задача — все время спрашивали: из книг ничего не пропало? А книги имеют способность распространяться. Видимо, где-то появились какие-то ксерокопии, и они искали, откуда растут ноги.

— А у вас, очевидно, хранилось нечто посильнее «Фауста» Гете?

— Еще в советское время, когда дико трудно было доставать такие книги, я прочел и Флоренского, и Розанова, и Набокова, и Сергея Булгакова. Сколько я привозил с гастролей... Был совершенно кошмарный случай. Однажды я провез через границу около 200 томов. Два чемодана книг! Мы прилетели глубокой ночью из Франции, и начался дикий шмон. Всех трясли со страшной силой: у Веньки Смехова какие-то цепочки доставали, Тайку Додину насквозь просвечивали. Что-то страшное! Я обливаюсь потом: ну все, надо куда-то бросать свои чемоданы. Но тут наступила пересменка, и я рванул без очереди. Сую одному пограничнику чемодан, другому — паспорт. «Нет, — говорит, — паспорт — ему, а чемодан — мне». Я другой чемодан протягиваю не тому, кому надо. В общем, запутал их раза три. «Валюты нет? Идите». И только сделал шагов восемь, сзади: «Стойте!» Абзац, думаю, пропал, бросаю чемоданы, возвращаюсь. «Вы паспорт забыли...» В тот раз проскочил. А чего у меня только не было! За одного Авторханова тогда пять лет давали, за «Технологию власти».

Глядя на Антипова после репетиции, поверишь ли, что театр — это легкая работа?!

От трагедии («Медea») до трагикомедии («Добрый человек из Сезуана») — вместе с великолепной Любовью Селютинной...

Прошлым летом в Авиньоне. Среди сегодняшних звезд Таганки Антипов первый не только по алфавиту

— Вы что, на книги весь гонорар спустили?

— Нет, издательства дарили. А вот в другой раз мне не повезло. Началась перестройка. Мы прилетели, ободренные парижским успехом. Молодой таможенник открыл мой багаж и выкладывает: книги, книги, книги... Сбежалось все Шереметьево! Поймали диссидента! Меня провели куда следует, разули, раздели, обшмонали. Поздравляют этого молодого и все допытываются у меня: «Ладно бы ты порнографию какую вез, но на хрена тебе Столыпин?!» Все изъяли, составили протокол. А поскольку уже демократия и гласность, можно было обратиться в суд, отсудить свои книги. Но мне посоветовали не связываться. Так все и осталось в таможне. Интересно вот, куда они делись?

— Каталин Любимова говорила мне, что вы были другом Высоцкого, хотя предпочитаете об этом не распространяться...

— Я не был таким другом, как Сева Абдулов или Шемякин, но выпивали мы вместе часто. Он был очень одиноким человеком, несмотря на огромное количество людей вокруг него. Мы с ним однажды вместе ехали в Архангельск, и он все время спрашивал: с кем ты дружишь, как вы общаетесь? Я рассказывал, а он: «У меня вот так не получается.» Настоящий художник и должен быть одинок. Когда человек одинок, он разговаривает с Богом. У нас с Высоцким замечательные отношения возникли вот на какой почве: зная мою любовь к стихам, он многое мне показывал из вновь написанного. И пел. Однажды спел «Коней». «Ну, как?» Хорошая, говорю, песня. «Ну вот видишь, нет пророков в своем Отечестве...»

— А он вам рассказывал, как ездил в Нью-Йорк, к Бродскому?

— Это известная история, он ее всем за кулисами рассказывал. Из заграничных историй я вспомнил сейчас вот такую: мы сидели с ним в баре, уже поздно, после спектакля, с Володиной была гитара, он начал петь. И люди вышли танцевать! Это его так обидело, он загрустил...

— Я подозреваю, от своей посмертной распродажи он бы вообще в ужас пришел. На ваш взгляд, Высоцкого сегодня идеализируют? Мне приходилось читать и слышать, мол, актер-то он был средний...

— Нет, он не был средним. Последние спектакли «Гамлета» он играл очень здорово. Раздражь, болезненность, острота восприятия — это чувствовалось.

— Опять сошлюсь на Демидову. Она говорила, что, играя с Высоцким в «Гамлете», попадала в его мощное энергетическое поле, буквально кожей это ощущала. Вы как относитесь к разговорам об актерской энергетике?

— Конечно, есть актеры, которые обладают тайной силой внутри. Та же Алла на каком-то «Вишневом саде» мне сказала: «Спектакль смотрела моя знакомая экстрасенс и считает, что ты вампир! Ты, Феликс, пьешь энергию».

— Подальше от вас, подальше...

— Я этого не чувствую, говорю. Ты вот спросил про энергетику... Можно тренировкой добиться того, чтобы в нужный момент актерский твой аппарат оказался быстрее готов к работе, легче возбудим. Этим можно подменить талант. Но подменить обаяние невозможно. В театре интересна человеческая индивидуальность. Вопрос лично-

сти — самый главный, играть-то умеют все. Любая человеческая деятельность — это игра. А вот личность... С собой нужно заниматься.

— Как?

— Быть любопытным. Информированным. Наполненным. Стараться все узнать. Вон Демидова всю жизнь собой занималась и себя делала. Теперь у нее репутация прекрасной актрисы.

— Великой! И не только репутация, так оно и есть.

— А вот другой пример — Зина Славина. Гигантская актриса! Поначалу это было что-то совершенно невозможное. Вулкан! Ну и что теперь?.. Жалко. Я не знаю, как воспитывается индивидуальность, но это на сцене самое интересное.

— Вы завидуете Смоктуновскому?

— Смоктуновскому... Какой-то странный вопрос.

— Почему странный?

— А чего ему завидовать? То, что он был замечательный артист?

— Гениальный!

— Наверное. Хотя я как-то не думал об этом. Другое дело, что я могу похвалиться: я ему нравился, он много видел наших спектаклей, каждый раз подходил, хвалил.

— Да он, говорит, всех хвалил. И якобы после премьеры вашего «Гамлета» ходил по гримеркам, плакал и даже костюмерам с осветителями говорил: «Друг мой, играли вы превосходно».

— Это легенда. Не такой уж он был сумасшедший. Он был необычный человек, но не до такой же степени. Я завидую иногда образованным людям. К тому же, если они еще и умные. А прорваться к известности я никогда не стремился. И славе чужой не завидую.

— Почему? Быть знаменитым — простите за расхожую цитату — некрасиво?

— Не знаю, не был. Я не тщеславен. Мне этого не преодолеть, да и я не пытался. Не ходил по студиям, не показывался режиссерам. Может быть, зря, а может, и правильно. По-серьезному, слава — это такая мур-собачья. Мне достаточно того, что Любимов считает меня нормальным актером, считается со мной.

— Но слава, популярность — это еще и другие деньги.

— Мне как-то всегда хватало — на книжки, на водку. Другое дело сейчас, когда у меня маленький ребенок. Ну все равно. Может, я испорчен своими друзьями, которые не считали деньги главным. У меня была хорошая компания. Популярность нужно поддерживать, а я человек ленивый. Я и актером потому стал, что особо трудиться не нужно. Подумаешь, выучил текст.

— А репетиции? Это же каторга: изо дня в день одно и то же долбить, шлифовать.

— Нет, бывает и интересно. Ну, какая это работа? Работа — в шахте, на заводе, а у нас — игра.

— «Что наша жизнь? Игр-ра-а-а...» Мне рассказывали, будто по молодости лет вы были первым плейбосом на Таганке.

— Ох... Опять легенды и мифы. У меня была замечательная подруга, Лена Поздняк. Она вообще-то француженка из русской эмиграции, из древнего дворянского рода. Театр много гастролировал, и она прилетала ко мне из Парижа — то в Швецию, то еще куда-то. Отсюда и слухи о моем плейбойстве.

— А кто ваша парижанка по профессии?

— Что-то переводила. А еще держала в Париже знаменитый ресторан, «Самовар» назывался.

— А почему роман не развился?

— Ну, не сложилось, а еще у нее муж был. Я никогда не понимал людей, которые живут в Америке или, скажем, во Франции. Нужны другие мозги. По молодости я бы еще задумался об эмиграции, а после 25 уезжать трудно. Даже по большой любви.

— Золотухин Вэс, помимо всего прочего, председатель профсоюзного комитета Театра на Таганке, в своем скандальном интервью для «СПИД-инфо» заявил, что самый захватывающий секс бывает за кулисами во время спектакля. Не знаю: верить ли, нет? Сам я не то, что за кулисами, а даже в зале совкупляться не пробовал, но вы-то, лицевой со стажем, по этому вопросу имеете точку зрения?

— Ну, всегда неожиданный секс интереснее, чем ожидаемый. Но у меня в театре романов не было. Нет, только не на работе! Это у них, у Валерки с Ленкой.

— От старой Таганки остался ворох шумных историй. Году, кажется, в 79-м ваш театр принимал в Тбилиси великий Параджанов. Говорят, знатная случилась гулянка, вам она чем-то запомнилась?

— Ужасом, ужасом, ужасом... Я к нему приехал уже хорошим и начал еще на лестнице блажить: «Прочь, тоска! Уймись, кручина!» Мы

Любимая роль?
Роль отца. Феликс — значит «счастливый».

Сын Антипова, поздний и желанный, счастлив вдвойне, ведь он — Феликс Феликсович!

пировали во дворе, где был фонтан, набитый бутылками — они охлаждали. Я раскачивался на стуле и перевернулся, упал в какую-то яму ногами вверх. Просыпаюсь под утро: «Господи! В аду я, что ли?! Неужели все?» Оказывается, Параджанов уложил меня в какой-то комнате, где у него на стенах висели огромные панно: засушенные ящерицы, вараны, какие-то страшилища и чудовища.

— А свою жену вы не в параджановском ли дворе нашли? Она ведь у вас грузинка?

— Нет, Мадлена — гречанка, но из Грузии. И наш маленький сын говорит: «Я — грек!» Ее прадед был главным архитектором Афин и ведет свою родословную от Иктина, который Парфенон строил, а дед ее — полный георгиевский кавалер.

— Надо же! А это легенда, что вы — родственник Сталина?

— Только Сталин об этом не подозревает. Мой родной брат был женат на сталинской внучке, Наде, дочке Василия. Слава богу, они как-то быстро разошлись.

— Почему же вас это радует? Скандалили?

— Пили по-страшному...

— Что-то мы напоследок опять на мокрую тему вырулили. Мне рассказывали историю про ваш «вечный леденец».

— Глупость это, а не история! Я, когда пил, переставал есть. Водка, вода и леденец на закуску. Мне хватало одной конфеты на два дня. Он хранился в бумажке, в ящичке стола в гримерке. Да у меня леденцы до сих пор там хранятся.

— Вы прямо, как Гаев!

— Водка ушла, а леденцы остались.

сибнефть

поставщик высококачественных нефтепродуктов на российский рынок и в страны ближнего зарубежья. По вопросам поставок обращаться: тел. (095) 777-31-49, факс (095) 777-31-50

ПАНОРАМА

ПАРКУЛЬТУРЫ

подробности

ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ

Джеки Чан отказался сыграть первого императора Китая в фильме Чжана Имоу «Убийство Цинь». Почему классику кун-фу не захотелось поработать с классиком фестивального кинематографа («Красный гаолян», «Жить»), есть две версии. Официальная — из-за съемок в «Часе пик-2», которые планируется закончить к осени. Неофициальная — последний фильм Имоу «Сохраняй спокойствие» четыре года назад был снят китайскими властями с конкурса МКФ в Канне, а Джеки «в корзину» работать не привык.

искусство жить

ДЕНЬГИ ОБЯЗЫВАЮТ

Первая и пока единственная в мире пуэрториканка, получающая 18-миллионные гонорары за фильм, актриса Дженнифер Лопес решила наконец вести себя как настоящая миллионерша. Для начала она пообещала упрятать за решетку своего бывшего бойфренда Паффи. Недавно этот горячий ровер посредством размахивания «пушкой» пытался навести по своему понимаемому конституционный порядок в одном нью-йоркском ночном клубе. Разогнала преданных ей, но баловавшихся «травкой» телохранителей. Наконец, объявила, что теперь ей есть чем заняться, помимо кино и музыки. Ее новый проект — коллекция одежды от Дженнифер. Контракт с Энди Хильфигером уже подписан.

БАНДЕРАСА ПРИГОВОРЯЛИ

Баскские террористы объявили охоту на звездную чету — Антонио Бандераса и Мелани Гриффит. Террористам не понравилось то, что Бандерас с женой на днях публично их осудили. Душегубы потребовали, чтобы супруги прекратили сниматься у режиссера Брайана де Пальма, тоже известного гуманиста и борца за человеческие права. Пришлось съемки фильма приостановить, а благородного Зорро с супругой поместить под 24-часовое неусыпное наблюдение сотрудников испанской службы безопасности.

к р и м и н а л

ВИКТЮК СОВРАМШИ

Театральная Москва взбудоражилась: на своей пресс-конференции Роман Витюк сообщил, что депутат Госдумы Н.Н. Губенко, он же худрук «Содружества актеров Таганки», написал заявление об уходе из театра. Из чего следует, что раскольникам ничего не остается, как сдаться на милость победителя. Значит, поле боя остается за Ю.П. Любимовым и новая сцена вот-вот вернется к нему навсегда. Прокомментировать ситуацию у Губенко не удалось: театр гастролирует в Минске. Однако главный администратор «Содружества» сообщила «Огоньку», что нигде уходить Губенко не собирается. Супруга Юрия Любимова Каталин сказала, что слухи об уходе Губенко «нас не интересуют». Вот шуму-то натворили!

АЛЕКСАНДР ПУГАЧОВ

ОТГАДКА РАДЗИНСКОГО

Эдвард Радзинский готовится к новому телепроекту из восьми серий, который будет называться «Моя театральная жизнь». Действительно, сколько можно копаться в чужих жилах — Гитлер, Распутин, Сталин? Так что в скором времени Эдвард Станиславович поведает нам о своей непростой судьбе в театре и о театре в своей непростой судьбе.

ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ

В кинотеатре «Ролан» прошел закрытый показ нового фильма Александра Сокурова «Телец», повествующего о последних днях жизни Ленина. На этом мероприятии, устроенном Сергеем Шолоховым для съемок очередного «Тихого дома», были замечены Олег Янковский с женой, Эльдар Рязанов с женой, Андрей Кончаловский с женой и сыном Егором, Михаил Ефремов с Ксенией Качалиной и другие. Искушенная публика восторгалась автором, а автор восторгался женой Александра Солженицына Натальей Дмитриевной: поцеловав ей (в отличие от всех прочих дам) ручку и даже опустившись на колени... Людмила Гурченко выкрикивала слова благодарности актеру Мозговому, сыгравшему роль Ленина. А Валерия Ильинична Новодворская громко говорила колкости Анатолию Чубайсу. Тот делал вид, что это все не к нему.

ЮРИЙ КОСТЯКОВ

ЯБЛОНЯ О ЯБЛОКЕ НИ ГУ-ГУ

Гай Мейсон, десятилетний сын ударника Pink Floyd, превзошел своего легендарного отца. В год его рождения, десять лет назад, папаша Ник принял участие в 2500-мильных автогонках «Ла Каррера Панамерикана» в Мексике. Пришел восьмым, о чем группа и спела в Run Like Hell и других композициях из альбома A Momentary Lapse of Reason, а также сняла фильм, посвященный этому мероприятию. Маленький Гай предпочел гоночному автомобилю самолет, вернее прогулки по крыльям летящего биплана, и в свои десять лет стал самым юным рекордсменом мира в этом экстремальном виде спорта. Вообще-то самый подходящий повод для папочки отразить в своем творчестве геройский поступок сына, а он делает вид, что ничего особенного не произошло. Что ж ты так, папа?

РЕUTERS

К Л Ю Л П О Х О Р

Я П Р С А Ц Я С

ЗОЛОТАЯ
МАСКА

2 апреля

ЗОЛОТО РЕЙНА
опера Р. Вагнера

3 апреля

ДОН ЖУАН
опера В. А. Моцарта

дирижер

ВАЛЕРИЙ ГЕРГИЕВ

Билеты в кассах Большого театра
Справки и заказ билетов по тел: 755 83 35
www.parter.ru

МАРИИНСКИЙ ТЕАТР

гастроли

В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Санкт-Петербург

ЗЛОЙ, ПЛОХОЙ, ХОРОШИЙ

Дилера ТАСБУЛАТОВА

Вечно мы опаздываем: иранский кинофеномен почти уже на излете, а наши отечественные интеллигенты с «европоцентристскими» наклонностями все недоумевают: мол, неужели в «каком-то там» Иране может быть великое кино? То же самое приключилось и с феноменом «балканским» — когда до нас дошли поздние, уже подпорченные маньеризмом картины Эмира Кустурицы, успевшие отхватить до этого все золото Канн и Венеции. Говорят, когда в 1985 году пресыщенная каннская публика увидела «Папу в командировке» (М 1, суббота, 23.15), шок был таким же, как когда-то от Курасава и Росселлини одновременно. История мальчика, отец которого отправился в длительную «командировку» (то есть в лагерь для инакомыслящих), несмотря на свой трагизм, буквально искрилась полнотой жизни. Такого не было, пожалуй, со времен неореалистических шедевров послевоенной Италии, первых опытов Росселлини и Висконти.

В марте, между прочим, исполнилось 27 лет со дня смерти этого последнего столпа европейской культуры, и ТВ, надо отдать ему должное, хоть как-то отметило эту дату — ранней трогательной картиной с великой Маньейни в главной роли — «Самая красивая», ОРТ, понедельник, 13.00. «Самая красивая» — на самом деле некрасивая бедная девочка, которую тщеславная мамаша (Анна Маньейни) во что бы то ни стало хочет сделать звездой экрана. Плаксивую малышку без конца одевают, гримируют, заставляют читать стихи — и все это под аккомпанемент непомерных мамашинских восторгов. Но за всеми этими смехотворными перипетиями читается мысль о самоценности человека — красивого или не очень, умного или дурака, неважно. Как всегда у Висконти. Наверное, поэтому ему удалось избежать тех крайностей, которые губили его коллегу Пазолини, обожавшего заглядывать в самые глубины испорченной человеческой природы. От пазолиниевского «Аккатоне» («Культура», вторник, 22.10) «Самую красивую» отделяют всего-то несколько лет, но от неореалистического обожания человека не осталось и следа. Главный герой здесь тоже из низов, но уже не только социальных: вор и сутенер — это вам не висконтиевская мамаша. Неореалистический экскурс в историю кино завершается старой картиной Карло Лидзани «Повесть о бедных влюбленных» («Культура», суббота, 11.00) с Мастроянни в главной роли; словом, фанам итальянского кино будет на чем отпиться.

МИШЕЛЬ МЕРСЕ в фильме об АНЖЕЛИКЕ

Вообще-то неделя выдалась киноманская, да еще с приятным прикусом ретро: есть даже два отечественных шедевра — «Иваново детство» Андрея Тарковского («Столица», четверг, 22.25) и «Золотой теленок» Михаила Швейцера («Столица», воскресенье, 22.15). Их любили в 60-х, в 70-х начали изучать, клялись ими в 80-х, во время разгула графоманского кино; ну а в конце 90-х они, естественно, стали неувядаемой классикой. Интересно, что по времени (эфируму в том числе) «Золотой теленок» совпадает с «Полуночным ковбоем» (НТВ, воскресенье, 22.20) — конец прекрасных 60-х, конец иллюзий повзростного человеческого братства и авантюризма. Двое бродят из американской глубинки (один из них — Дасти Хофман), путешествуют в поисках приключений по Нью-Йорку, «самому свободному» городу мира, но не находят ничего, кроме душевного опустошения. Бесславный финал — почти такой же, как у гения авантюры «товарища Бендера», столкнувшегося с плоским ужасом страны «равных возможностей», которой не нужны такие яркие личности. В воздухе конца 60-х уже веет вязкостью 70-х.

Впрочем, г-ну Бордери, тоже на свой лад шестидесятинику, автору сериала об «Анжелике» («Анжелика и султан», «Столица», суббота, 22.15; «Анжелика и король», М 1, суббота, 19.45), не до высоких материй. Пока его амбициозные коллеги вроде Годара и Трюффо поднимали «новую волну», он потихоньку клепал своих «Анжелик», услужу тринадцатилетних девочек (буквально для каждого эпизода изготавливалось новое платье, причем самим Карденом — с ума сойти!). Вообще костюмы звезд — отдельная тема; отчасти благодаря им кинематограф так долго был «женским», мужчины помогали лишь двигать сюжет. Сегодня благодаря усилиям неговорящих феминисток мир изменился с точностью до наоборот — хрупкая женственность, да еще облаченная в карденовские тряпки, нынче не в чести. Наступило время женщин-мужчин и просто мужчин. Таких, например, как Рассел Кроу («Бритоголовые», «Столица», суббота, 0.15) в роли фашиствующего молодчика, которая принесла ему международную известность.

лет назад

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ

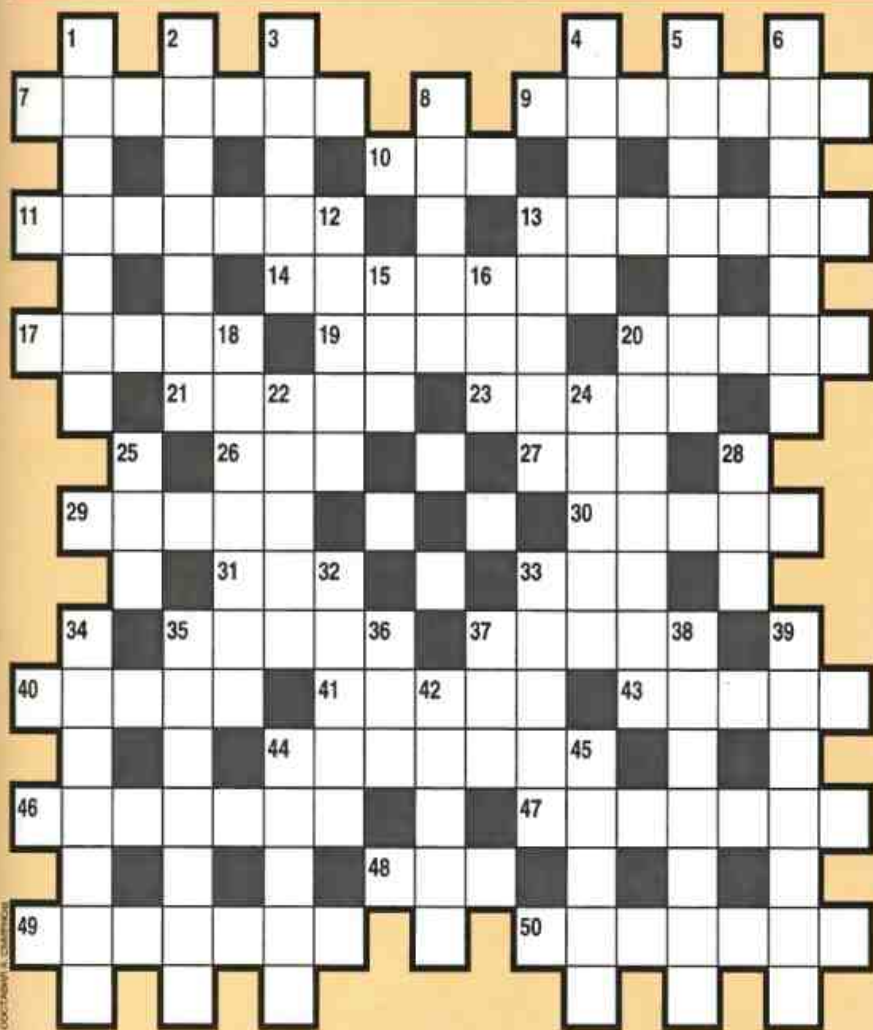

Это все ерунда, что мистические настроения посещают граждан какого-либо государства в моменты его страшных кризисов или распада. Склонных к вере о конце света можно найти и на Украине и в Англии, а в этих странах уровень развития и спокойствия общества находится на разных полюсах. Сатанисты бегают в черных лохмотьях и под Сан-Франциско и под Воронежем, выкрикивая им самим непонятные, но ими же самими придуманные слова в ужасных закланиях. Столь заметными колдуны и предсказатели стали в наших палестинах оттого, что совсем недавно их днем с огнем было не найти даже в родных НИИ и райкомах комсомола. Гласность и перестройка позволили лечить простатит путем космического излучения, а по пульсу узнавать национальность бабушки. По сути дела, астрология — тот же бизнес, и люди с крепкой психикой, минимальными актерскими способностями и максимальной наглостью всегда найдут верных последователей. Ярким представителем нового направления в коммерции стал Павел Глоба, один из первых, кто уютно обосновался в нише, официально пустовавшей семьдесят лет.

Пара советов для начинающих в этом, прямо скажем, не шибко трудном деле. Первый: любое предсказание должно быть истолковано в двух смыслах. Второе: обязательно ссылаться на уже состоявшийся прогноз. Ровно десять лет назад в одном из интервью это блистательно продемонстрировал

уже упомянутый Глоба. (Кстати, на вопрос о чудодейственных способностях он скромно заметил, что обнаружил их у себя в восемь лет, когда, играя, ударился головой о стенку.) «Какое ваше предсказание сбылось?» — спрашивает корреспондент. «Взрыв на химкомбинате в Новополище», — отвечает без тени смущения человек, который благодаря столкновению со стеной видит будущее. Тогда вся страна готовилась к референдуму (между прочим, с такими вопросами, что до сих пор ответы на них можно истолковывать, как стихи Нострадамуса), отсюда следующий вопрос: «К чему приведет референдум?» — «К волнению на местах», — отвечает Глоба. «Союз сохранится?» — «Да, естественно». Великое предсказание. После него такие перлы, что Россия, Украина и Белоруссия никогда не расстанутся, кажутся даже смешными. Радостная жизнь, по мнению Глобы, начнется с 1994 года, к 95-му страна выплзет из кризиса. Дальше уже научное обоснование. Оказывается, 91-й — это год Белого Барана, который пронесет народ гиперборейский (т.е. русский) над пропастью. А время этой пропасти три года. «Впрочем, — заключает Глоба, — чисто военного переворота у нас не будет». До августа оставалось всего пять месяцев, но, с другой стороны, попробуйте докажите, «чисто» или «не чисто» военным оказался предстоящий трехдневный путч? В общем, то ли голова у Павлика оказалась слишком крепкой, то ли стена — мягкой.

Пальцем в ГЛОБУ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Олейников + Стоянов = телепередача. 9. Специальное судно. 10. Течение в музыке. 11. Государство в Юго-Вост. Азии. 13. Ручной оптический прибор. 14. Устройство для определения местонахождения различных объектов. 17. Мелкая финская или английская монета. 19. Ловчая птица. 20. Известный автогонщик, погибший во время соревнований «Формула-1». 21. Ядовитая змея. 23. Государство с самым большим населением в мире. 26. Барин в старой Польше, Литве. 27. Крупное лиственное дерево. 29. Мусульманская религия. 30. В XVII — XVIII вв. крепость у днепровских порогов. 31. Самая длинная в мире река. 33. Физико-математический король. 35. Железный колчедан. 37. Южный плод. 40. Картина Рембрандта. 41. Футбольный суперклуб Италии. 43. Орлеанская дева — д'Арк. 44. Небольшая птица и сорт хурмы. 46. Древний город в Месопотамии. 47. Крестьянское антифеодальное восстание во Франции в 1358 году. 48. Лучшая опереточная роль знаменитого Г. Отса. 49. Балет С. Прокофьева. 50. Месторасположение летней королевской резиденции Англии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Французский философ-просветитель, писатель. 2. Штат в США. 3. Большая рюмка. 4. Кисломолочный продукт. 5. Зодиакальное созвездие. 6. Американский космонавт. 8. Украинская пляска. 12. Русский конструктор стрелкового оружия. 13. Яркий метеорит. 15. Система условных обозначений или сигналов. 16. Площадка для молотбы. 18. Родина Сервантеса. 20. Злостный срыв работы. 22. Горная система в Средней Азии. 24. Перцеяд. 25. Повесть И. Тургенева. 28. Сырье для опиума — красивый цветок. 32. Цитрус. 33. Арена. 34. Род тыквы. 35. Материал для письма в Древнем Египте. 36. Сооружение для мирной стрельбы. 37. Танцевальный вечер. 38. Судно экспедиции Крузенштерна. 39. Обитатель диаметрально противоположного полюса земного шара. 42. Предмет сервировки стола. 44. Домашнее животное. 45. Комнатная печь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Виток. 4. Купаж. 7. Аспид. 10. Рукав. 12. Уступ. 14. Клише. 15. Приам. 16. Ланцетник. 17. Король. 18. «Игроки». 19. Атолл. 20. Пристань. 21. Баллиста. 23. Столб. 25. Торс. 27. Трап. 29. Охра. 31. Окно. 35. Позор. 36. Нуль. 37. Абай. 38. Ралли. 39. Драка. 40. Колонна. 41. Ссора. 46. Агула. 47. Свод. 48. Межа. 49. Орфей. 51. Лира. 52. Олби. 53. Крут. 54. Орда. 56. Ягода. 58. Косность. 61. «Бородино». 64. Кларк. 66. Куверт. 67. Трубочка. 69. Амбразура. 71. Канат. 72. Ильин. 73. Орион. 74. Бланк. 75. Факир. 76. Агава. 77. Апорт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Вика. 2. Триполи. 3. Крепость. 4. Квинта. 5. Переговоры. 6. Журнал. 7. Аппарель. 8. Привкус. 9. Дума. 11. Кальян. 13. Текила. 20. Петипа. 22. Агония. 23. Спелеология. 24. Бонбоньерка. 26. Резервуар. 28. Ринг. 30. Рейс. 32. Калорифер. 33. Приклад. 34. Престол. 42. Карлик. 43. Осел. 44. Рагу. 45. Айдахо. 50. Пропаганда. 55. Форейтор. 57. Голубика. 59. Спутник. 60. Татами. 62. Октава. 63. Итальяно. 64. Кабина. 65. Клуба. 68. Шкаф. 70. Гнет.

астрологический прогноз 26 марта — 1 апреля

ОВЕН В понедельник велик соблазн побороться в пограничной с законом зоне. Помните, что в засаде уже залегли «половина» с тещей (свекровью). В среду взгляды шефа на жизнь вообще и вашу в частности могут резко контрастировать с вашими убеждениями. Четверг изменений к лучшему не принесет, но зато и худшее, запаниковав, исчезнет. В пятницу храните самообладание под рукой, а в субботу отправляйтесь на прогулку под ручку с оптимизмом. Воскресный день будет тих, как рыба, и длинен, как бутылка «Медового Гильзенского».

ТЕЛЕЦ Небеса извергнут молнии в начале недели, если вы не исключите некоторые сибаритские привычки. В среду необходимо проявить мудрость и рвение в труде, радуя начальство и супруга(у). Пятница способна втянуть вас в запутанное расследование. Пропавший бумажник или любимый тамагочи не стоят того, чтобы брать у тещи (свекрови) отпечатки пальцев. Утомительное путешествие предстоит в выходные. Разнообразьте его новыми знакомствами и старыми анекдотами.

БЛИЗНЕЦЫ Подвергаться постоянным преследованиям небесных блюстителей нравов суждено всю неделю, но в понедельник и вторник появится возможность вырваться из-под всевидящего ока звезд, «половины» и шефа. В среду наведите образцовый порядок в квартире и душе. Тогда в четверг любые происки небесной полиции окажутся тщетными. Пятница — оптимальное время для повышения своего реноме. В выходные не дайте склонности к философствованию окончательно завладеть вами.

РАК Ваш несокрушимый авторитет потребует подпитки в начале недели. Подкормите его свежими идеями. Шепот недоброжелателей будет особенно слышен в среду. Игнорируйте. В четверг, не впадая в праведный гнев, спокойно встретите сообщения детей о приобретенных хомьях, женихах и невестах. Пятница создаст обманчивое впечатление благоприятности в рабочем коллективе. Верьте в это, невзирая ни на что. Многоумные небесные советники рекомендуют провести уик-энд с хорошим настроением и верными друзьями.

ЛЕВ В понедельник берите патент на изобретение чудодейственного средства от хмурого утра. Вера в лучшее сорвет с постели ранние времена и направит бодрый галоп на подвиги и во вторник, и в среду. В четверг подавите в себе желание произвести переворот и вселить в души близких смутнение. Революции, совершенные в пятницу, тоже ничем хорошим не заканчивались. Ко встрече выходных подойдите по-деловому, пересчитав потенциальных гостей и вычислив необходимое количество спиртного.

ДЕВА Тщеславие дамочным мечом повиснет над вами в понедельник. Скромность способна украсить вас еще и во вторник. А вот в среду, отбросив стыдливость в сторону, займитесь личной жизнью. Вернуться к станкам не забудьте в четверг. Всю пятницу в небесных сферах пройдет конференция на тему «Как огорчить вас от ДТП!». Помните, что пока звезды заняты вашей особой, не следует жать на газ и увлекаться алкоголем. В уик-энд вам разрешено выпить вина, но только в приятной компании, с закуской и с такси под окнами.

ВЕСЫ Выдающиеся успехи как на домашнем, так и на служебном поприще вам предрекают в начале недели. Кофе, поданный в постель «половине», будет укусен как никогда, а отчет, представленный шефу, затмит все предыдущие точностью и изяществом. В среду старайтесь уповать тончайшие психологические нюансы в отношениях коллег. Не кривите душой и в пятницу. Здравый подход и чувство юмора переставят ваш портфель в более просторный кабинет. Позвольте детям и любимым покапризничать в выходные.

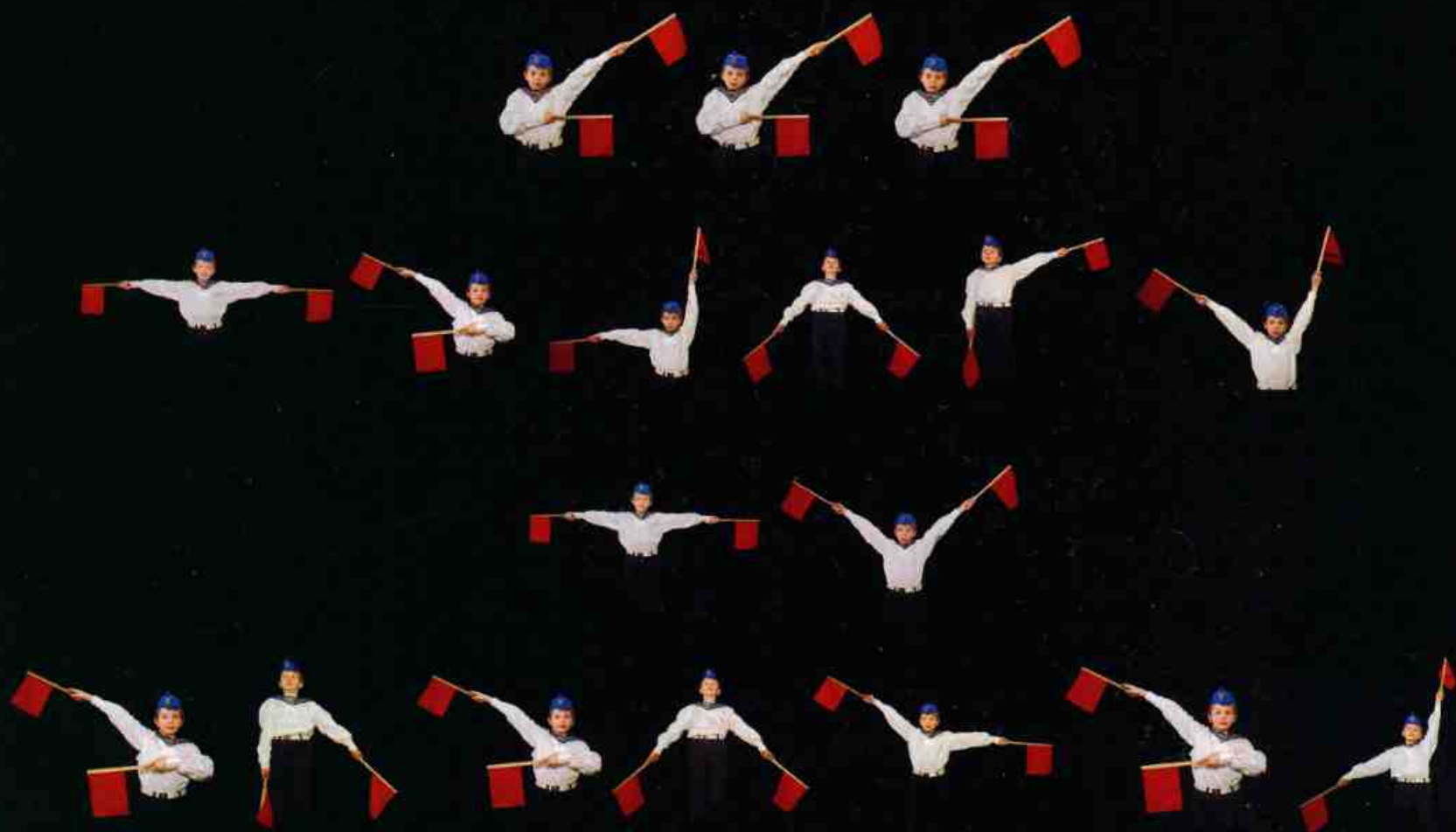
СКОРПИОН Борьбу с привилегиями захочется начать в понедельник. Призадумайтесь, так ли необходимо лишать тещу (свекровь) права беспрепятственного проникновения в вашу квартиру. Красноречием небеса одарят вас во вторник и в среду. Старайтесь не выражаться при детях и любимых. Утверждение, что деньги не пахнут, покажется вам ложным в четверг. В пятницу добросовестно выполняйте родительские обязанности, а в субботу, взвалив их на «половину», организуйте мальчишник (девчичник) с воскресным продолжением.

СТРЕЛЕЦ Вышестоящие инстанции засомневаются в вашей компетентности в понедельник. Если вы появитесь на работе во вторник, то шансы реабилитироваться возрастут. Изодранный ум шефа подкинет пару загадок в среду. Не впадайте в меланхолию. Пятница предоставит вам возможность продемонстрировать свой интеллект. В выходные все попытки утвердить царство справедливости не увенчаются успехом, если вы сами войдете в образ странствующего рыцаря (девицы) и явитесь семье лишь на несколько минут.

КОЗЕРОГ Административная суровость шефа в начале недели может набирать обороты. К среде ваш организм будет нуждаться в капитальном ремонте. Косметические средства в виде подкраски набрякших век и припудривания покрасневшего носа не спасут. Пара дней в разгрузочном режиме приведут вас в божеский вид. Отменяйте все журфиксы и фуршеты в пятницу. Воздержание в еде, питье и любви распространите на субботу. В воскресенье звезды разрешат нарушить обет и вкушать плотских радостей.

ВОДОЛЕЙ В тихий омут лени небесные бездельницы затянут и вас. Не поддавайтесь, взбивая ногами грязь, а руками — кудри. Носитесь в полной боевой готовности и раскраске предстоит во вторник и среду. К четвергу силы истощатся, а терпение надует и готово будет лопнуть. Подкрепите семейной аурой: детским смехом и ласковым ворчанием «половины». Держитесь интригующе всю пятницу. Хищники противоположного пола уже идут по вашему следу. В выходные будьте готовы ободриться шампанским.

РЫБЫ Звезды с пониманием отнесутся к вашему состоянию в понедельник, но чувствительный нос шефа не оставит вам лазейки. Свалите все на спиртовые компрессы по случаю внезапно заболевшего горла. Вторник и среду замаливайте грехи за рабочим столом. В четверг сохраняйте самообладание. Не стоит всю пятницу пытаться нацупать на своей голове роговидные отростки. Живите легко и спокойно. Звезды советуют в конце недели съездить в Париж или посмотреть пару сильных французских фильмов.

д л я т е х , к т о н е п о н я л

www.
ropnet.
ru
/ogonyok/

